

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Соловьева Евгения Анатольевна

**МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ:
КОГНИТИВНЫЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Кравцов С.М.

Ростов-на-Дону – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические основы исследования метафоры и военного дискурса	14
1.1. Теоретические подходы к изучению метафоры в когнитивном аспекте	14
1.2. Предпосылки исследования метафоры в диахроническом аспекте	37
1.3. Интерпретация дискурса и военного дискурса в современной лингвистике	43
1.4. Актуальные аспекты исследования метафоры в военном дискурсе	57
Выводы по главе I	63
Глава II. Метафора как средство концептуализации французской военной сферы	65
2.1. Концептуальная структура французской военной сферы	65
2.2. Метафорические номинации в современном французском военном дискурсе	69
2.2.1. Метафорические номинации в современном институциональном французском военном дискурсе	70
2.2.2. Метафорические номинации в современном неинституциональном французском военном дискурсе	81
2.3. Функционирование метафоры в современном институциональном французском военном дискурсе	88
2.4. Функционирование метафоры в современном неинституциональном французском военном дискурсе	105
Выводы по главе II	113
Глава III. Эволюция метафоры в неинституциональном французском военном дискурсе	117
3.1. Метафорические номинации в субстандартном военном вокабуляре начала XX века	117
3.2. Метафорические номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте	128
Выводы по главе III	167
Заключение	169
Список литературы	174
Приложения	203
Приложение 1. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в современном институциональном французском военном дискурсе	203
Приложение 2. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в современном неинституциональном французском военном дискурсе	204

Приложение 3. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в субстандартном военном вокабуляре начала XX века	205
Приложение 4. Диаграмма распределения концептов-источников метафорической номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте	206
Приложение 5. Диаграмма распределения концептов-мишеней метафорической номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте	207

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних десятилетий в языкознании утвердилось новое перспективное научное направление – когнитивная лингвистика, в рамках которой метафора рассматривается не столько в качестве стилистического приёма, сколько в качестве формы человеческого мышления. По мнению учёных-когнитологов, выявление и анализ метафоры может служить одним из путей изучения ментальных процессов, лежащих в основе формирования самосознания человека на разных уровнях, таких как индивидуальный, групповой (включая корпоративно-профессиональный) и общенациональный, что способствует, в свою очередь, лучшему пониманию культурных и психологических особенностей, свойственных носителям языка определённой социальной группы.

В настоящее время отмечается активизация исследований в области специальной лексики. Эта тенденция обусловлена как развитием в лингвистике антропоцентрической и когнитивной парадигм, так и важными динамическими изменениями, происходящими на уровне языков профессионального общения. Сегодня это особенно актуально для языка военной сферы социума. Научно-технический прогресс, международная политическая нестабильность, глобализационные процессы, значительная активизация социальной роли вооружённых сил стимулируют как стандартное, так и нестандартное словообразование в языке военной сферы, а также влияют на дискурсивные практики в том или ином военном сообществе.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена несколькими факторами:

1) когнитивный потенциал в диахроническом аспекте языковых знаков, в частности метафоры, в современном французском военном дискурсе является одной из недостаточно изученных проблем современного французского языка;

2) благодаря эволюционному процессу в языке и расширению военной сферы увеличивается количество метафор во французском военном дискурсе, что требует специального исследования;

3) представляется весьма важным более глубокое и комплексное изучение метафоры как инструмента мышления и познания мира, а также её способности объективировать внеязыковую действительность в рамках французского военного дискурса;

4) является значимым для науки исследование функционирования метафоры в современном французском военном дискурсе, как в институциональном, так и в неинституциональном;

5) изучение метафоры представляет большой научный интерес с учётом того, что она служит не только средством развития и пополнения лексического фонда языка, но и важным стилистическим средством.

Степень разработанности проблемы. Исследованию номинации в различных языках реалий военной сферы, а также исследованию военного дискурса посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные учёные. К ним целесообразно отнести таких, как Б.Л. Бойко [Бойко 2008аб, 2009], М.Г. Бойко [Бойко 2011], И.А. Ворожейкина [Ворожейкина 2005], Л.В. Горбань [Горбань 2008], Ю.Ю. Дуброва [Дуброва 2015], Н.В. Егоршина [Егоршина 1995], А.С. Романов, Р.И. Зарипов [Романов 2015; Романов, Зарипов 2017], О.А. Захарчук [Захарчук 2007], Л.Н. Зенкова [Зенкова 1991], Е.Б. Кивилева [Кивилева 2017], Т.Г. Кликушина [Кликушина 2007], А.Н. Кожин [Кожин 1985], В.П. Коровушкин [Коровушкин 2003, 2012], Ю.Г. Кочарян [Кочарян 2012], А.А. Кретов [Кретов 2013], С.В. Лазаревич [Лазаревич 2000], М.Н. Лату [Лату 2009], Е.В. Лупанова [Лупанова 2018], Я.А. Манукян [Манукян 2011], А.С. Махов [Махов 2015]; П.Д. Митчелл [Митчелл 2014аб, 2015аб, 2016], Л.Л. Нелюбин [Нелюбин 2007], А.В. Олянич [Олянич 2003], О.Р. Рякина [Рякина 1997], С.В. Соколов [Соколов 2013], Е.А. Степанов [Степанов 2012], Г.М. Стрелковский [Стрелковский 1972], Г.А. Судзиловский [Судзиловский 1954, 1973], В.В. Терещенко [Терещенко 2001],

Н.А. Фененко [Фененко 2007], В.В. Чеботарёва [Чеботарёва 2012], И.М. Чипан [Чипан 2000], А.В. Уланов [Уланов 2014], В.С. Унагаев [Унагаев 2013], Т.С. Юсупова [Юсупова 2010], L. Chouliaraki [Chouliaraki 2016], K. Frisk [Frisk 2019], J. Joachim, A. Schneiker [Joachim, Schneiker 2012] и другие.

Тем не менее лингвисты, обращавшиеся к изучению французского военного дискурса, не столь многочисленны, в результате чего он исследован недостаточно глубоко. Среди таких учёных необходимо выделить Н.К. Гарбовского [Гарбовский 1988], Р.К. Миньяра-Белоручева [Миньяр-Белоручев 1984], О.В. Оришак [Оришак 2008], В.К. Панкову [Панкова 1992], Ю.Н. Сдобнову [Сдобнова 2014, 2016], J.M. Chadelat [Chadelat 2003], A. Joxe [Joxe 1997], H. Maniakis [Maniakis 2014], C. Mraz [Mraz 2014], M-A. Paveau [Paveau 1996], C.Oger, C.Ollivier-Yaniv [Oger, Ollivier-Yaniv 2003] и других.

Публикации последних лет свидетельствуют о том, что метафора, функционирующая в различных дискурсах, служит способом концептуализации не только обыденного, но и профессионального знания [Cabré-Castellví, Cormier 1998; Giaufret 2013; Prandi 2002; Rossi 2014, 2015]. Однако среди исследований, посвящённых подробному изучению метафоры в военном дискурсе, нами выявлены работы всего лишь трёх авторов: Г.А. Бучиной [Бучина 2003], А.Г. Рябова [Рябов 2010] и А. Saber [Saber 2003]. Кроме того, на сегодняшний день не существует работ, посвящённых комплексному когнитивному, диахроническому и стратификационному исследованию метафоры во французском военном дискурсе.

Объектом исследования служат метафорические лексические единицы во французском военном дискурсе начала XX века (1900-1918 годы) и начала XXI века.

Предметом исследования является когнитивный потенциал метафоры во французском военном дискурсе в диахроническом аспекте с учётом её эволюции за период с начала XX века до настоящего времени.

Материалом для исследования послужили французские военные документы и французская специализированная военная литература, включающая периодические издания, опубликованные в 2000-2018 годы; произведения мемуарно-документального характера, обладающие высокой степенью фактологической достоверности, написанные французскими военнослужащими в 1900-1918 и 2000-2018 годы; документальные материалы, размещённые на интернет-сайте Министерства обороны Франции, интернет-сайте Института стратегических исследований Военной академии Франции, персональных интернет-сайтах современных французских военнослужащих; корпус французских специальных лексических единиц военного дела (далее – СЛЕВД), обладающих метафорическим значением и извлечённых из специализированных словарей начала XX и XXI веков. Объём выборки современной специальной лексики включает в себя 1032 стандартные (формализованные) метафорические СЛЕВД и 442 субстандартные метафорические СЛЕВД. Картотека практического материала содержит также субстандартную военную лексику начала XX века в количестве 451 метафорической СЛЕВД. Общий объём картотеки – 1925 метафорических лексических единиц, репрезентирующих реалии военной сферы.

Цель работы заключается в исследовании метафоры как средства, способствующего формированию французского военного дискурса, с точки зрения её когнитивного потенциала, а также её эволюции.

Заявленная цель работы предполагает решение следующих **задач**:

1. Исследовать концептуальную структуру французской военной сферы;
2. Выявить и описать метафорические номинации в современном французском военном дискурсе;
3. Охарактеризовать функционирование метафоры в современном институциональном французском военном дискурсе;
4. Охарактеризовать функционирование метафоры в современном неинституциональном французском военном дискурсе;

5. Рассмотреть эволюцию метафорических номинаций в неинституциональном французском военном дискурсе за период с начала XX века до настоящего времени.

Теоретическая и методологическая база исследования.

Общефилософская методология исследования базируется на принципах диалектики, отражающих связь возникновения и развития явлений, на законах перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей.

Общенаучная методология исследования основывается на принципах антропоцентризма, системности и детерминизма.

Частнонаучная методология основывается на исследованиях

– в области теории метафоры и когнитивной лингвистики [Аникин 2015; Бабушкин 1997; Балашова 2011, 2014; Болдырев 2004; Воркачѳв 2003; Кобозева 2001; Кондратьева 2015, 2017; Красных 2014; Лагута 2003; Попова, Стернин 2015; Складьевская 1993, 1997; Степанов 2007; Телия 1988, 1996; Чудинов 2013; Charbonnel 1991; Grady 1999, 2007; Groupe μ 1982; Lakoff 1975, 1980, 1989, 1993, 1999, 2013; Johnson 2002; Kleiber 1994; Monneret 2004; Johnson-Laird 1983; Pottier 2000; Ricoeur 1975, 1978; Rosch 1975 и другие];

– в области теории дискурса и концептов [Бахтин 1997; Гриненко 2018; Грушевская 2018, 2019; Демьянков 2005; Карасик 2002; Кибрик 2009; Кравцов 2008, 2012; Макаров 2003; Силантьев 2010; Фанян 2017; Фѳдоров 2019; Червоный 2019; Adam 1997; Austin 1962, 1966; Fairclough 1992; Kress 1985; Maingueneau 1991; Neveu 2004; Rastier 1987, 1989, 1991, 2001; Roulet 1991; Van Dijk 1977, 1998 и другие];

– в области романских языков и, в частности, французского [Гак 1988; Гарбовский 1988; Кравцов 2008, 2012; Червоный 2014; Rastier 1987 и другие];

– в области профессиональной коммуникации [Лейчик 2007; Малюга 2011; Шелов 2012; Cabré-Castellví, Cormier 1998; Oliveira 2005, 2009; Prandi 2002; Rossi 2014, 2015 и другие];

– в области философии и психологии языка и речи [Величковский 1973;

Вилюнас 1976; Колесов 2002; Abel 2002 и другие].

В работе применяются традиционные для лингвистического исследования **методы**, обусловленные спецификой его объекта и предмета:

- метод наблюдения, позволивший отобрать и проанализировать необходимый языковой материал;
- метод описания, давший возможность охарактеризовать и классифицировать метафорические единицы;
- метод компонентного анализа, позволивший выделить семы в значении СЛЕВД и уточнить семантическую структуру лексических единиц;
- метод дискурсивного анализа, давший возможность идентифицировать языковой материал с учётом его принадлежности к институциональному или неинституциональному французскому военному дискурсу;
- метод контекстуального анализа, позволивший выявить когнитивный потенциал метафорических единиц;
- статистический метод, давший возможность произвести количественный анализ языкового материала.

Гипотеза данного исследования заключается в следующем: поскольку метафора является одной из форм человеческого мышления, метафорическая концептуализация французской военной сферы обуславливается не только национальными, но и индивидуальными особенностями человека, а также его профессиональными и социальными потребностями на различных этапах существования общества. Формализация лексики может оказывать влияние на активность метафорических переосмыслений и функционирование метафорических лексических единиц во французском военном дискурсе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная структура французской военной сферы представлена тремя концептами: «Военнослужащий», «Военная реалья», «Противник», которые вербализуются посредством СЛЕВД как в стандартном (формализованном), так и в субстандартном вокабуляре. Два концепта из трёх

(«Военнослужащий» и «Военная реалья») состоят, в свою очередь, из частных концептов, количество и вербальные номинации которых в стандартном и субстандартном вокабулярах могут совпадать или нет. Концепт «Военнослужащий» обладает бóльшим числом частных концептов в субстандартном вокабуляре, а концепт «Военная реалья» представлен одинаковым числом частных концептов в обоих вокабулярах. Концепт «Противник» не подразделяется на частные концепты в обоих вокабулярах.

2. Метафорические номинации в современном институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе образуются на основе как антропоцентрической, так и неантропоцентрической метафоры. Наиболее продуктивными в современном французском военном дискурсе в целом являются метафорические номинации, связанные со сферой-источником «Реалии быта и привычного мира».

3. Функционирование метафоры в современном институциональном французском военном дискурсе обеспечивает реализацию таких важных функций, как номинативная, когнитивная, дидактическая, ритуальная, камуфлирующая (мелиоративная), обобщающая, коммуникативная, функция экономии речи.

4. Функционирование метафоры в современном неинституциональном французском военном дискурсе обеспечивает реализацию большего количества функций, чем в институциональном военном дискурсе. К ним относятся не только номинативная, когнитивная, дидактическая, ритуальная, камуфлирующая (мелиоративная), обобщающая, коммуникативная, функция экономии речи, но и эмоционально-оценочная, людическая, конспиративная функции.

5. Произошедшие за период с начала XX века до настоящего времени значительные изменения в социально-экономической жизни Франции, обусловленные научно-техническим прогрессом, оказали воздействие на самосознание и менталитет французских военнослужащих, что повлияло на

изменение характера метафор. В настоящее время в неинституциональном французском военном дискурсе меньше метафор, этимологически восходящих к неодушевлённым объектам окружающей действительности с целью номинации сослуживцев. Современные метафоры неинституционального французского военного дискурса по сравнению с метафорами начала XX века характеризуются большей степенью семантической сложности, рациональности и логичности. Среди них значительно меньше, чем в начале XX века, метафор, семантически связанных с представлением о смерти и трагедии. В современном неинституциональном французском военном дискурсе появились метафоры, заимствованные из английского языка.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём

– впервые представлена концептуальная структура французской военной сферы;

– впервые устанавливаются и комплексно описываются модели метафорических номинаций в современном институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе;

– выявляются и комплексно анализируются модели метафорических номинаций в субстандартном французском вокабуляре начала XX века;

– впервые изучаются в диахроническом аспекте метафорические номинации в неинституциональном французском военном дискурсе за период с начала XX века до настоящего времени, выявляются эволюционные изменения моделей метафорической вербализации.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что её результаты углубляют знания в таких областях исследования романских языков, как структура словарного состава, развитие и пополнение словарного состава, функционирование лексических единиц, проблемы классификации лексических единиц, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств, в частности метафоры, что вносит вклад в развитие

романистики. Результаты исследования уточняют представление о французском военном дискурсе, расширяют знания об эволюции метафорических лексических единиц во французском военном дискурсе, что также является значимым для романского языкознания в целом.

Практическая ценность работы заключается в том, что выводы, результаты, полученные в процессе исследования, материалы могут найти своё применение при обучении лексикологии, стилистике французского языка, теории и практике перевода, переводу в профессиональной сфере, а также в спецсеминарах и спецкурсах, посвящённых проблемам теории дискурса, теории экспрессивности, когнитивной лингвистики. Они могут быть использованы и в процессе подготовки выпускных квалификационных и дипломных работ.

Достоверность и объективность результатов исследования обеспечиваются исходными теоретическими положениями, подбором адекватных методов исследования для реализации заявленных в работе задач, а также объёмом проанализированного языкового материала.

Апробация работы. По материалам диссертационного исследования опубликовано 14 работ, в том числе в изданиях, входящих в базу Web of Science Core Collection (ESCI), – 1, в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, – 10. Основные результаты исследования и теоретические положения диссертации были представлены в виде докладов и тезисов на научных конференциях, в частности, на всероссийской научно-практической конференции «Филологические и педагогические исследования на современном этапе развития науки» (Ростов-на-Дону, 2016 г.), на Международной научной конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 2016 г.), на Международной научно-практической конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака» (Москва, 2017 г.), на Международной заочной научной

конференции «Язык и речь в синхронии и диахронии» (Таганрог, 2017 г.), на XVI Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк-Пятигорск-Ростов-на-Дону, 2018 г.), а также на заседаниях научно-методического семинара кафедры романской филологии Южного федерального университета в 2015–2018 гг.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Она включает введение, три главы, каждая из которых заканчивается краткими выводами, заключение, список литературы, содержащий теоретические источники и источники языкового материала, и приложения, где резюмируются полученные результаты.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ И ВОЕННОГО ДИСКУРСА

1.1. Теоретические подходы к изучению метафоры в когнитивном аспекте

На протяжении многих веков феномен метафоры не перестаёт занимать умы учёных и философов. Однако окончательное понимание сущности данного явления продолжает находиться за гранью предлагаемых объяснений, а создание единой теории метафоры всё ещё далеко от своего завершения. Этимологически слово метафора отсылает к идее переноса значения, тем не менее, до сих пор представляется достаточно сложным обозначить объём и функциональные рамки этого понятия.

В языкознании существует несколько подходов к интерпретации метафоры. Некоторые исследователи рассматривают метафору как отклонение, имеющее стилистические предпосылки (риторическая теория метафоры). Эта позиция отчасти связана с положением, утверждающим, что смысл слова во многом сводится к условиям, которым обозначаемое должно удовлетворять, чтобы к нему можно было применить определённое слово [Recanatì 1997, p. 107]. По данной причине именно прямое значение – «арбитр смысла» в совокупности с определёнными условиями и условностями языка и предопределяет в конечном итоге формирование метафор [Cadiot 2002, p. 50].

Наиболее иллюстративными примерами для репрезентации метафоры как отклонения могут служить так называемые метафоры *in absentia*, под которыми понимают метафоры, определяемые исключительно контекстом. Основой для таких метафор является контекстуальная дихотомия «аллотопия VS изотопия», а само высказывание, взятое изолированно, не содержит метафорического сдвига. Например: *к нам едет цирк* или *он просто ребёнок*. В этих случаях без знания конкретного контекста нельзя сказать, идёт ли речь о лексических единицах в прямом или переносном значении.

В зависимости от лексикализации и стилистической значимости обычно различают мёртвые (или «угасшие») метафоры, источник которых практически невозможно выяснить; узуальные (или латентные) метафоры – лексикализованные метафоры, их происхождение может быть установлено; окказиональные (или активные) метафоры – ярко воспринимаемые метафоры, имеющие контекстуальный характер [Black 1980, p. 25; Игнатьева 2017, с. 162].

Весьма близким к риторической трактовке метафоры является субституциональный подход, который предполагает, что метафора служит лишь для замещения буквального в стилистических целях и может быть переформулирована при помощи нефигуральных средств выражения. Другие исследователи трактуют метафору как некоторое сравнение (компаративистская теория метафоры). В целом компаративистская теория имеет два главных направления: в одном метафора рассматривается как эллиптическое сравнение [Вежбицкая 1990, с. 148-149], а в другом, предлагаемом, например, Д. Миллером (D. Miller), предпринимается попытка отождествлять образное значение метафоры с буквальным значением сравнения [Миллер 1990, с. 236-282]. Одним из ярких современных представителей компаративистского направления является Э. Ортони (A. Ortony), который полагает, что метафора содержит в себе «несогласованность выраженных свойств» («*salience imbalance*»), и рассматривает её как особый вид сравнения [Orthony 1993].

Начиная с XIX века постепенно происходит изменение взгляда на метафору как на обычное украшение речи. Эта тенденция связана прежде всего с представителями романтического направления и философией Ф. Ницше. По мнению немецкого философа, входя в контакт с жизнью, человеческая мысль вначале порождает метафоры, тогда как понимание составляет более поздний, вторичный процесс, а сама истина иллюзорна и есть

«движущееся множество метафор, метонимий и антропоморфизмов» [Nietzsche 1991, p. 123].

Труды Ф. Ницше привлекают внимание учёных и философов к феномену метафоры. В 1936 году выходит работа английского философа и филолога А. Ричардса (I. Richards), в которой он отстаивает представление о первичной метафоричности человеческой мысли [Richards 1936, p. 94]. Кроме того, А. Ричардс впервые типологизирует существующие теории метафоры. В частности, он выделяет три основных направления исследований: теории сравнения, теории замещения и теории интеракции [Richards 1936, p. 87-112].

Если теории сравнения и замещения представляют собой классический подход к анализу метафорических переосмыслений, то интеракционный взгляд А. Ричардса, не исключая аристотелевских представлений о возможности описания мышления при помощи абстрактных логических моделей, является по сути первым, учитывающим психологию человека и эпистемиологические особенности его деятельности. Для анализа метафор А. Ричардс выделяет два рабочих понятия – содержание («tenor») и оболочка («vehicle»). Содержание представляет собой передаваемый смысл, то есть то, что подразумевается (референт сравнения), а оболочка (образ) – собственно репрезентация этого смысла, форма в которую он облекается. По А. Ричардсу, метафора возможна при наличии определённого сходства между содержанием и оболочкой, которые взаимодействуют между собой [Richards 1936].

В дальнейшем идеи А. Ричардса развиваются философом и логиком М. Блэком (M. Black). Теория интеракции М. Блэка является одной из первых аналитических теорий, которая ставит своей задачей доказать, что метафоры сообщают несколько более того, что содержится в их буквальном значении, то есть обладают некоторым дополнительным когнитивным компонентом. Как и теорию А. Ричардса, её тоже можно отнести к так называемым семантическим теориям метафоры. В основе теории М. Блэка лежит понимание метафоры как интеракции двух систем – обозначаемого и образного средства. В

метафорическом переосмыслении М. Блэк вычленяет главный и вспомогательный субъект. Главный субъект (референт) представляет собой мишень метафорического переноса, а вспомогательный является источником метафоры. Эти два субъекта связаны между собой системой импликаций (system of implications). Кроме того, М. Блэк рассматривает метафору как член предложения, находящийся в составе определённого пропозиционального суждения, поэтому он выделяет фокус метафоры (focus) и его окружение, контекст, или рамку (frame). Под фокусом метафоры понимается лексическая единица, содержащая метафорический сдвиг, а под рамкой – контекст, в котором она представлена [Black 1954, p. 276].

Согласно М. Блэку, одним из необходимых условий адекватного понимания метафоры является наличие у реципиента стандартных, культурнообусловленных ассоциаций и представлений («associated commonplaces, standard beliefs») о субъектах метафоры. Упрощая, можно сказать, что данные ассоциации и представления являются набором простых высказываний, позволяющих верно декодировать метафорическое суждение. Рассмотрим пример, приводимый самим М. Блэком: «человек – это волк» («man is a wolf»). В данном случае человек является главным субъектом, а волк – вспомогательным. Представители отдельного социокультурного сообщества располагают набором стандартных стереотипов, считающихся истинными по отношению к волку. Например, в западной культуре волк свиреп, волк – охотник на живых существ. По мысли М. Блэка, дешифровка метафоры должна происходить через импликацию: если человек есть волк, то человек есть свирепый и охотник на живых существ [Black 1954, p. 288]. При этом совершенно очевидно, что изменение стандартного набора простых высказываний о вспомогательном субъекте может коренным образом изменить дешифровку метафорического переосмысления или уничтожить импликацию, если в какой-либо культуре набор представлений, выраженный в консеквенте, будет рассматриваться как ложный. С другой стороны, по

мнению М. Блэка, метафорическое переосмысление представляет собой процесс взаимодействия двух термов. Метафора прилагает к главному субъекту (референту) только те суждения, которые являются применимыми к вспомогательному. Именно вспомогательный субъект (метафорический предикат) и задаёт тот экран, сквозь сетку которого человек видит референт. При этом М. Блэк утверждает, что некоторые признаки стандартных представлений о вспомогательном субъекте испытывают метафоризацию при переходе к главному субъекту [Black 1954, p. 287-288]. Это предполагает двунаправленность метафорического переноса. Однако подробное рассмотрение данного феномена М. Блэк не представляет.

Мы не можем разделить мнение тех исследователей, которые упрекают М. Блэка в том, что изложенная им теория представляет собой разновидность сравнительной теории метафоры [Soskice 1987, p. 47]. Сам М. Блэк совершенно определённо разделяет метафору и сравнение на том основании, что сравнение может быть адекватно выражено в степенях сходства или различия, а метафорическое утверждение – нет [Black 1954, p. 284]. Поскольку метафора всегда субъективна, мысль М. Блэка о понимании метафорического утверждения как некоторого высказывания, содержащего субъективное представление о подобии, кажется нам вполне логичной и обоснованной. К сожалению, она не даёт адекватного ответа на вопрос: почему человек предпочитает метафорическое утверждение, которое реципиент должен переосмыслить как имплицативное суждение, а не использует сразу развёрнутое сравнение, не требующее усилий по его дешифровке? М. Блэк пытается объяснить это тем, что сравнение не обладает информирующей силой метафоры и лишено проникновения в суть вещей. Тем самым он постулирует наличие некоторой дополнительной когнитивной составляющей в семантике метафоры, которая является результатом взаимодействия субъектов высказывания. С другой стороны, М. Блэк рассматривает метафору как субститут какого-либо нефигурального выражения.

Тот факт, что М. Блэк практически не затрагивает в своей работе проблему истинности или ложности собственно метафорического утверждения (человек – это волк), заставляет думать, что он действительно полагает, что в целом понимание метафоры может быть описано через простую импликацию (операцию формализованного языка). В приведённом выше примере суждение «человек – это волк» представляет основание, а не консеквент импликации, поэтому совершенно не важно, является ли оно истинным или ложным. Пользуясь словами М. Блэка, достаточно того, что «the metaphor is at all appropriate» («метафора вообще приемлема») [Black, 1954, p. 288], то есть она не противоречит нашим внутренним, интуитивным представлениям. Человек как бы абстрагируется от реальной ложности или истинности метафорической репрезентации и не считает необходимым её пересматривать, если она не противоречит его представлениям. В дальнейшем мысль о наличии у человека подобного рода умозаключений будет рассмотрена и отчасти экспериментально обоснована в исследовании Ф. Джонсона-Лэрда (P. Johnson-Laird) [Johnson-Laird 1983]. Несмотря на то, что теория интеракции М. Блэка рассматривает преимущественно простые субъектно-предикативные метафоры, она является оригинальной попыткой логического обоснования психологических, культурных и когнитивных особенностей человека. Из позиции М. Блэка следует, что мышление человека глубоко рационально и основано на строгих законах логики, культурно-психологический фон оказывается весьма важным, а метафора содержит дополнительный когнитивный компонент, отличающий её от сравнения.

П. Рикёр (P. Ricoeur) продолжает аналитическую традицию изучения метафоры. Однако он утверждает, что М. Блэк слишком упрощает трактовку феномена метафоры, поэтому его теория не может быть применена для анализа высокохудожественных, поэтических метафор. В своём труде «Живая метафора» («La métaphore vive») и в других работах на основе идей М. Блэка и логической семантики Г. Фреге П. Рикёр формулируют свою аналитическую

теорию метафорической референции [Ricoeur 1975, p. 114-115]. Он полагает, что в основе метафоры лежат образы и эмоциональные переживания, а метафорическое переосмысление основано на интеракции между логическим субъектом и предикатом в предложении. П. Рикёр пытается адаптировать к семантике метафоры психоэмоциональные процессы воображения и ощущения и настаивает на важной роли воображения [Ricoeur 1978].

Одновременно начинает развиваться прагматическое направление исследований. Одним из первых активных критиков теории интеракции, как, впрочем, и многих других семантических теорий, является философ и логик Д. Дэвидсон (D. Davidson). В 1970-е годы он формулирует аналитический подход прагматического типа. Ведущей отличительной особенностью этого направления является отрицание в семантике метафоры какого-либо дополнительного когнитивного расширения, но утверждается наличие прагматического компонента. Д. Дэвидсон, как и М. Блэк, разграничивает метафору и сравнение. Делает он это на основе критерия истинности: все «сравнения истинны, а большинство метафор ложны» [Дэвидсон 1990, с. 185]. Критерий истинности Д. Дэвидсон использует формальным образом, как, например, суждение «человек – это волк» ложно, здесь имеется нарушение категориальных границ, поскольку человек не принадлежит к семейству псовых. Однако суждение «человек похож на волка» истинно, так как оно предполагает, что в реальности человек не волк.

В качестве метафор, которые могут быть истинными, Д. Дэвидсон упоминает метафоры *in absentia*, а также тавтологии. Метафоры *in absentia*, лишённые контекста, перестают быть метафорами, а тавтологии представляют собой неизменно истинные высказывания. Однако для верной интерпретации подобных высказываний необходимо знание контекста, иными словами – интенций говорящего и отношений между адресатом и адресантом, то есть необходимо учитывать прагматический компонент. В целом Д. Дэвидсон утверждает, что метафорическое выражение может быть истинным или

ложным только при буквальном прочтении. По мнению Д. Дэвидсона, воспринимая пропозицию как ложную, мы начинаем рассматривать её как метафору и искать дополнительные смыслы [Дэвидсон 1990, с. 185-186]. Таким образом, буквальное прочтение метафоры приводит реципиента к понятийной аномалии, для исправления которой необходимо перейти к альтернативной интерпретации смысла. В частности, именно на допущении этой особенности человеческого мышления и построены аналитические теории аномалии или контроверзы. Схожих взглядов придерживаются Й. Уилкс (Y. Wilks) и Т. Коэн (T. Cohen) [Wilks 1975; Cohen 1976].

Д. Дэвидсон настаивает на том, что, хотя некоторые метафоры могут быть представлены в форме сравнения, это приводит не к пониманию их когнитивного содержания, а лишь к осознанию того, к чему метафора привлекает внимание человека. В итоге Д. Дэвидсон приходит к выводу, что собственно метафорическое выражение само по себе лишено каких-либо дополнительных когнитивных смыслов и может рассматриваться как некоторое обозначающее выражение [Дэвидсон 1990]. Взгляды Д. Дэвидсона весьма любопытны и носят яркий прагматический характер. Философским основанием теории Д. Дэвидсона служат идеи аспектного видения, высказанные Л. Витгенштейном (L. Wittgenstein) [Витгенштейн 1994]. Теория Л. Витгенштейна объясняет различное восприятие реалий феноменом гештальт-переключения: человек воспринимает только формальную конфигурацию какого-либо предмета или ситуации, а для её интерпретации необходимо воображение. Следовательно, смена аспекта приводит к изменению интерпретации предмета или ситуации. К сожалению, в работе Д. Дэвидсона мы не находим ответа на вопрос: почему человек решает выразить мысль другим способом и почему он делает это так часто?

Работа Д. Дэвидсона вызвала дискуссии. Так, например, сторонник семантического направления Н. Гудмэн (N. Goodman) возражает Д. Дэвидсону по нескольким позициям и предлагает теорию альтернативной референции. В

ней, в частности, анализируется проблема соотнесения знака и внеязыковой реальности и на примере пропозиции «the lake is a sapphire» («озеро есть сапфир») рассматривается интересная трактовка истинности и ложности метафорического высказывания [Goodman 1979].

Одновременно с Д. Дэвидсоном философ и логик Д. Серль (D.Searle) формирует свою теорию метафоры прагматического направления, однако, их подходы к анализу метафоры различаются. Д. Серль строит свою теорию на известной оппозиции значения предложения (sentence meaning) и значения подразумеваемого говорящим (utterer's meaning). Она была ранее сформулирована в трудах П. Грайса (P. Grice) [Грайс 2011, с. 76]. Таким образом, Д. Серль видит разрешение проблемы метафоры в понимании и объяснении того, почему, говоря, что S есть P, мы сообщаем, что S есть R [Серль 1990, с. 314]. По его мнению, наибольшую аналитическую сложность представляют выявление и логическое обоснование принципов, которые позволяют произносить некоторое буквальное выражение с соответствующими ему условиями истинности и вызывать при этом в сознании слушающего значение высказывания говорящего с другими условиями истинности. Для анализа метафор и существующих теорий Д. Серль активно использует сравнительные парафразы несмотря на то, что он не отождествляет метафору и сравнение. По его мнению, парафраза способна воспроизвести только условия истинности метафорического высказывания, тогда как слушающий должен ещё пройти через иное семантическое содержание [там же]. Таким образом, выделяется некоторая образно-прагматическая составляющая, не поддающаяся формальному анализу. В этом точки зрения Д. Серля и Д. Дэвидсона совпадают.

В 1970-1990 годы в отечественной лингвистике наиболее активно развивается семасиологическое направление изучения метафоры, которое остаётся востребованным и в настоящее время. В соответствии с этим взглядом метафора и метонимия трактуются как тип регулярной

многозначности [Гак 1998; Апресян 1971; Шмелёв 1973; Складаревская 1993; Резанова 2010 и другие]. В частности, метафора позиционируется как феномен семантической деривации [Резанова 2010, с. 27]. При этом основное различие между метафорой и метонимией базируется на дихотомии объективно и субъективно существующих связей между явлениями. В семасиологическом аспекте метафоризация может возникать либо благодаря смысловым ассоциациям, либо благодаря устранению или замене одной из сем [Апресян 1971; Гак 1988; Шмелёв 1973]. В целом можно сказать, что такая парадигма отчасти созвучна с идеями западных представителей структуралистского направления, таких как Ж. Грэмаса (J. Greimas) и Ф. Растье (F. Rastier). Этот подход объясняет сугубо лингвистические особенности метафоризации, однако, он не позволяет получить ответ на вопрос: почему данные смысловые ассоциации и замены в принципе возможны и почему метафора представляет собой языковую универсалию? Кроме того, структурно-семантический подход также делает невозможным отнесение к категории метафорических переосмыслений сравнений, развёрнутых текстовых метафор («*métaphore étendue*»/«*métaphore filée*») и фразеологизмов.

Структурно-семантические классификации метафор обычно основываются на особенностях их внешней структуры [Москвин 1997; р. 21-51]. Так, например, В.Г. Гак выделяет полный метафорический перенос, который включает в себя двустороннюю («голова-котелок»), одностороннюю семасиологическую («ножка стула») и одностороннюю ономасиологическую («вольнить») метафоры, а также частичный метафорический перенос («зубец вилки») [Гак 1988, р. 11-26]. Кроме того, в зависимости от количества языковых единиц, выражающих метафорическое переосмысление, выделяют простую метафору (одиочную, одночленную, изолированную) и развёрнутую метафору, существующую в виде группы ассоциативно связанных единиц. С учётом синтаксической функции можно выделить

предикативные метафоры, разновидностью которых является генетивная метафора («жар сердца»).

В типологии Г.Н. Скляревской присутствуют синкретические, ассоциативные и мотивированные метафоры. [Скляревская 1993, с. 49-59]. В зависимости от частеречной принадлежности выделяются субстантивная, адъективная и глагольная метфоры [Москвин 2006, с. 135-136].

С учётом семантико-синтаксического подхода представители структуралистской школы выделяют обычно атрибутивную, предикативную, предикативно-атрибутивную метафору, а также пояснительную и субъектную метафору [Елоева 1999, с. 14-17]. К. Хорн (С. Horne), исследуя в структурном аспекте особенности метафор, функционирующих в различных областях научного знания, различает метафоры, представленные простым словом (*mot simple*) и лексикализованной синтагмой (*syntagme lexicalisé*) [Horne 1986, p. 36].

В западной лингвистике одной из основополагающих теорий, изложенных в рамках структурно-семантического подхода, является интерпретирующая теория Ф. Растье. Следуя структуралистским взглядам своего учителя Ж. Грэмаса, исследователь пытается изучить понимание как системное явление, которое связано с семантической структурой лексической единицы. В частности, в своих работах Ф. Растье прибегает к понятию семемы, которая представляет собой смысловое содержание лексемы. По мнению Ф. Растье, семема, с одной стороны, содержит классему, которая является набором родовых сем, а с другой, она обладает семантемой (набором семантических признаков). Например, семема *вода* имеет видовую классему *стихия* (как вода, земля и воздух), а также ей присущи такие свойства, как движение, текучесть и прозрачность [Rastier 1989, p. 55].

В другой работе Ф. Растье использует понятие таксемы. По мнению исследователя, она представляет собой некоторый минимальный класс семем, внутри которого определяются их семантемы и общая микрородовая сема

[Rastier 1987, p. 276]. Кроме того, Ф. Растье вводит такие понятия, как специфические семы», среди которых он выделяет афферентные и ингерентные семы (*sèmes afférents et inhérents*). Под ингерентной семой Ф. Растье понимает свойство, изначально связанное с типологической (родовидовой) принадлежностью. В то же время афферентная (коннотативная) сема обусловлена дополнительными смыслами, связанными с контекстом [Rastier 1991].

В терминологии Г.Н. Складневской афферентные семы понимаются как прагматический компонент, который может быть представлен как стилистической, так и историко-языковой информацией [Складневская 1997]. С целью разграничения ингерентных и афферентных сем можно рассмотреть утверждение *ворон – чёрный* (ингерентная сема). Семантические признаки «мудрый» или «зловещий» могут быть отнесены к ворону только в рамках определённого контекста (афферентные семы).

Пользуясь терминологией В.Г. Гака, можно сказать, что в последнем случае речь идёт о потенциальных семах [Гак 1988]. В соответствии с изложенными позициями Ф. Растье трактует метафору как некоторое соединение лексикализованных семем с наличием несовместимых отношений хотя бы между одним из родовых признаков (аллотопия) или совместимых отношений хотя бы между одним из специфических признаков (изотопия) [Rastier 1987, p. 277]. Опираясь на определение Ф. Растье, можно привести следующий пример: метафорическая репрезентация дирижабля как сигары основана на совпадении специфического (ингерентного) признака «продолговатый» (изотопия) и несовпадении родовидового признака «летательный аппарат», «табачное изделие» (аллотопия). Переосмысление сенегальского стрелка как чёрного льва (*lion noir*) базируется на совпадении специфического (ингерентного) признака «чёрный» (изотопия), совпадении специфических (афферентных) признаков «смелый», «воинственный»

(изотопия) и несовпадении родовидового признака «кошачьи», «гоминиды» (аллотопия).

Анализируя работы Ф. Растье и другие структурно-семантические теории, можно прийти к выводу, что они представляют собой во многом аристотелевский взгляд на метафору и основаны на интерпретации гипогиперонимических (родовидовых) отношений. Одной из главных технических проблем такого подхода является вопрос, какие признаки могут быть отнесены к категории различительных на родовом и видовом уровне? Как утверждает Ф. Растье, иерархическое деление на признаки является относительным, так как никакой семантический признак априори не является видовым или же родовым [Rastier 2001, p. 55]. Кроме того, как указывает Ф. Растье, семантические признаки, в том числе афферентные, присваиваются на основании некоторых принятых в социуме аксиологических норм, манифестируемых, в частности во фразеологии [Rastier 1991, p. 198]. Однако такой взгляд существенно минимизирует индивидульно-личностный компонент в коммуникативном аспекте.

Уже в первой половине XX века наряду с формально-логическими и структуралистскими взглядами на метафору продолжают активно предприниматься попытки рассмотреть метафорический перенос в связи с психической и когнитивной деятельностью человека. На метафоричность мышления обращают внимание ведущие умы эпохи. Так, К. Бюллер (K. Bühler) утверждает, что метафора неизбежно связана с природой человека и проявляется не только в поэзии, но и в повседневной речи [Бюллер 1993, с. 271]. Х.Ортега-и-Гассет (J. Ortega y Gasset) рассматривает метафору как орудие мышления [Ортега-и-Гассет 1990, с. 71]. Э. Кассирер (E. Cassirer), изучая взаимоотношения мифа и языка, находит, что метафорическое мышление существовало уже в древности и базовые метафоры лежат в основе языка. Он, в частности, различает у человека мифо-поэтическое и дискурсивно-логическое мышление [Cassirer 1946]. Другой исследователь мифологии – Э.

МакКормак (E. MacCormac) – замечает, что благодаря организованным семантическим операциям человек способен совмещать несопоставимые понятия и использовать это в своей когнитивной активности [Mac Cormac 1976].

Постепенно, помимо оппозиции «семантика VS прагматика», формируется противопоставление лингвистического и металингвистического направлений исследования метафоры. Лингвистическое направление представляет метафору преимущественно как факт языка, а в рамках металингвистического направления она рассматривается как неперенное проявление психической деятельности человека и инструмент познания мира, который «удлиняет руку интеллекта» [Ортега-и-Гассет 1990, с. 72]. Уже в середине 1950 годов акцентируется необходимость совместных исследований в области экспериментальной психологии, теоретической лингвистики и искусственного интеллекта для более полного изучения речемыслительных процессов [Кубрякова 1994].

Недостаточность формальных логических моделей для описания процессов человеческого мышления и речетворчества, а также крайняя ограниченность концепций бихевиоризма создают условия для интенсивного развития когнитивной науки, которая существует на перекрестке психологии, лингвистики, нейрофизиологии и теории познания. В 1975 году Дж. Лакофф (G. Lakoff) и Г. Томпсон (H. Thompson) публикуют работу «Introducing cognitive grammar» [Lakoff, Thompson 1975]. Начиная как ученик Н. Хомского (N. Chomsky), автора теории генеративной грамматики, целиком построенной на абстрактных принципах формальной логики, Дж. Лакофф постепенно отходит от взглядов на грамматику как на некоторый математический алгоритм, не зависящий от семантики. Он также приходит к несогласию с традиционной позицией исследователей, работающих в области когнитивной науки и философии, которые, вслед за Аристотелем и мыслителями Нового времени, продолжают исповедовать принцип разделения разума и тела. Дж.

Лакофф и такие учёные, как Э.Ф. Томпсон (E.F. Thompson), Э. Рош (E.Rosch), М. Джонсон (M. Johnson) и другие, начинают развивать идею воплощённой когнитивной науки (embodied cognitive science). Она постулирует принцип телесного разума (embodied mind), в соответствии с которым идеи человека и то, как человек воспринимает реальность, напрямую зависят от его непосредственного взаимодействия с внешним миром. Отсюда следует концепция воплощённого реализма (embodied realism) и воплощённой рациональности (embodied rationality), согласно которой человек может сознательно воспринять только то, что он в состоянии понять, исходя из своего предыдущего телесного, социального и культурного опыта. Таким образом, новая информация неизбежно адаптируется к уже имеющемуся когнитивному опыту (структуре эмпирических знаний и социально-идеологических установок) [Lakoff 1999, p. 25-264; Johnson 2002].

В 1980 году Дж. Лакофф в соавторстве с философом М. Джонсоном формулирует принципиально новую, оппозиционную по отношению ко всем существующим ранее, теорию концептуальной метафоры. Следует отметить, что теории Дж. Лакоффа предшествовала работа М. Редди (M.Reddy), которая была впервые опубликована в 1979 году и впоследствии переиздана. М. Редди одним из первых обратил внимание на выраженную метафоричность человеческого языка и высказал идею о том, что метафоры являются конвенциональным способом понимания мира [Reddy 1998]. Кроме того, в 1976 году в своей работе «Происхождение сознания в процессе краха бикамерального разума» психолог Дж.Джейнс (J. Jaynes) рассматривает метафору как инструмент когниции. Он, в частности, пишет, что «понять какую-либо вещь – это значит подобрать к ней метафору, заместив её на что-либо более нам знакомое» [Jaynes 2000, p. 52].

Отличительной чертой теории концептуальной метафоры является положение, согласно которому метафора рассматривается как основополагающий когнитивный механизм, основанный на взаимодействии

телесного опыта, мышления, культуры и языка. Причём именно аналогия играет ведущую роль в мыслительных процессах человека [Monneret 2004]. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафоры существуют в сознании, поскольку само человеческое мышление метафорично по своей природе. Метафора зиждется на телесности понимания, а человек воспринимает более сложную реальность посредством других, уже знакомых ему, более простых, преимущественно материальных сущностей. Тем самым утверждается иерархизация ментальных процессов: высшие формы познавательной деятельности основаны на первичном сенсомоторном опыте индивида. С точки зрения Дж. Лакоффа, мышление человека является как телесным, так и образным, поскольку то, что не постигается при помощи непосредственного сенсомоторного опыта, постигается посредством метафор, метонимий и ментальных образов. Кроме того, оно обладает свойством гештальта, так как его целостная структура не сводится к простому объединению составляющих блоков [Lakoff 1987, p. XIV],

По мнению Дж. Лакоффа, первичной является именно связь метафор, мышления и деятельности человека, тогда как в языке мы наблюдаем в виде метафорических выражений лишь вторичную, доступную для изучения реализацию процесса метафоризации. В своём труде «Metaphors we live by» исследователи формулируют понятие концептуальной метафоры («conceptual metaphor») [Lakoff, Jonson 1980]. В дальнейшем Дж. Лакофф уточняет, что концептуальная метафора основана на взаимодействии двух концептуальных областей – источника («source domain») и мишени («target domain»), во время которого происходит метафорическое или когнитивное проецирование («metaphorical / cognitive mapping») первой области на вторую, что приводит к частичному структурированию и категоризации референта по образцу источника. При этом знания концептуальных областей обуславливаются личным, непосредственным опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Категоризация реальности, распространяющаяся на наиболее

абстрактные сущности, реализуется в виде когнитивных структур – схем образов («image-schemas»). По мнению Дж. Лакоффа, структура источника частично воспроизводится в структуре цели («invariance hypothesis»), что служит основой для принципа инвариантности («invariance principle»). Этот принцип ограничивает те структуры сферы-источника, которые могут отражаться в метафоре, а также допустимые метафорические переосмысления [Lakoff 1993, p. 233].

В своих работах Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют структурные, ориентационные и онтологические концептуальные метафоры, а среди последних отдельно рассматривают контейнерные и персонифицирующие переосмысления [Lakoff, Jonson 1980, p. 25-35]. Следует подчеркнуть, что в отличие от теории интеракции метафорическая проекция в теории Дж. Лакоффа носит всегда однонаправленный характер. Как отмечает сам исследователь, если бы метафорическая проекция была возможна в двух направлениях, то, говоря, например, о жизни в терминах путешествия, мы бы тоже, возможно, могли бы называть посадки на самолёт или корабль («embarcations») рождением, а отъезды («departures») – смертью [Lakoff, Turner 1989, p. 133].

Из рассмотренных выше положений следует, что абсолютной, объективной истины не существует, поскольку истина основана на индивидуальном понимании, которое в значительной степени определяется метафорой. Воспринимая ситуацию в терминах существующей концептуальной системы, человек считает истинными те утверждения, которые соответствуют его представлениям о текущей ситуации и о мире в целом. С объективистской точки зрения, это, конечно, противоречит общепринятым взглядам, однако, объясняет многие существующие проблемы и конфликты социально-политического плана.

Анализируя работы Дж. Лакоффа, можно прийти к выводу, что рассматриваемые им концептуальные метафоры обычно связывают две

сущности разных категорий («different kinds of things»): материальную (источник) и абстрактную (мишень). Языковыми проявлениями концептуальных метафор обычно являются конвенциональные – узуальные, «стёртые», языковые метафорические выражения. Как утверждает Дж. Лакофф, эти метафоры «are «alive» in the most fundamental sense: they are metaphors we live by» [Lakoff, Jonson, 1980, p. 56]. Исследователь полагает, что во всех областях своей жизни человек воспринимает окружающий мир на языке метафор и действует в соответствии с ними. Что же касается новых (оказиональных, стилистических) метафор, то, по мнению Дж. Лакоффа, они также могут обладать способностью категоризировать реальность, поскольку, как и узуальные, они способны раскрывать одни свойства референта и скрывать другие.

Если теория Дж. Лакоффа справедлива, то она должна получить своё экспериментальное подтверждение в виде выявления нейронных связей между участками коры головного мозга, ответственными за восприятие значения слов, и её соматосенсорными зонами. Уже существующие на сегодняшний день методы нейровизуализации отчасти позволяют осуществлять исследования в данном направлении. Нельзя не отметить публикации Дж. Лакоффа и известного нейрофизиолога и специалиста в области социальной нейронауки В. Галлеза (V. Gallese) [Gallese, Lakoff 2005; Gallese 2008]. Кроме того, в 2016 году группе учёных из университета Беркли (The University of California, Berkeley) удалось создать первый семантический атлас коры головного мозга, что является значительным прогрессом в нейрокогнитивном направлении [Huth et al. 2016]. Дальнейшая разработка обозначенных научных проблем, несомненно, позволит более успешно моделировать мыслительные процессы человека и внести существенный вклад в создание искусственного интеллекта.

Однако далеко не все исследователи разделяют оптимизм Дж. Лакоффа по поводу возможности создания интегральной теории метафоры. Так,

например, Д. Ритчи (D. Ritchie) показывает, что концепт «Спор» может быть репрезентирован в терминах не только войны, но и шахматной игры. При этом остаются неясными критерии выбора того или иного концептуального переосмысления [Ritchie 2003].

Рассматривая процессы более специфичной терминологической метафоризации сквозь призму теории концептуальной метафоры, исследователи обычно выделяют не отличающиеся продуктивностью изолированные катахрезы, окказиональные метафоры, а также метафорические множества, или метафорические сети. Последние представляют собой совокупность метафорических выражений, объединённых одним общим концептуальным переосмыслением. Этот тип метафор отличается продуктивностью и может формировать сети метафорических переосмыслений в одной или нескольких областях знания [Prandi 2002; Rossi 2014; Giaufret, Rossi, 2013].

Теория концептуальной метафоры получает своё дополнительное развитие в теории ментальных пространств Ж. Фоконье (G. Fauconnier) и М. Тёрнера (M. Turner). По мнению этих учёных, когнитивные процессы реализуются в сети ментальных пространств (*mental spaces*), которые являются когнитивными конструктами, формирующимися в процессе реального времени. По мере интерпретации метафорического переосмысления между упомянутыми пространствами формируются множественные связи, возникают два дополнительных промежуточных пространства (*middle spaces*): смешанное семантическое пространство (*blended space* или *blend*) и общее промежуточное пространство (*generic space*), содержащее «опорную» структуру обоих исходных конструктов [Fauconnier 2002; Fauconnier 2003]. Причём в рамках этой теории могут быть различные направления метафоризации. Другой известный исследователь метафоры – З. Кёвечеш (Z. Kövecses) – добавляет, что иногда исходных ментальных пространств может быть более двух [Kövecses 2010, p. 272].

С теорией концептуальной метафоры тесно связана теория первичной метафоры Дж. Грейди (J. Grady). В когнитивной лингвистике принято выделять первичные (primary conceptual metaphors) и сложные концептуальные метафоры (complex conceptual metaphors), которые формируются на базе первичных [Grady 2007]. Первичные метафоры напрямую связаны с сенсомоторным опытом человека, тогда как вторые могут быть специфичными в социальном и культурном планах. Например, в такой концептуальной метафоре, как «желание – это голод» («desire is hunger»), референт («desire») относится к аффективному переживанию, тогда как источник («hunger») представляет собой физическое чувство. Однако в целом референт и источник принадлежат к первичному сенсорному опыту человека, различаясь между собой лишь степенью субъективности [Grady 1999, p. 84].

Необходимо также отметить исследования Л. Телми (L. Talmy) в области когнитивной семантики. Его научные интересы сконцентрированы на изучении того, как структурируется в языке познание таких концептуальных областей, как пространство, время, движение, неподвижность, причинность, взаимодействие сил, внимание и точка зрения. В частности, автор рассматривает проблему отношений метафоры и фиктивности. Он полагает, что взаимоотношения сферы-источника и сферы-мишени представляют соотношение фактивной реальности и её фиктивной репрезентации. Например, концептуальная метафора «любовь – это путешествие» имеет две составляющие: фиктивную («X – это Y») и фактивную («X – это не Y»). Следовательно, с точки зрения реципиента, любовь – это не путешествие, однако, он осознаёт существование некоторых фиктивных высказываний, которые свидетельствуют о том, что любовь – это путешествие. При этом, по мнению Л. Телми, человек воспринимает выражение как метафоричное, поскольку он ощущает разницу между фактивной и фиктивной составляющей [Talmy 2000, p. 99-101, 168]. Обращает на себя внимание то, что идеи Л. Телми

перекликаются с точкой зрения, высказанной ранее Д. Дэвидсоном.

Среди работ отечественных лингвистов, исследующих когнитивное направление, необходимо отметить теорию метафоры, предложенную в трудах В.Н. Телия. Исследователь называет в своих работах субъективное допущение о подобии «модусом фиктивности» [Телия 1996, с. 137].

В настоящее время одним из перспективных направлений является когнитивный анализ метафорических репрезентаций, способных модифицировать представление человека об определённых фрагментах реальности или же о мире в целом. Так, например, когнитивно-дискурсивная теория А.П. Чудинова возникла на стыке теории регулярной многозначности и теории концептуальной метафоры. Основываясь на характере сравнения, лежащего в основе сопоставления, А.П. Чудинов выделяет четыре основных разряда метафоры: антропоморфную, натуроморфную, социоморфную и артефактную [Чудинов 2013, с. 35-36]. Автор настаивает, что концептуальную метафору следует изучать в широком аспекте и что необходимо рассматривать не только собственно метафору, но и метонимию, сравнительные обороты и другие образные средства, поскольку семантическое уподобление является более важным, чем формальные языковые отличия [Чудинов 2013, с. 13].

Похожей точки зрения на метафоры придерживаются и другие исследователи. Например, И. Оливейра (I. Oliveira), изучая терминологические метафоры во французской кардиологической лексике, выделяет интерактивную (*métaphore interactive*), компаративную (*métaphore comparative*) и уподобительную (*métaphore d'assimilation*) метафоры [Oliveira 2005]. И.И. Кобозева весьма справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в современной когнитивной лингвистике к разряду метафор может быть отнесена вся совокупность образных построений, основанных на уподоблении объектов, связанных с разными областями или типами [Кобозева 2001, с. 136].

Дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова вносит вклад в формализацию описания и компьютерного упорядочивания большого корпуса

метафор. Автор выделяет сигнификативные дескрипторы сферы-источника и денотативные дескрипторы сферы-мишени, тематическая связь между которыми позволяет сформировать метафорическую модель (М-модель) соответствующего тематического содержания. Дескрипторы представляют собой множество лексических единиц, для которых запрещена синонимия или омонимия [Баранов 2014].

Ещё одним подходом к исследованию и типологизации метафор является функциональный. Он предполагает выявление конечной цели использования метафоры в той или иной контекстуальной ситуации. Как показывают наблюдения, функции метафоры многогранны, и их реализация во многом определяется не только текущей дискурсивной ситуацией, но и индивидуально-прагматическими интенциями говорящего. Н.Д. Арутюнова, в частности, различает: номинативную языковую, образную, когнитивную и генерализующую метафору [Арутюнова 1998, с. 366]. Рассматривая метафору в функциональном аспекте, В.Н. Телия говорит об: идентифицирующей, реперезентирующей, оценочной, оценочно-экспрессивной и образной метафоре [Телия 1988, с. 173–203].

В прагматическом аспекте исследователи обычно различают: информационную, воздействующую, характеризующую, индикативную, апеллятивную, контактоустанавливающую, суггестивную, интеграционную, эстетическую, эмоционально-оценочную функции метафоры [Агеев 2002, с. 8-10].

В зависимости от сферы употребления западные лингвисты склонны выделять номинативную, конститутивную (теоретическую), когнитивную, эвристическую, герменевтическую, объяснительную, дидактическую, декоративную, металингвистическую и эстетическую функции [Rossi 2014, p. 714; Oliveira 2009]. Отметим, что когнитивная, эвристическая, герменевтическая, объяснительная, дидактическая и металингвистическая функции наиболее часто реализуются в различных научных и

специализированных сферах, тогда как эстетическая и декоративная функции свойственны метафорам, присутствующим в художественных источниках. Ввиду указанных особенностей в последние годы в отечественной лингвистике активно развивается дискурсивное направление исследования метафоры.

Кроме того, наблюдения показывают, что метафора обладает моделирующей функцией [Резанова 2010, с. 26]. Действительно, зачастую говоря о модели, многие учёные прибегают к «наивной» репрезентации реальности, когда пытаются постичь непонятное через хорошо известное.

Необходимо заметить, что первичная функция метафоры также неоднозначно интерпретируется исследователями. Традиционно в лексикологии ведущей считается номинативная функция метафоры, этого мнения придерживаются, например, такие учёные, как В.К. Харченко и В.П. Москвин [Харченко 1992, с. 14; Москвин 2006]. Некоторые лингвисты относят к основной функцию характеристики, то есть функцию субъективной оценки [Арутюнова 1999, с. 352]

Обобщая вышеизложенное, целесообразно говорить о том, что на сегодняшний день когнитивное направление исследований может рассматриваться как синкретичная точка зрения, а теория, предлагаемая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, является наиболее адаптированной к имеющимся представлениям о человеке и его психофизиологических особенностях. Кроме того, это пока единственная теория, предусматривающая возможность объективной экспериментальной верификации. Наиболее интересным нам представляется анализ метафорической номинации с позиций когнитивной лингвистики, которая не разделяет язык и сознание и рассматривает метафору как фундаментальный элемент познания, мышления и культуры. Однако мы согласны и с теми исследователями, которые считают нецелесообразным жёсткое противопоставление стилистического и когнитивного направлений [Weiss 2006; Хазагеров 2017].

С учётом вышеизложенного, соглашаясь с тем, что метафора есть «троп, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п. для номинации объекта, входящего в другой класс, либо для номинации другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [ЛЭС 1990, с. 296], мы фокусируем наше исследование на лингвокогнитивном аспекте рассмотрения метафоры. Несмотря на то, что Дж. Лакофф и М. Джонсон считают наиболее значимым изучение узуальных метафор, мы полагаем не менее перспективным исследование окказиональных метафор. Их присутствие типично как для формализованного, так и для субстандартного военного вокабуляра, поскольку в большинстве случаев профессиональная деятельность сопряжена с различными материально-техническими и социальными реалиями, которые подвержены значительным модификациям с течением времени. Следовательно, связанные с ними метафорические переосмысления отличаются подвижностью под воздействием экстралингвистических факторов. Однако, подобно узуальным, окказиональные метафоры способны категоризировать и реструктурировать восприятие текущей профессиональной реальности. Они также возникают на базе определённых допустимых концептуальных переосмыслений и, таким образом, их анализ позволяет выявить психологические особенности и способы постижения действительности, свойственные носителям языка определённой социальной группы. В совокупности с принципами междисциплинарных исследований данный подход представляется наиболее результативным и отвечающим задачам, заявленным в настоящей работе.

1.2. Предпосылки исследования метафоры в диахроническом аспекте

Наряду с когнитивным подходом к исследованию метафоры важное значение имеет диахронический подход, позволяющий рассмотреть эволюцию познавательной деятельности человека сквозь призму метафоры. Дихотомия синхронии и диахронии вошла в лингвистику благодаря

Фердинанду де Соссюру (F. de Saussure), который понимает под этими терминами два различных аспекта изучения языка. Синхронический взгляд отражает статичное состояние языка («*état de la langue*») в какой-либо момент его существования, когда исключено любое воздействие временного фактора. Диахронический подход позволяет рассматривать состояние языка как фазу эволюции (*une phase d'évolution*) [De Saussure 1916, p. 117]. При этом для Соссюра разграничение синхронии и диахронии является абсолютным, поскольку исследователь полагает, что появление новой системы под воздействием внешних факторов носит случайный характер и не предопределяется предшествующей системой. Согласно Соссюру, только синхроническое исследование касается непосредственно языка как системы, тогда как диахроническое направлено на речь и может быть сведено к констатации исторических фактов. Именно отсюда следует постулируемый в труде Соссюра примат синхронической лингвистики над диахронической.

В дальнейшем взгляды Соссюра неоднократно подвергаются критическому переосмыслению другими учёными. В частности, И.А. Бодуэн де Куртенэ также различает статическое (синхроническое) и динамическое (диахроническое) изучение языка. Однако он утверждает, что исследователь должен подробно изучать язык в отдельные периоды его существования для того, чтобы затем объяснить логику и временную динамику происходящих языковых изменений [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 68]. Таким образом, в отличие от Соссюра И.А. Бодуэн де Куртенэ настаивает на соблюдении научного дуализма, когда явления изучаются как во взаимосвязи, так и в эволюции. Похожий взгляд высказывает и Г. Гийом (G. Guillaume), который понимает диахронический анализ как исследование «диахрония синхронии» («*diachronie des synchronies*») [Guillaume, Valin 2000, p. 109]. Яркий представитель младограмматической школы Г. Пауль (H. Paul) полагает, что «как и всякий продукт человеческой культуры, язык – предмет исторического исследования» [Пауль 1960, с. 25].

Антропоцентрический поворот в языкознании и интенсивное развитие когнитивного и психолингвистического направлений приводит к постепенному отказу от категорического разделения синхронического и диахронического подходов. Прежде всего это связано с тем, что понимание языковых феноменов как вторичных по отношению к ментальным когнитивным конструктам (которые находятся в состоянии постоянной эволюции) предполагает существование системных отношений и в диахроническом аспекте. На сегодняшний день многими лингвистами признаётся целесообразность изучения метафорической и дискурсивной вариативности в диахроническом аспекте [Musolff 2014]. Как справедливо отмечает Л.В. Балашова, изучение метафоризации в диахронии позволяет исследовать «становление и развитие языковой картины мира», а также способствует более глубокому осознанию роли метафоры в развитии лексико-семантической системы языка [Балашова 2014, с. 41]. В.А. Плунгян полагает, что для когнитивной парадигмы диахронический подход к описанию и анализу языка может быть более важным, чем синхронический [Плунгян 1998, с. 354]. У. Хендерсон (W. Henderson), изучающий метафоры в экономической сфере, также подчёркивает, что любое изменение в выборе метафор достойно интереса, так как оно указывает на концептуальный поворот, который может иметь решающее значение в теоретических основах многих социальных наук [Henderson 1982, p. 151]. И это действительно так, поскольку язык является одной из форм общественного сознания, которая существует в неразрывной связи с другими его формами (культурной, философской и т.д.). О неразрывной связи синхронического и диахронического подходов в шуточной форме высказался О.Н. Трубочёв: «Кто знает, не сочтут ли в свою очередь наши потомки великой ересью нашего XX века эту обременительную дихотомию синхронии-диахронии?» [Трубочёв 1998, с. 22].

За последние несколько лет опубликовано определённое количество работ, посвящённых проблематике диахронического исследования метафоры.

Большинство проведённых исследований затрагивает вопросы концептологии, дискурсологии и лингвокультурологии. Работы А.П. Чудинова, Э.В. Будаева, О.Н. Кондратьевой, О.А. Солоповой, Е.Е. Аникина, Л.В. Балашовой и других учёных внесли существенный вклад в исследование эволюции метафоры в политическом дискурсе и в русской лингвокультуре. Благодаря усилиям вышеперечисленных учёных в современной лингвистике формируется новое, весьма перспективное научное направление – диахроническая метафорология, основными задачами которой становятся выявление особенностей метафорических моделей в определённом хронологическом периоде и анализ условий их формирования и развития [Аникин и соавторы 2015; Балашова 2014; Кондратьева 2015; Солопова 2015]. Как подчёркивает О.Н. Кондратьева, диахроническое исследование метафор необходимо осуществлять на фоне текущих социально-исторических особенностей, что позволяет придать ему не только объяснительную, но и определённую прогностическую силу. Кроме того, по мысли О.Н. Кондратьевой, оно должно быть направленным на «установление инвариантных и специфических для каждого периода характеристик» [Кондратьева 2017, с. 46-47].

Мы полностью разделяем обозначенную позицию и полагаем, что в настоящее время изучение метафоры как исторической языковой универсалии является недостаточным. Поскольку когнитивная деятельность человека неразрывно связана с текущим социально-историческим контекстом, адекватный анализ эволюции метафорических переосмыслений невозможен без учёта и объяснения фоновых реалий, свойственных исследуемому периоду. По данной причине в нашей работе, помимо выявления и описания метафорических моделей, мы осуществляем их анализ на каждом этапе в непосредственной связи с контекстом возникновения.

Другим интенсивно развивающимся смежным направлением является диахроническая концептология. Круг её основных задач может быть

представлен исследованием изменений в содержании концепта, в выявлении существующих связей между концептами и текущими культурно-историческими особенностями, а также определением особенностей структурирования концепта в различные временные периоды [Кондратьева 2015, с. 37].

Некоторые исследования посвящены изучению эволюционных изменений в военном дискурсе. В частности, В.П. Коровушкин рассматривает проблему субстандартных антропонимов в русском военном социолекте XVIII-XXI веков [Коровушкин 2012]. Работы П.Дж. Митчелла и И.С. Холдаенко посвящены проблеме классификации англоязычного военного сленга и анализу воздействия фактора войны на его развитие [Митчелл 2014; Митчелл, Холдаенко 2014а,б; Митчелл, Холдаенко 2015а,б; Митчелл, Холдаенко 2016]. Исследования М.Н. Лату сосредоточены на изучении взаимодействия и функционирования структурных элементов военной англоязычной терминосистемы в синхроническом и диахроническом аспектах. Однако, определяя метафоризацию как продуктивный способ образования военных терминов, автор не проводит комплексного исследования метафорического переноса в диахроническом аспекте [Лату 2009]. Л.В. Горбань анализирует в синхроническом и диахроническом аспектах русскую военно-морскую лексику и её роль в развитии русского национального языка, не затрагивая отдельно проблему метафоризации [Горбань 2008]. А.В. Уланов исследует диахроническое развитие русского военного дискурса XIX - начала XX веков. В ходе своей работы автор доказывает необходимость разработки нового научного направления – исторической дискурсологии. Оно сосредоточено на комплексном изучении дискурсивных практик, зафиксированных в памятниках письменности [Уланов 2014, с. 58].

В целом мы не выявили работ, посвящённых подробному диахроническому анализу особенностей метафорической репрезентации

реалий военной сферы в военном дискурсе. В нашем исследовании мы отдаём предпочтение анализу метафорических моделей, реализуемых в рамках субстандартного вокабуляра и неинституционального типа военного дискурса. Это связано с тем, что не ограниченный рамками определённых требований и норм, свойственных формализованному вокабуляру, субстандартный вокабуляр и неинституциональный тип дискурса оказываются более чувствительными к влиянию внутренних психологических и социально-культурных особенностей, свойственных представителям исследуемой социальной группы в определённые исторические периоды.

Необходимо отметить, что, изучая ту или иную метафорическую систему в диахроническом аспекте, учёные сталкиваются с рядом методологических сложностей. Самыми существенными из них можно считать «опасность необоснованного перенесения современного взгляда на явления минувших эпох», а также отсутствие чёткого разграничения между диахроническим и ретроспективным исследованием [Кондратьева 2015, с. 38; Будаев и соавторы 2016, с. 18-19]. Мы разделяем точку зрения Э.В. Будаева, согласно которой диахроническое исследование, в отличие от ретроспективного, должно быть прежде всего нацелено на выявление временных изменений, то есть на вскрытие эволютивной динамики, обнаруживаемой в том или ином языковом континууме [Будаев 2016 и соавторы с. 19]. Тем не менее нельзя не отметить, что ретроспективный анализ может рассматриваться и как облигатная часть диахронического.

Весьма важным моментом анализа функционирования метафор в диахроническом аспекте является проблема разделения временного периода. Исследуя функционирование политической метафоры, Э.В. Будаев выделяет два основных способа фрагментации – равномерную и фокусную временную фрагментацию. В случае равномерной фрагментации временной отрезок разбивается на равные части, которые автор называет шагом фрагментации. При использовании фокусной фрагментации шаг фрагментации связан не с

астрономической хронологией, а с определёнными событиями [Будаев и соавторы 2016, с. 21].

В заключение можно сказать, что диахронический подход к изучению метафоры находится в стадии своего формирования, однако, он является очень перспективным, поскольку только совокупность синхронического и диахронического подходов даёт возможность не только исследовать взаимоотношение когнитивной и языковой систем, но и спрогнозировать тенденции их развития.

1.3. Интерпретация дискурса и военного дискурса в современной лингвистике

Термин «дискурс» имеет междисциплинарный статус и служит объектом изучения не только в лингвистических, но и в социальных, этнографических, психологических, философских и литературоведческих исследованиях. Однако, несмотря на это, среди учёных отсутствует единая точка зрения не только на дефиницию данного понятия, но и на его понимание как объекта исследования применительно к той или иной дисциплине. По данной причине представляется необходимым рассмотреть основные направления исследования дискурса.

Поскольку любой фрагмент дискурса может исследоваться как упорядоченная совокупность структурированных отрезков, некоторые учёные уделяют особое внимание вопросу иерархического устройства дискурса, в частности, проблеме его минимальной базовой единицы. Так, например, Э. Руле говорит о дискурсивных актах [Roulet et al. 1991], Г. Стин предпочитает термин «базовый дискурсивный акт» [Steen 2005], а М. Хэнай и К. Крун – термин «минимальная единица дискурса» [Hannay, Kroon 2005].

Наиболее часто выделение данных единиц осуществляется на основании синтаксиса. При этом, помимо синтаксических различий, которые влияют не только на лингвистическую структуру дискурсивного акта, но и на

его интонационную репрезентацию, исследователи предпринимают попытки разграничивать дискурсивные акты на основании их иллокутивного содержания. В частности, В. Менденхолл (V. Mendenhall) различает следующие типы дискурсивных актов: 1) репрезентативный акт (*acte représentatif*), служащий для описания ситуации; 2) регулятивный акт (*acte régulateif*), нацеленный на побуждение адресанта к какому-либо действию; 3) контрактивный акт (*acte contractif*), посредством которого адресат возлагает на себя то или иное обязательство; 4) восклицательный (экспрессивный) акт (*acte exclamatif ou expressif*), позволяющий передать эмоции адресата; 5) прокламативный акт (*acte proclamatif*), дающий возможность полномочным лицам изменить статус адресанта путём приведения пропозиционального содержания к реальности [Mendenhall 1990, p. 23-25]. Нетрудно заметить, что в данном случае термин «дискурсивный акт» («*acte discoursif*») практически выступает синонимом речевого акта в интерпретации Дж. Серла. В целом анализ работ, посвящённых исследованию дискурсивных актов, приводит к выводу, что данный термин может либо использоваться как синоним речевого акта (минимальной речевой единицы), либо рассматриваться как последовательность речевых актов, объединённых общей целевой установкой.

Ещё одно направление исследований, получившее развитие в трудах известного семитолога и структуралиста З. Хэрриса (Z. Harris), основано на противопоставлении понятий дискурса и фразы. Являясь убеждённым приверженцем асемантического лингвистического анализа, З. Хэррис рассматривает дискурс как лингвистическую структуру, превышающую по объёму предложение (т.е. текст в понимании З. Хэрриса), и настаивает на том, что между формой и содержанием существует неразрывная связь [Harris 1952]. Метод анализа дискурса, предлагаемый З. Хэррисом, основан на анализе встречаемости морфем и напоминает одну из стратегий расшифровки древних текстов, поскольку морфемы рассматриваются как различительные элементы,

смысл которых полностью игнорируется. Однако, анализируя встречаемость и дистрибуцию подобных различительных элементов, можно получить информацию о проявлении грамматического строя языка в исследуемой лингвистической структуре (дискурсе) и, следовательно, о самом дискурсе. Кроме того, З. Хэррис выделяет лингвокультурологический аспект дискурса, поскольку любое речевое произведение всегда является ситуативно-ориентированным. По данной причине З. Хэррис считает целесообразным анализировать форму того или иного текста в связи с контекстом его возникновения.

Интеракционный взгляд на дискурс связан с именем М.М. Бахтина и основан на понимании дискурса как непрерывного диалога человека с обществом в рамках той или иной культуры и идеологии. По мнению М.М. Бахтина, продуцируя речевое высказывание (любой текст), человек всегда вступает в диалог, апеллируя либо к уже существующим, либо к будущим высказываниям [Бахтин 1997]. Идеи М.М. Бахтина о взаимосвязи языка, культуры и идеологии получили широкое развитие в литературоведении, философии и социологии. В какой-то степени они перекликаются с лингвистическими исследованиями, выполненными в рамках философского структурализма, популярного в 60-е годы XX века [Pêcheux 1969], и продолжают развиваться в настоящее время. В частности, Н. Фейрклаф (N. Fairclough) считает необходимым выявлять в процессе критического дискурс-анализа идеологические установки общества и их влияние на коммуникантов [Fairclough 1992].

Кроме того, в последнее время получило развитие противопоставление понятий дискурса и текста. В частности, Ж.-М. Адам (J.-M. Adam) утверждает, что дискурс, несомненно, обладает свойствами текста, но при этом он является высказыванием, реализованным в какой-либо конкретной ситуации, предполагающей наличие определённых условий: участников, организации, места и времени. Именно эти условия (хронотоп в соответствии с

терминологией М.М. Бахтина) и предопределяют речевое поведение (*conduite langagière*) и выбор того или иного типа дискурса. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что дискурс может рассматриваться как текст в совокупности с условиями его производства [Adam 1997, с. 678]. Ф. Невё (F. Neveu), в свою очередь, отмечает, что термины «дискурс» и «текст» длительное время понимались как практически синонимичные. Однако в отличие от текста дискурс обладает качествами, которые не зависят от способа его семиологической реализации, тогда как текст оказывается зачастую лимитированным особенностями письменной актуализации языка [Neveu 2004, p. 106].

Исходя из этих позиций, можно рассматривать текст в отличие от дискурса как некую абстрактную структурированную совокупность фраз. По данной причине мы полностью разделяем мнение Т.А. ван Дейка, который полагает, что, если дискурс (актуализированный текст) существует в определённом экстралингвистическом контексте и может быть сопоставлен с речью, то текст соотносится с системой языка и формальной лингвистической компетенцией автора [Van Dijk 1998, p. 191-192]. В целом данную точку зрения разделяет и Ф. Невё. Он рассматривает текст как автономную лингвистическую последовательность, устную или письменную, обладающую связностью и последовательностью и представляющую собой эмпирический объект, созданный адресантом в контексте специфической социальной практики [Neveu 2004, с. 106]. Схожую позицию мы находим и в работе В.З. Демьянкова [Демьянков 2005].

В конце XX века в лингвистике сформировалось широкое и узкое понимание дискурса. В узкой интерпретации дискурс преимущественно трактуется как текст коммуникативной направленности [Harris 1952]. Широкое понимание предполагает применение термина «дискурс» к любому вербализованному взаимодействию, диалогическому или монологическому, письменному или устному, спонтанному или созданному намеренно, в

совокупности всех его характеристик: лингвистических, текстуальных и ситуационных [Roulet 1991, p. 188]. Несомненно, распространению широкой интерпретации дискурса в лингвистике во многом способствовали взгляды французского философа Ж. Дерриды [Derrida 1973].

В нашем исследовании мы придерживаемся широкого, функционально-прагматического понимания термина «дискурс». В частности, нам близка точка зрения, представленная в работе О. Leszczak, в которой автор рассматривает дискурс как функционально-прагматический тип вербальной деятельности, который ограничен с точки зрения времени, способа действия и/или тематики, обладает специфическими кодовыми элементами, определёнными действиями и характерными текстами [Leszczak 2010, p. 34]. В данном случае под специфическими элементами кода понимается не только социальный, но и лингвосомиотический код, используемый в том или ином виде деятельности. Похожая позиция представлена и в работе И.В. Силантьева, в которой дискурс трактуется в качестве устойчивой, социально и культурно определённой традиции человеческой коммуникации [Силантьев 2010, с. 78].

Проблема типологии и организации дискурсов также является одним из неразрешённых вопросов современной лингвистики. Исследователями предлагаются разнообразные классификации дискурса, учитывающие канал передачи, жанр, функциональный стиль, социальную соотнесённость и т.д. [Кибрик 2009; Тупикова 2011]. Если говорить о таком виде дискурса, как военный, то в настоящее время отсутствует его однозначная интерпретация. Так, например, Ю.Ю. Дуброва понимает под военным дискурсом совокупность речевых произведений, создающихся в той или иной военной сфере коммуникации и регламентирующихся посредством определённых правил, традиций и опыта, что оказывает влияние на выбор средств языка [Дуброва 2015, с. 172].

Ю.Н. Сдобнова даёт двойное определение военному дискурсу. С одной стороны, она рассматривает его в качестве особого регламентированного институционального речепроизводства, которое характерно для Вооружённых сил всех коммуникативных формаций и предполагает единство социокультурных, прагматических, психологических факторов [Сдобнова 2014, с. 171]. А с другой стороны, она трактует его в качестве письменных и устных дискурсивных практик в определённой военной тематике, которые коммуникативно реализуются и функционируют и могут не контролироваться официальным институтом Вооружённых сил [Сдобнова 2014, с. 173].

Изучив теоретический материал по типологии дискурсов и учитывая функционально-прагматический подход, мы выработали собственное рабочее определение термина «военный дискурс». Под данным термином нами понимается такой тип дискурса, который направлен на актуализацию военных и других связанных с ними реалий, а также событий и лиц, содержит специфический лингвосомиотический код и реализуется в определённом военно-социальном и пространственно-временном экстралингвистическом контексте.

При этом невозможно избежать проблемы социально-иерархической соотнесённости дискурса. Как справедливо полагает Г. Кресс (G. Kress), дискурс имеет социальную природу, он неразрывно связан с общественными институтами и отношениями [Kress 1985]. Изучению социума с позиций философии и коммуникации посвящают свои труды такие исследователи, как Ю. Хабермас (J. Habermas) и К.-О. Апель (K.-O. Apel) [Апель 2001; Хабермас 2001]. Наиболее активно проблема взаимосвязи понятий «социальный институт» и «дискурс» стала исследоваться примерно с середины 80-х годов XX века. На сегодняшний день в лингвистике и социологии существует значительная вариативность трактовок термина «социальный институт». Так, например, известный французский лингвист Д. Мэнгено (D. Maingueneau) утверждает, что под термином «институт» следует понимать не только такие

образцовые структуры, как армия и церковь, но и любую социальную структуру, которая ограничивает реализацию вербальной функции в зависимости от статуса говорящих, предопределяет допустимое и необходимое содержание высказывания в зависимости от дискурсивного контекста при обсуждении той или иной проблематики [Maingueneau 1991, p. 18]. В целом можно заключить, что, с лингвистической точки зрения, институализация представляет собой совокупность ограничений, которые накладываются на индивида при реализации им вербальной функции.

Несомненно, широкая трактовка понятия социального института создаёт дополнительные сложности в определении границ институционального дискурса, которые также не являются в настоящее время чётко определёнными. Например, исследователи К. Оже и К. Оливье-Янив (С. Oger, С. Ollivier-Yaniv), анализируя проблему институционального дискурса, предлагают статусно-градуальную типологию этого явления [Oger, Ollivier-Yaniv 2003, p. 127].

В отечественной лингвистике различаются два основных типа дискурса: статусно-ориентированный и лично-ориентированный. Первый из них обычно интерпретируется в качестве речевого взаимодействия между представителями социальных групп или институтов, между людьми, статусно-ролевые возможности которых реализуются в определённых общественных институтах [Карасик 2002, с. 193]. Лично-ориентированный тип трактуется как бытовой (повседневный) и бытийный (художественный и философский) [там же, с. 199]. По мысли В.И. Карасика, статусно-ориентированный дискурс может носить как институциональный, так и неинституциональный характер. Институциональный тип дискурса является специализированной клишированной разновидностью коммуникации людей, которые могут быть не знакомы друг с другом, но должны осуществлять коммуникацию согласно нормам определённого общества [Карасик 2002, с. 193]. При этом под социальным институтом обычно понимается «культурно-

специфическая, нормативно организованная, конвенциональная система форм деятельности, обусловленная общественным разделением труда, а также предназначенная для удовлетворения особых потребностей общества» [Макаров 2003, с. 206].

Военный дискурс, несомненно, представляет собой специфический функционально-прагматический тип вербальной деятельности, и многие исследователи традиционно подчёркивают его институциональность [Дуброва 2015; Сдобнова 2014; Юсупова 2010; Фахрутдинова 2008; Kress 1985; Oger, Ollivier-Yaniv 2003]. Так, например, Т.В. Юсупова рассматривает военный дискурс как институциональный и предлагает выделять в нём формальную и неформальную части, относя к последней «неформальное общение в военной среде», которое «характеризуется использованием арго, жаргонизмов и сленга» [Юсупова 2010, с. 8].

Принимая во внимание различные точки зрения, касающиеся характеристики военного дискурса, мы придерживаемся мнения А.В. Уланова, полагающего целесообразным выделение институционального и неинституционального типов военного дискурса [Уланов 2014]. Однако, анализируя позицию А.В. Уланова, можно прийти к выводу, что, вслед В.И. Карасиком [Карасик 2002], автор разделяет эти два понятия на основе противопоставления статусного (общественного) и личностного (индивидуального) дискурса. При этом А.В. Уланов трактует институциональный военный дискурс в качестве актуализации особенностей армии как социального института в речевой репрезентации картины мира военнослужащих. Неинституциональный дискурс понимается исследователем как субъективная (эмоциональная и бытовая) интерпретация военных событий, реалий и лиц [Уланов 2014, с. 57]. Схожая позиция представлена и в диссертационном исследовании Ю.А. Эмер, в котором автор различает институциональный и неинституциональный типы дискурса на основании дихотомии «индивидуальный/социальный» и степени формализации

общения, причем внутри социального дискурса выделяются институциональная и субкультурная разновидности. Под субкультурной разновидностью дискурса Ю.А. Эмер понимает «дискурсы социальных групп, не связанных социальными институтами» [Эмер 2011, с. 17-18].

Мы полностью согласны с тем, что носителями военного дискурса являются преимущественно военнослужащие и что он нацелен прежде всего на актуализацию и интерпретацию различных реалий и лиц, принадлежащих к военной сфере. Кроме того, мы разделяем утверждение исследователей, согласно которому институциональный тип дискурса актуализирует целенаправленную, «статусно-ролевую» и социально-ориентированную коммуникацию, а неинституциональный дискурс отличается значительной степенью субъективизма.

Мы также полагаем, однако, что для детального анализа феномена военного дискурса необходимо более чётко разграничить такие понятия, как социальный институт и социальная общность. Социальный институт может рассматриваться как устойчивая, статусно-регламентированная и легализованная форма организации жизни и деятельности определённой социальной общности. При этом общесоциальная нормированность и легализация являются одной из главных характеристик любого социального института, особенно при понимании данного феномена в узком смысле термина, который в большей степени применим к понятию «армия как социальный институт». Следовательно, на формальном лингвистическом уровне институциональный дискурс – это прежде всего дискурс, реализуемый путём устного либо письменного обращения преимущественно к литературно-нормированному инструментарию языковой системы.

С другой стороны, не только социальный институт, но и социальная общность обладает своей системой норм, ценностей, правил и традиций, которые могут отличаться от норм, принимаемых на уровне социального института. Так, например, в дискурсе французских военнослужащих могут

актуализироваться такие принадлежащие военной социальной общности реалии, как неуставная иерархия, неофициальные ритуалы, персонажи и элементы военного фольклора, иррационально мотивированная табуизация некоторых понятий. В целом любая коммуникация в рамках той или иной социальной общности предопределяет речевое поведение индивида и использование им в процессе коммуникации наиболее приемлемого для данной социальной общности лингвосемиотического кода. Однако на уровне социальной общности лингвосемиотический код может актуализироваться путём обращения не только к литературно-нормированному, но и к литературно-ненормированному инструментарию языка, который представлен просторечием, социолектами, арго, жаргонами и другими социально-языковыми субкодами.

Таким образом, выделение институционального и неинституционального типов военного дискурса происходит на основании обозначенной нами выше дихотомии социальный институт / социальная общность. Опираясь на неё, мы определяем *институциональный* тип военного дискурса как вид военного дискурса, который реализуется представителями Вооружённых Сил как социального института при вербальном взаимодействии друг с другом или с обществом и характеризуется регламентированностью, формализацией, конвенциональностью, воспроизводимостью, маркированной социальной направленностью, выраженным статусно-ролевым взаимодействием и преимущественным использованием литературно-нормированных языковых знаков.

Под неинституциональным типом военного дискурса мы понимаем вид военного дискурса, реализующийся в процессе неофициального, неформального или повседневного общения представителей военно-социального сообщества преимущественно друг с другом и характеризующийся выраженным субъективизмом и активным использованием литературно-ненормированных языковых знаков.

Несомненно, между этими двумя типами военного дискурса не существует чётко обозначенных границ и зачастую может наблюдаться значительная мозаичность их использования. Кроме того, как показывают наши наблюдения, в строго регламентированном институциональном дискурсе иногда может закрепляться использование лексических единиц, принадлежащих к субстандартной лексике. Например, использование субстандартной лексемы *bazars* было впервые зафиксировано в 1877 году. В настоящее время она используется в ритуальной фразе, произносимой на официальной ночной церемонии посвящения курсантов Военной академии Вооружённых Сил Франции Сен-Сир Коэткидан: «À genou les *bazars*! .../... Debout les *hommes*!». Данная номинация восходит к периоду балканских войн, к памяти о сражении при городе *Novi Bazar* (досл. ‘Новый Базар’, сегодня – ‘город Нови-Пазар’) [Cassagne 2007, p. 52]. Несомненно, что предпочтение субстандартной номинации дополнительно подчёркивает не столько институциональную, сколько корпоративную принадлежность военнослужащего, причём субстандартная СЛЕВД приобретает прецедентный статус символа, позволяющего маркировать референт и выделить его в специфическую категорию.

Несмотря на то, что военно-политический дискурс может быть соотнесён с дискурсом Вооружённых Сил как социального института, мы согласны с исследователями, которые разделяют военный и военно-политический дискурсы [Хомутова, Наумова 2017]. Военный дискурс отличается выраженным профессионально ориентированным характером. Он предопределяется традициями, регламентом и моральным кодексом военнослужащих. Военно-политический дискурс реализуется различными политическими деятелями и высшими военными чиновниками. Зачастую он обладает значительной экспрессивностью. Как правило, военно-политический дискурс манифестируется в широком публичном пространстве и во многом зависит от текущей геополитической ситуации.

В настоящее время остаётся нерешённой проблема определения границ таких понятий, как профессиональная речь, термин, профессионализм, жаргонизм и специализированная лексика. В частности, С.Д. Шелов и В.М. Лейчик рассматривают терминологию и профессиональную лексику как два класса специальной лексики и отмечают, что взаимные отношения между ними во многом остаются неясными и изучены недостаточно [Шелов, Лейчик 2012, с. 5-8]. По мнению Е.Н. Малюги, существующие в лингвистике обозначения «профессиональный язык», «профессиональный подъязык», «профессиональная речь», «профессиональный диалект», «специальный язык» в целом являются тождественными [Малюга 2011, с. 134]. В рамках лингводидактики обычно говорят о французском языке для специальных целей (FOS – français sur objectif spécifique), под которым подразумевается функциональная разновидность языка, используемая в коммуникации в рамках определенной профессиональной деятельности [Mangiante, Parpette 2004]. В трактовке Н.К. Гарбовского профессиональная речь характеризуется лингвистическим, психологическим и социально-обусловленным выбором языковых средств и является функциональной разновидностью речи [Гарбовский 1988, с. 39-40]. В работах В.П. Коровушкина дан достаточно подробный анализ таких понятий, как специальный язык, военный социолект, лексическая система военного социолекта [Коровушкин 2003, с. 57-59], тем не менее в настоящее время данная трактовка не является общепринятой.

Определение понятия «термин» также остаётся весьма спорным. Интенсивное развитие в лингвистике когнитивного направления приводит к отказу от его рационально-логической трактовки и вынуждает сфокусироваться на внутренней семиотической природе термина, которая тесно связана с профессиональным знанием и коммуникацией [Голованова 2011, с. 15]. Другие исследователи настаивают на наличии у термина коммуникативного компонента, поскольку они полагают, что в его основе лежит концепт, обладающий когнитивной, лингвистической и

коммуникативной составляющей [Cabré-Castellví, Cormier 1998]. В свою очередь В.М. Лейчик считает возможным рассматривать термин как «квант когниции» [Лейчик 2007, с. 124].

С учётом вышеизложенного, оставляя в стороне все перечисленные разногласия, исследование которых не входит в рамки нашей работы, мы не оперируем по отдельности такими понятиями, как термин, терминоид, псевдотермин, профессионализм, жаргонизм, сленгизм и т.д., и разделяем специальную военную лексику на две большие группы: формализованный и субстандартный вокабуляр. Мы предлагаем собственную дефиницию специальной лексической единицы военного дела (СЛЕВД), которая трактуется нами как лексическая единица, обладающая простой или сложной структурой, включённая в специализированные (нормированные и ненормированные) военные словари и номинирующая реалию военной сферы [Соловьева 2016, с. 214; Соловьева 2017б, с. 122]. При этом формализованный вокабуляр включает в себя литературно-нормированные СЛЕВД, а субстандартный вокабуляр рассматривается нами как совокупность СЛЕВД, являющихся литературно-ненормированными, некодифицированными лексическими единицами, принадлежащими к военно-профессиональному просторечию и военному жаргону.

В целом, говоря о корпусе военной лексики, мы подразумеваем совокупность формализованных и субстандартных лексических единиц, функционирующих в пределах коммуникативного пространства военного сообщества и вербализующих различные реалии военной сферы. Метафорические лексические единицы, составляющие военный дискурс, могут принадлежать к формализованному или субстандартному вокабуляру, восходить по своему происхождению к различным идеографическим областям, представлять собой в плане выражения как однословную лексему, так и лексикализованную синтагму. Однако, только являясь средством номинации той или иной реалии военной сферы, они приобретают статус

СЛЕВД и включаются нами в корпус практического материала.

Помимо институциональности, для военного дискурса характерна определённая жанровая структурированность. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует общепринятое определение данного термина, как и общепринятая классификация жанров. Вслед за Ф. Растье, мы рассматриваем жанр как связующее звено между дискурсом и текстом. Мы согласны с тем, что типология жанров во многом определяется конечной коммуникативной целью, социальным контекстом и используемой лингвистической кодификацией [Rastier 1989, p. 40].

К институциональным жанрам французского военного дискурса можно отнести письменные и устные текстовые материалы официально-делового, приказного и регламентирующего характера (международные военно-политические договоры, доктрины, уставы, инструкции, наставления, приказы, рапорты, команды, церемониальные тексты), полуофициальные документы (полевые отчёты, штабная и военно-техническая документация), а также различные учебные материалы и профессионально-ориентированные журнальные статьи в профильных военных изданиях. К неинституциональным жанрам военного дискурса относятся профессионально-ориентированные журнальные статьи в военных изданиях, предназначенных для широкого круга читателей, военно-художественная проза и поэзия, а также военный фольклор, ритуальные формулы и тексты неофициальных традиций.

Говоря о военной прозе и военных мемуарах, имеющих высокую степень фактологической достоверности, о посвящённых профессиональной тематике неофициальных интернет-источниках, авторами которых являются военнослужащие, следует подчеркнуть, что они носят смешанный характер, поскольку содержат в себе элементы как институционального, так и неинституционального военного дискурса. Таким образом, военный дискурс представляет собой многоплановый и сложный феномен, анализ которого

невозможен без учёта конкретного экстралингвистического контекста. Данный контекст обуславливает создание устных или письменных текстов, актуализирующих военные и связанные с ними реалии, события и лица, и определяет характер их интерпретации.

1.4. Актуальные аспекты исследования метафоры в военном дискурсе

Когнитивный и диахронический аспекты исследования метафоры в военном дискурсе, будучи весьма важными для современной лингвистики, отнюдь не ограничивают круг интересов учёных. Среди наиболее крупных работ, посвящённых исследованию метафоры в военном дискурсе, необходимо прежде всего упомянуть работы Г.А. Бучиной [2003] и А.Г. Рябова [2009]. В частности, Г.А. Бучина анализирует роль метафоры в структурном и функциональном аспектах [Бучина 2003, с. 3]. Автор различает терминологическую и нетерминологическую лексические подсистемы и фокусирует своё исследование на описании метафорических моделей и оценке продуктивности использования метафорических производных в тематических группах русской и английской военной лексики. Среди функций, реализуемых метафорой в военном вокабуляре, Г.А. Бучина выделяет всего лишь три: функцию номинации, характеристики и эмоционально-экспрессивной оценочности [Бучина 2003, с. 5]. Однако автор не представляет результатов анализа контекстуального использования метафорических терминологических и нетерминологических лексических единиц в специализированных текстах, без обращения к которому функциональный аспект исследования метафоры нельзя считать полноценным. Таким образом, по нашему мнению, положение о функциях метафоры в военном дискурсе нуждается в значительном углублении и уточнении.

Помимо этого, автор указывает, что источники практического материала, кроме словарей, представлены материалами российских и американских СМИ [Бучина 2003, с. 4]. Однако обращение к газетно-

публицистическим, а не к профессионально-ориентированным изданиям предполагает использование вторичных источников, что может модифицировать релевантность эмпирической выборки. Обращает также на себя внимание смешение военных реалий, принадлежащих к различным историческим периодам. Например, лексическая единица *hairbrush grenade* ('ручная граната типа «щётка для волос») [Бучина 2003, с. 9] относится исключительно к периоду Первой мировой войны [Rottman 2015, с. 20], тогда как лексема *mushroom (cloud)* [Бучина 2003, с. 9] вербализует грибовидное облако ядерного взрыва, которое представляет современную нам реалию.

Как справедливо отмечает В.Н. Телия, «историзм – одно из существенных свойств языка и культуры» [Телия 1996, с. 224]. Очевидно, что нарушение этого принципа может оказывать заметное влияние на результаты лингвокультурологического и дискурсивного исследований. Таким образом, мы полагаем, что необходим более глубокий и дифференцированный анализ различных экстралингвистических факторов, способных оказывать влияние на реализацию и продуктивность метафорических переосмыслений в военном дискурсе.

Такой учёный, как А.Г. Рябов, ограничивает своё исследование терминологическим слоем англоязычной военной лексики, в котором изучается роль метафорического и метонимического переносов значения в рамках когнитивизма и теории номинации [Рябов 2009, с. 4]. Автор говорит о сочетании лингвокогнитивного и психологического аспектов исследования явления вторичной номинации в терминологической лексике [Рябов 2009, с. 6]. Он выявляет и описывает метафорические и метонимические модели и приходит к выводу об универсальности антропоцентризма метафоры в английской военной терминологии. Кроме того, А.Г. Рябов выделяет тенденцию именовать предметы военного обихода предметами домашнего быта [Рябов 2009, с. 5]. Следует отметить, что мы полностью согласны с разделением метафор А.Г. Рябовым на основании их отношения к человеку и

к результатам его деятельности, то есть с разделением их на антропоморфные и неантропоморфные метафоры в терминологии автора. Однако, насколько можно судить, исследователь тоже не соблюдает принцип историзма при анализе практического материала. Так, например, лексическая единица *Black and Tans* [Рябов 2009, с. 15] вербализует резервные силы королевской полиции (Royal Irish Constabulary Reserve Force) – реалию, представлявшую собой полицейское спецподразделение, которое существовало в период с 1919 по 1922 годы [Bennett 2010]. Кроме того, А.Г. Рябов не затрагивает вопросы вторичной номинации в субстандартном вокабуляре военного дискурса и ограничивает анализ психологической составляющей метафорических переосмыслений способностью человека познавать неизвестное через известное и новое через старое. Учитывая вышеизложенное, мы видим необходимость более глубокого исследования в военном дискурсе метафорических переосмыслений и их социальных и психологических составляющих.

Диссертационная работа Е.Б. Кивилевой сфокусирована на исследовании названий американских и британских кораблей. В частности, показано, что зоонимические наименования военно-морской техники могут возникать в результате таких когнитивных процессов, как метафоризация, метонимизация, аналогия, стереотипизация, символизация, фокусирование-дефокусирование и анимализация [Кивилева 2017].

В семантико-словообразовательном аспекте явление метафорического переноса отчасти исследуется С.В. Лазаревич в работе, посвящённой лексике и фразеологии русского военного жаргона. Автор рассматривает метафору и метонимию как способ формирования жаргонной специфики [Лазаревич 2000, с. 15].

Е.В. Лупанова, анализируя фразеологическую картину мира представителей англо-американской военной субкультуры, затрагивает проблему метафоризации как одного из механизмов объединения в

лингвистическом знаке языковой и культурной семантики [Лупанова 2018, с. 5]. Однако объединение английской и американской составляющих способно влиять, по нашему мнению, на достоверность выводов, поскольку американская и британская культуры могут характеризоваться неидентичными концептосферами.

Диссертационное исследование О.А. Захарчук сосредоточено на изучении универсальных характеристик и национально-культурных особенностей русского и американского военных жаргонов. Автор исследует метафорический и метонимический переносы значения и приходит к выводу, что антропоцентризм является универсальным свойством метафоры. Метонимия интерпретируется автором как второй по продуктивности после метафоры способ семантической деривации [Захарчук 2007, с. 17-18]. Кроме того, анализируя эволюцию военного жаргона, автор исходит из положения, что пространственный и временной факторы являются основополагающими для любой лингвокультурной ситуации [там же, с. 9]. Мы полностью разделяем эту позицию, и нам представляется очень важным соблюдение принципа историзма при комплексном и детальном анализе метафорических переосмыслений в языке профессионального общения.

Среди работ, затрагивающих явление метафорического переноса в рамках структурного изучения военной лексики, можно выделить диссертационные исследования Л.Н. Зенковой [1991], В.К. Панковой [1992], О.Р. Рякиной [1997], Я.А. Манукяна [2011], М.Г. Бойко [2011] и В.С. Унагаева [2013]. Работа Л.Н. Зенковой посвящена структурно-семантической характеристике русской военной артиллерийской терминологии [Зенкова 1991]. В исследовании В.К. Панковой рассматриваются раздельно оформленные номинации во французской военной терминологии [Панкова 1992]. Исследовательский интерес О.Р. Рякиной сфокусирован на структурно-семантической и функциональной специфике русскоязычной военной авиационной инженерной терминологии [Рякина 1997]. Я.А. Манукян, анализируя тезаурус

немецкого военнослужащего в течение периода с 1871 по 1945 год в контексте изучения концептуально-фреймовой модели языковой игры в субкультуре немецких военнослужащих, частично затрагивает проблему метафоризации как способа словообразования [Манукян 2011, с. 11]. М.Г. Бойко обращается к проблемам структуры и формирования бронетанковой терминологии в английском языке в социолингвистическом аспекте. Автор предпринимает попытку периодизации развития бронетанковой терминологии и исследует взаимоотношение языковых и социальных явлений [Бойко 2011]. На материале немецкого языка С.В. Соколов исследует системно-структурные особенности современной военной терминологии и сферы коммуникации [Соколов 2013]. В.С. Унагаев изучает на материале немецкого языка формирование и структурно-семантические особенности аэрокосмической лексики в средствах массовой информации [Унагаев 2013]. Во всех вышеперечисленных исследованиях явление метафорического переноса рассматривается фрагментарно, в контексте общего анализа материала. При этом последнее исследование целиком основывается на неспециализированных газетно-публицистических источниках практического материала.

Работа В.В. Чеботарёвой посвящена изучению современного английского военного термина в лингвистическом и социокультурном аспектах. В качестве источников практического материала, автор использует преимущественно интернет-версии изданий The Guardian и The New York Times. Он фокусирует свой анализ на терминологических единицах, которые активно включаются в информационную среду, чётко не дифференцирует терминологическую и субстандартную лексику, понимая под военной терминологией лексические единицы, связанные с военной сферой, и не разграничивая американскую и британскую американскую терминосистемы [Чеботарёва 2012, с. 6]. Автор отмечает, что метафоризация выступает одним из ведущих способов терминообразования.

Среди отдельных публикаций, касающихся проблемы метафоры в

современном французском военном дискурсе, можно отметить работу Ю.Н. Сдобновой. Автор рассматривает метафору в контексте изучения арготизмов-зоонимов, выраженных субстантивными единицами в дискурсе Военно-Морских Сил Франции [Сдобнова 2016]. Представленная в работе классификация имеет несомненный научный и практический интерес, однако, произведённый анализ метафорических актуализаций носит достаточно фрагментарный характер. Так, например, Ю.Н. Сдобнова относит метафорическую лексическую единицу *renard* (досл. 'лис') к зоонимам, использующимся для репрезентации предметов обихода военнослужащих ВМС (речь идёт о сводной таблице присутствия/отсутствия офицеров на корабле) [Сдобнова 2016, с. 153]. Однако данная метафорическая репрезентация относится не столько к зоонимам, сколько к артефактам привычного мира, поскольку её источником служит старинная французская настольная игра «Le renard et les poules». Переосмысление основано на сходстве внешнего вида таблицы и граф, расчерченных на игровом поле [Cassagne 2007, p. 371-372]. Данный пример наглядно свидетельствует о сложности проблемы метафоризации во французском военном дискурсе и недостаточной степени её исследования.

Среди трудов зарубежных учёных особое внимание привлекает работа А. Сабера (A. Saber), посвящённая анализу профессиональной культуры американских военнослужащих. Автор приходит к выводу, что, помимо традиционных для метафоры функций номинации, экономии и украшения речи, а также эвристической функции, метафора играет и «групповую» роль в военном дискурсе, способствуя формированию характеристики корпоративного этноса американских военнослужащих [Saber 2005]. А. Сабер трактует метафору как троп, не рассматривая при этом отдельно когнитивные аспекты метафоризации.

Таким образом, обзор вышеперечисленных работ свидетельствует о том, что, несмотря на интерес ряда учёных к исследованию метафоры в военном

дискурсе, в настоящее время отсутствуют работы, посвящённые комплексному изучению метафоры во французском военном дискурсе с когнитивной и диахронической точек зрения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Результаты анализа работ, посвящённых исследованию метафоры, профессиональных языков, специальных лексических единиц, а также проблем теории дискурса, позволяют сделать следующие выводы:

1) На сегодняшний день когнитивная парадигма исследования метафоры представляется одной из наиболее перспективных и сбалансированных, поскольку она предполагает синкретичный взгляд на метафору как на перманентную составляющую не только речи, но и мышления человека. Это, в свою очередь, обуславливает комплексное исследование данного феномена в его неразрывной связи с контекстом как в лингвистическом, так и в социокультурном и историческом аспектах;

2) В контексте когнитивной парадигмы исследования метафоры представляется очень важной теория концептуальной метафоры, изложенная в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона и основанная на идее о том, что человек мыслит посредством метальных конструкторов (концептов, фреймов, скриптов). При этом его мозг адаптирует поступающую информацию в соответствии с имеющимся у индивида сенсомоторным и когнитивным опытом;

3) Наряду с концептуальными метафорами окказиональные метафоры также обладают способностью категоризировать и реструктурировать репрезентацию реалий профессиональной сферы. По данной причине их исследование может давать возможность выявления некоторых психологических особенностей и способов постижения реальности, присущих носителям языка определённой социальной группы;

4) В настоящее время многими лингвистами признаётся необходимость изучения метафорической системы языка в когнитивном и диахроническом

аспектах, что предполагает выявление психологических и мировоззренческих особенностей представителей отдельной социальной группы на определённом этапе её существования. Это позволяет, в свою очередь, проанализировать особенности взаимоотношений когнитивной и языковой систем, а также тенденции их развития;

5) Дискурс представляет собой сложный лингвосоциальный феномен. В структуре военного дискурса можно выделить институциональный и неинституциональный типы. Институциональный тип военного дискурса отличается формализацией и выраженной статусно-ролевой интеракцией и реализуется путём обращения к литературно-нормированным языковым знакам. В отличие от институционального типа неинституциональный тип военного дискурса характеризуется выраженным субъективизмом и активным использованием литературно-ненормированных языковых знаков.

ГЛАВА II. МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ СФЕРЫ

2.1. Концептуальная структура французской военной сферы

Типологизация формализованных и субстандартных СЛЕВД неоднократно привлекала внимание исследователей [Гарбовский 1988; Коровушкин 2003; Захарчук 2007; Митчелл, Холдаенко 2014аб, 2015аб, 2016]. В целом она может носить как структурный, так и функциональный характер и быть основанной на способе образования лексических единиц, их тематической или стилистической принадлежности, а также на количестве компонентов.

В настоящее время с развитием когнитивной парадигмы исследователи приходят к пониманию того, что любая специальная лексическая единица связана с тем или иным концептом [Лейчик 2007; Cabré-Castellví, Cormier 1998]. Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что выявление и анализ концептов составляет необходимый этап изучения семантики специальной лексики, поскольку именно концепты представляют собой базовые ментальные сущности, формирующие совокупность знаний отдельного индивида о своём профессиональном мире. Следовательно, концептуальная типологизация профессиональной сферы оказывается важным элементом лингвокогнитивного анализа. Однако её практическое воплощение может представлять определённые трудности, которые связаны как с отсутствием единой трактовки термина «концепт», так и с отсутствием единого взгляда на его структуру.

Несмотря на существование различных интерпретаций концепта, мы придерживаемся представляющейся нам наиболее справедливой комплексной лингвокультурологической трактовки понятия «концепт», разделяемой большинством отечественных исследователей. В соответствии с ней концепт рассматривается нами как единица ментального уровня, отражающая

определённый объект или совокупность связанных с определённой идеографической сферой объектов материального или духовного мира, хранящаяся в национальной памяти носителей определённого языка в вербальном виде и способная отличаться национально-культурным контентом [Бабушкин 1997; Кравцов 2008; Лихачёв 1993а; Попова, Стернин 2015]. Мы также согласны с тем, что в ходе интеллектуальной деятельности человека концепт, являющийся сложной ментальной структурой, способен представлять «свои разные признаки и слои» [Колокова 2014, с. 125-126].

Концепты, в свою очередь, могут подразделяться в зависимости от заключённого в них понятийного объёма. При этом ментальные единицы, отражающие тот или иной объект универсума, являющийся элементом, составляющей другого, более крупного объекта, рассматриваются нами как частные концепты.

В соответствии с этим в работе выделяются концепты, подразделяющиеся в свою очередь на частные концепты и в совокупности формирующие идеографическое пространство французской военной сферы. Причём выделяемые концепты обладают различными вербализаторами в формализованном и в субстандартном вокабуляре французского военного дискурса. К концептам, отражающим французскую военную сферу, относятся такие, как «Военнослужащий», «Военная реальия», «Противник», которые состоят из частных концептов, что представлено ниже.

ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ ВОКАБУЛЯР

СУБСТАНДАРТНЫЙ ВОКАБУЛЯР

I. Концепт «ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ»

Частный концепт

«Субъект профессиональной деятельности»:

fantassin ('пехотинец¹'), *grenadier*
(‘гранатомётчик’)

«Субъект уставной иерархии»:

adjudant ('аджюдан')

Частный концепт

«Субъект профессиональной деятельности»:

biffin ('пехотинец' или
'военнослужащий сухопутных войск'),

«Субъект уставной иерархии»:

juteux/adjupète ('аджюдан')
«Субъект неуставной иерархии»

¹ Здесь и далее даётся перевод автора

(чаще лексические единицы, актуальные для эпохи призывного комплектования французской армии): *libérable* ('солдат, которому осталось недолго до демобилизации')

II. Концепт «ВОЕННАЯ РЕАЛИЯ»

Материальная составляющая

Частный концепт	Частный концепт
«Боеприпасы»: <i>torpille</i> ('торпеда, мина')	«Боеприпасы»: <i>suppositoire</i> ('морская торпеда' или 'воздушная ракета')
«Вооружение»: <i>lance-grenades</i> ('гранатомёт')	«Вооружение»: <i>lance-patates</i> ('гранатомёт')
«Военно-технические средства»: <i>char</i> ('танк')	«Военно-технические средства»: <i>ferraille</i> ('боевая бронированная машина: танк, БТР' и т.д.)
«Фортификация»: <i>tranchée</i> ('траншея', 'окоп')	«Фортификация»: <i>boyau</i> ('траншейный ход')
«Униформа»: <i>treillis de combat</i> ('полевая форма')	«Униформа»: <i>tarte</i> ('берет альпийских егерей')
«Объекты тыла и логистика»: <i>arsenal</i> ('арсенал')	«Объекты тыла и логистика»: <i>arsouille</i> (морск. 'арсенал')

Профессиональная составляющая

Частный концепт	Частный концепт
«Маневрирование, боевые и служебные действия»: <i>reconnaissance des objectifs</i> ('разведка целей')	«Маневрирование, боевые и служебные действия»: <i>décollage cravate</i> ('взлёт с резким кабрированием')
«Учения и тренировки»: <i>pas cadencé</i> ('строевой шаг'), <i>En position!</i> ('К бою!')	«Учения и тренировки»: <i>asperge</i> ('металлический стержень на штурмовой полосе'), <i>Bordel!</i> = <i>À bord!</i> (ав.) ('На борт!')
«Учебные заведения»: <i>École navale</i> ('Высшее военно-морское училище')	«Учебные заведения»: <i>La Baille</i> ('Высшее военно-морское училище')
«Военная наука»: <i>crête militaire</i> ('тактический гребень')	«Военная наука»: <i>topo</i> ('военная топография')

Организационная составляющая

Частный концепт	Частный концепт
«Уставные звания»: см. «Субъект уставной иерархии»	«Уставные звания»: см. «Субъект уставной иерархии»
	«Неуставные звания»: см. «Субъект неуставной иерархии»

«Администрирование»: *quartier général* ('головной штаб'), *Règlement de discipline générale* ('Дисциплинарный устав')

«Виды и рода войск»:

infanterie (пехота)

«Виды подразделений»:

bataillon (батальон)

«Оборона и безопасность»:

dissuasion nucléaire ('ядерное сдерживание'), *capacité militaire* ('военный потенциал')

«Администрирование»:

piste aux étoiles ('штаб'); *Bible* ('Дисциплинарный устав'; морск. 'Список офицеров действительной службы')

«Виды и рода войск»:

bigorne ('пехота')

«Виды подразделений»:

bâton ('батальон')

Идеологическая составляющая

Частный концепт

«Награды»:

Médaille de la Défense nationale ('Медаль национальной обороны')

«Уставные традиции и ритуалы»:

défilé militaire ('военный парад')

Частный концепт

«Награды»:

Hernu Cross ('Медаль национальной обороны')

«Неуставные традиции и ритуалы»:

mettre les galons en salade ('неуставная традиция – «салат» из нашивок')

III. Концепт «ПРОТИВНИК»

ennemi/adversaire ('противник')

salopard ('противник')

Очевидно, что концептуальная структура французской военной сферы может быть представлена более подробно, однако, её детализация в нашей работе была бы избыточной с учётом заявленных задач. Кроме того, поскольку настоящее исследование сфокусировано на метафорической репрезентации реалий военной сферы, такие концепты, как «Гражданский субъект», «Гражданская реалья», не включены нами в корпус практического материала. Лексические единицы, эксплицитно номинирующие реалии общетехнического характера, например, *arbre à cardan* ('карданный вал'), *goulotte de carburant* ('заборник топлива'), несмотря на то, что они включены в специализированные военные словари, также не вошли в нашу выборку практического материала.

Метафорические лексические единицы, являющиеся номинацией живых

и неживых реалий военной сферы, восходящих к концептам-мишеням, имеют свои источники. Реалии, на которые направлен метафорический перенос лексического значения, связываются с концептами-источниками (сферами-источниками, областями-источниками), в частности, с такими, как «Реалии быта и привычного мира», «Фауна», «Растительный мир», «Тело человека», «Ощущения» и другие, которые будут рассмотрены ниже.

2.2. Метафорические номинации в современном французском военном дискурсе

Рассмотренные выше концепты формируют концептуальное пространство военной сферы и могут актуализироваться во французском военном дискурсе при помощи различных видов метафоры. Основные виды метафоры определяются с учётом отношения её источника к человеку, что обуславливает выделение антропоцентрической и неантропоцентрической метафоры. Под антропоцентрической метафорой мы понимаем метафору, область-источник которой непосредственно связывается с самим человеком или результатом его деятельности. В то же время область-источник неантропоцентрической метафоры не ассоциируется непосредственно с человеком и результатом его жизнедеятельности. Следовательно, к сферам-источникам антропоцентрической метафоры относятся такие, как «Тело человека», «Одушевлённое существо» (персонификация), «Ощущения», «Реалии быта и привычного мира», «Невоенные профессии и занятия», «Пространственное положение, статус», «Религия, мифология, история», «Инженерно-технические сооружения», «Одежда, аксессуары». Среди областей-источников неантропоцентрической метафоры можно выделить прежде всего такие области, связанные с внешним миром, как «Фауна», «Растения», «Геологические объекты», «Водная среда», «Природные и физические явления».

Перейдём к рассмотрению метафорических номинаций, представленных

как в институциональном (формализованном, стандартном), так и в неинституциональном (субстандартном) французском военном дискурсе.

2.2.1. Метафорические номинации в современном институциональном французском военном дискурсе

В результате анализа исследуемой выборки формализованных СЛЕВД (1032 единицы) выявлено существенное преобладание антропоцентрической метафоры в данном сегменте дискурса, которая представлена 846 СЛЕВД, что составляет 82 %. Наибольшей продуктивностью отличается область-источник «Реалии быта и привычного мира» (31%). В Приложении 1 иллюстрируются полученные нами данные.

Как показывают наблюдения, в абсолютном большинстве случаев метафорической актуализации подвергается концепт «Военная реальия», который обычно репрезентируется как предмет быта или реальия привычного мира. Например: *charrue de déminage* (досл. ‘разминирующий плуг’ – ‘ножевой минный трал’ (‘минный плуг’)), *enveloppe de chambre* (досл. ‘комнатный конверт’ – ‘кожух ствола’), *coussinet de la culasse* (досл. ‘подушечка затвора’ – ‘вкладыш затвора’), *bouchon d’infanterie* (досл. ‘пехотная пробка’ – ‘пехотный заслон’). Следует отметить, что в последнем случае переосмысление затрагивает не военнослужащих как отдельных субъектов, а скорее абстрактное пехотное формирование. Нами установлено, что данная особенность является характерной для институционального типа дискурса, в котором практически отсутствует метафорическая репрезентация самих военнослужащих. К исключениям можно отнести случаи актуализации военнослужащих как представителей штатных должностей или военной иерархии. Метафоры в этих случаях обладают выраженным узуальным характером.

В ряде случаев концепт «Военная реальия» выступает объектом косвенного переосмысления, которое имеет вид глагольной метафоры или

метафоры с использованием девербатива. В этом случае действие, производимое с военной реалией, переосмысливается как действие с некоторой неодушевлённой реалией привычного мира. Например: *rompre la trêve* (досл. ‘разрывать перемирие’ – ‘нарушать перемирие’), *briser le siège* (досл. ‘разбивать осаду’ – ‘прорвать осаду’), *ouvrir le feu* (досл. ‘открывать огонь’ – ‘открыть огонь’), *verrouillage* (досл. ‘запирание’ – ‘захват цели’).

Иногда подобные глагольные метафоры отражают обезличенные переосмысления по отношению к противнику. Например, СЛЕВД *canaliser l'ennemi* (досл. ‘канализировать врага’) имеет значение ‘вынуждать противника двигаться в определённом направлении’).

Сфера-источник «Инженерно-технические объекты» позволяет актуализировать военную реалию как реалию гражданской жизни. Подобные метафорические переосмысления отчасти входят в рамки обыденных репрезентаций. Продуктивность данного источника номинации не превышает 3%. Например: *passerelle de navigation* (досл. ‘пешеходный/висячий мостик навигации’ – ‘штурманский мостик’), *puits de mise de feu* (досл. ‘колодец воспламенения’ – ‘огнепроводная трубка (взрывателя мины)’), *train de combat* (досл. ‘боевой поезд’ – ‘тыловой транспорт первого эшелона’).

Заметным источником метафор выступает прямая или косвенная персонификация. В этом случае область-источник представлена концептом «Одушевлённое существо», а сферой-мишенью выступает концепт «Военная реалия». Как показывает наша выборка, общая продуктивность сферы-источника «Одушевлённое существо» составляет порядка 11%. Например: *état dormant* (досл. ‘спящее состояние’ – ‘пассивное положение мины’), *point fort* (досл. ‘сильная точка’ – ‘укреплённый пункт’), *balle morte* (досл. ‘мёртвая пуля’ – ‘пуля на излёте’).

Поскольку присвоение неодушевлённой военной реалии собственного имени человека служит проявлением концептуального мышления, в разряд

персонифицирующих актуализаций мы также отнесли антропонимические наименования военно-технических объектов. В данном случае имя военно-технического объекта представляет собой десигнат, метафорически связывающий два разнородных концепта: личность-прототип наименования («Одушевлённое существо») и военно-техническое средство («Военную реалию»). Так, например, боевой танк *Leclerc AMX-56* назван в честь французского генерала танковых войск Филиппа графа де Отклок (Philippe de Hauteclocque), который был известен в период Второй мировой войны под псевдонимом, восходящим к имени другого известного французского военного деятеля XVIII века Шарля Леклерка (Charles Leclerc). Более подробно вопрос антропонимических наименований рассмотрен нами на примере названий ударно-боевых кораблей ВМС Франции [Соловьева 2017а]. Кроме того, персонифицирующие переосмысления анализируются в следующих главах данной диссертационной работы.

Следующая сфера-источник – «Тело человека» – позволяет переосмыслить военную реалию как часть тела человека: *talon de l'extracteur* (досл. 'пятка экстрактора' – 'пятка (кулак) выбрасывателя'), *ventre du char* (досл. 'живот танка' – 'днище танка'), *corps de fusée* (досл. 'тело пряжи на веретене' – 'корпус взрывателя'). Интересно отметить, что в последнем случае метафорическому переосмыслению подвергаются оба форманта СЛЕВД. Причём составляющая *fusée* представлена историзмом, который является «стёртой» метафорой, известной в военной сфере в течение нескольких столетий. Лексема *fusée* использовалась для номинации части эфеса шпаги, расположенной между гардой и навершием [TLFi]. В целом продуктивность сферы-источника «Тело человека» составляет порядка 5% общей выборки, касающейся современного институционального дискурса.

Сфера-источник «Невоенные профессии и занятия» позволяет переосмыслить военную реалию как реалию гражданских профессий и занятий. Её продуктивность составляет около 7 %. Например: *architecture de*

commandement (досл. ‘архитектура командования’ – ‘структура командования’), *tambour des dérives* (досл. ‘барабан отклонений’ – ‘барабанчик угломера’), *tir de fauchage* (досл. ‘косильная стрельба’ – ‘стрельба с искусственным рассеиванием’).

Человек воспринимает окружающую реальность при помощи специфических сенсорных анализаторов, таких как зрительный, слуховой, двигательный и кинестетический. Анализатор, доминирующий в процессе восприятия и формирования познавательных образов, рассматривается нейropsychологами как определяющий «модальность восприятия» [Величковский 1973, с. 8]. При этом, по мнению физиологов, кинестетический анализатор является базовым и в эволюционном плане наиболее древним [Вилюнас 1976, с. 142].

Сфера-источник «Ощущения» связывает материальные объекты непосредственно с ощущениями человека, отчасти отражая его психосенсорные особенности. По данным нашей выборки её продуктивность не превышает 11%.

В нашей картотеке собраны преимущественно примеры реализации кинестетической и визуальной модальности посредством метафорических номинаций в современном институциональном французском военном дискурсе. Случаи реализации аудиомодальности почти отсутствуют. Рассмотрим примеры:

1) Кинестетическая модальность: *défense rigide* (досл. ‘негибкая оборона’ – ‘жёсткая, позиционная оборона’), *souplesse opérationnelle* (досл. ‘оперативная гибкость’ – ‘боевая (оперативная) гибкость’) и другие;

2) Визуальная модальность: *forces bleues* (досл. ‘голубые силы’ – ‘силы-союзники в учениях НАТО’), *dispositif ouvert* (досл. ‘открытое приспособление’ – ‘разомкнутый боевой порядок’) и другие;

3) Аудиомодальность: *arme silencieuse* (досл. ‘молчаливое оружие’ – ‘бесшумное оружие’).

Сфера-источник «Одежда и аксессуары» представляет концепт «Военная реальия» как вестиментарный элемент, например: *ceinture fortifiée* (досл. ‘укреплённый пояс’ – ‘пояс укреплений’), *capuchon anti-lueur* (досл. ‘капюшон против света’ – ‘дульный пламегаситель’), *paillettes* (досл. досл. ‘блёстки’ – ‘дипольные противорадарные отражатели’). Согласно полученным нами данным, продуктивность таких метафорических номинаций составляет порядка 3%.

Сфера-источник «Религия, мифология, история» связывает духовный мир человека и профессиональную реальность. Общая продуктивность данной сферы-источника находится в пределах 6%, что позволяет реализовать три основных метафорических переосмысления:

1) «Военная реальия» (религиозный обряд/реалия): *tir fratricide* (досл. ‘братоубийственный огонь’ – ‘огонь по своим’), *baptême des objectifs* (досл. ‘крещение целей’ – ‘нумерация, кодирование целей’);

2) «Военная реальия» (историческая реалия, иногда военного характера): *duel d’artillerie* (досл. ‘артиллерийская дуэль’ – ‘артиллерийская дуэль’), *flèche d’affût* (досл. ‘стрела лафета’ – ‘хобот лафета орудия’), *Sphinx ERBC* (досл. ‘броневая разведывательная машина Сфинкс’ – ‘броневая разведывательная машина Сфинкс’);

3) «Военная реальия» (персонаж или реалия мифа): *missile Roland1/Roland2/Roland3* (досл. ‘ракета Роланд1/Роланд2/Роланд3’ – ‘зенитно-ракетный комплекс Роланд1/Роланд2/Роланд3’), *Griffon VBMR* (досл. ‘многоцелевая бронированная машина Грифон’ – ‘многоцелевая бронированная машина’). В ряде случаев данный тип переосмыслений тесно связан с феноменом персонификации, прототипом которой может служить реальный или вымышленный объект фауны.

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, позиционно-пространственные переосмысления относятся к ориентационным метафорам [Lakoff 1980, с. 37]. По нашим наблюдениям, сфера-источник

«Пространственное положение, статус» позволяет актуализировать иерархические и социальные отношения, которые могут быть сведены к вертикальному или горизонтальному положению в пространстве. Помимо концепта «Военная реальия», в рамках этого переосмысления может актуализироваться концепт «Военнослужащий», когда речь идёт о представителе определённого звания. Общая продуктивность источника метафорической номинации «Пространственное положение, статус» не превышает 4%. В частности, метафоры вертикали и горизонтали могут быть представлены такими метафорическими актуализациями, как: «Начальствующий состав соответствует верху» – *officiers supérieurs* (досл. ‘высшие офицеры’ – ‘старший офицерский состав’); «Подчинённый состав соответствует низу» – *sous-lieutenant* (досл. ‘под-лейтенант’ – ‘младший лейтенант’); «Свои военнослужащие и военные реалии – это друг, брат» – *frère d’arme* (досл. ‘брат по оружию’ – ‘товарищ по оружию’), *zone amie* (досл. ‘дружественная зона’ – ‘расположение своих войск’); «Устранение угроз – это противоположность» – *contre-torpilleur* (досл. ‘против миноносца’ – ‘эскадренный миноносец’), *antichar* (досл. ‘против танка’ – ‘противотанковый’).

Институциональный неантропоцентрический сегмент переосмыслений представлен 186 СЛЕВД, что составляет 18% общего объёма выборки практического материала. Наибольшей продуктивностью отличается сфера-источник «Фауна» (9%). Приложение 1 иллюстрируют полученные нами данные. Приведём в качестве примеров следующие: *mine papillon* (досл. ‘мина ‘бабочка’ – ‘мина ‘бабочка’), *guerre amphibie* (досл. ‘война амфибия’ – ‘морские десантные операции’), *en essaim!* (досл. ‘роем!’ – ‘в цепь!’ (команда).

Нечасто концепт «Военная реальия» может актуализироваться при переосмыслении части объекта фауны, например, *patte d’épaule* (досл. ‘наплечная лапа’ – ‘погон’), *pattes de col* (досл. ‘воротниковые лапы’ – ‘петлицы’), *queue de détente* (досл. ‘хвост спуска курка’ – ‘спусковой крючок’).

В ряде случаев актуализация концепта «Военная реальия» происходит путем косвенной репрезентации военных реалий в понятиях, свойственных животному миру. Например: *alvéole d'amorçage* (досл. 'сотовая ячейка включения' – 'капсюльное гнездо'), *nid de mitrailleuse* (досл. 'пулемётное гнездо' – 'пулемётный окоп'), *encagement fumigène* (досл. 'сажание в дымообразующую клетку' – 'дымовое окаймление').

Кроме того, чрезвычайно подвижный пласт метафорических СЛЕВД представлен зооморфными наименованиями военно-технических средств. Как показывают наблюдения, в этих случаях использование метафор обычно основано на сходстве военно-технических характеристик средства с внешним видом, качествами или повадками животного. Так, например, *EBRC Jaguar* (досл. 'бронированная боевая и разведывательная машина "Ягуар"') является одной из самых современных боевых машин этого класса, которая в 2020 году придёт на смену разведывательной машине с пушечным вооружением *SAGAIE (ERC 90 SAGAIE)*. Согласно заявленным характеристикам *EBRC Jaguar* обладает улучшенной боевой эффективностью и хорошей мобильностью, что в целом делает её похожей на хищника семейства кошачьих. В настоящее время консорциумом «Eurocopter» производится вертолёт *Eurocopter AS365 Dauphin* (досл. 'Дельфин'), используемый преимущественно в корабельной авиации. Первые вертолёты этого класса были разработаны в 1970-1980 годы. Модернизированный вариант вертолёта применяется в настоящее время ВМС Франции в основном в поисково-спасательных операциях. Хорошая манёвренность позволяет этому небесному дельфину оправдывать свое метафорическое название и спасать терпящих бедствие. Поскольку рыбы являются позвоночными животными, метафорические номинации, имеющие своей сферой-источником наименования рыб, нами рассматриваются в составе сферы-источника «Фауна». В качестве других примеров можно упомянуть противокорабельные ракеты семейства *Exocet* (досл. 'Летучая рыба') компании «Aérospatiale», ЗРК

класса «земля-воздух» средней дальности (Système Sol-Air Moyenne-Portée Terrestre) консорциума «Eurosam» SAMP/T Mamba (досл. ‘Мамба’), мобильный комплекс противовоздушной обороны малой дальности консорциума «Thomson-CSF/Shorts» Aspïc (досл. ‘Аспид’) и другие. Кроме того, имена-зоонимы носят учебные военно-морские корабли класса *Léopard* (A748) (досл. ‘Леопард’), а также береговые тральщики: *Bélier* (A695) (досл. ‘Овен’), *Buffle* (A696) (досл. ‘Буйвол’) и *Bison* (A697) (досл. ‘Бизон’). Последние три являются достаточно редким случаем использования имён одомашненных представителей рогатого скота.

В целом наблюдения показывают, что метафорические зоонимы, функционирующие в формализованном вокабуляре, не являются произвольными. Во многих случаях для номинации используются названия хищных и опасных животных. Ассоциируясь с образами жестокости и агрессивности, эти наименования имеют яркую коннотативную эмоциональную нагрузку, что отчасти демонстрирует восприятие военной реальности носителями языка.

Продуктивность в современном институциональном французском военном дискурсе такой сферы-источника, как «Растения», по нашим данным, оказывается весьма низкой и составляет порядка 2%. Как правило, она репрезентирует концепт «Военная реальия» в качестве той или иной реалии растительного мира. Например: *gerbe de torpilles* (досл. ‘сноп торпед’ – ‘торпедный веер’), *champignon/nuage-champignon* / (досл. ‘гриб’/‘облако-гриб’ – ‘облако ядерного взрыва’), *brin d'arrêt* (досл. ‘останавливающий стебелёк’ – ‘трос аэрофинишёра’).

Для наименования военно-технических средств привлечение сферы-источника «Растения» отмечено нами в единичных случаях. Один из них приходится на лёгкий фрегат типа Лафаетт *Aconit* (F713) (досл. ‘Аконит’), который получил своё наименование в честь легендарного корвета,

построенного в Шотландии и прославившегося в период Второй мировой войны.

Сфера-источник «Природные и физические явления» актуализирует концепт «Военная реальия» как природное или физическое явление. По данным нашей выборки её продуктивность не превышает 4% с учётом наименований военно-технических средств. К подобным примерам можно отнести следующие: *rafale* (досл. ‘шквал’ – ‘очередь/серия выстрелов’), *guerre-éclair* (досл. ‘война-молния’ – ‘молниеносная война, блицкриг’).

Название французского универсального десантного корабля-вертолётоносца «*Mistral*» (*L9013*) (досл. ‘Мистраль’) ассоциируется с обобщённым понятием «ветер» и его качествами, что подтверждает частично заимствованный из Евангелия от Иоанна девиз этого судна: «*Ubi vult spirat*» («*Il souffle où il veut*» от «*Spiritus ubi vult spirat*» – «Дух дышит, где хочет»). Другим судном этого класса является вертолётоносец *Tonnerre* (*L9014*) (досл. ‘Гром’), введённый в эксплуатацию в 2007 году. Французские многоцелевые истребители и истребители-бомбардировщики класса *Mirage* (*I, III-V, F1, 2000,4000*) (досл. ‘Мираж’) и *Rafale* (*B, C, D, M, N*) (досл. ‘Шквал’), произведённые французской компанией «*Dassault Aviation*», способны развивать высокие скорости, выполнять задачи противовоздушной обороны, вести разведку и наносить удары по наземным целям. Можно предположить, что самолёты получили наименования благодаря сходству своих скоростных и боевых характеристик с природными явлениями.

Среди других военно-технических средств, номинации которых связаны с концептом «Природные и физические явления», можно упомянуть авиационную управляемую ракету большой дальности *Météor* (досл. ‘Метеор’) класса ‘воздух-воздух’, разработка которой принадлежит компании «*Matra BAЕ Dynamics Alenia*» (MBDA). К подобным номинациям следует отнести метеорадар *station SIROCCO* (досл. ‘станция Сирокко’ – *Station Intégrée Radar d’Observation des Courants Continus aérologiques*), получивший своё название

по имени знойного южного ветра.

Область-источник «Геологические объекты» способна актуализировать концепт «Военная реальия» как геологическую реалию. Однако обращение к ней носит спорадический характер, а её совокупная продуктивность в структуре метафорической номинации не превышает 2%. Например: *îlots de résistance* (досл. ‘островки сопротивления’ – ‘очаги сопротивления’), *plage de portées* (досл. ‘пляж досягаемостей’ – ‘диапазон дальностей’).

Однако область-источник «Геологические объекты» иногда привлекается для метафорических наименований военно-технических средств. Так, например, многоцелевые атомные торпедные подводные лодки (*Sous-marins Nucléaires d'Attaque*) первого поколения получили свои наименования по названиям драгоценных камней: *SNA Rubis (S601)* (досл. ‘Рубин’), *SNA Saphir (S602)* (досл. ‘Сапфир’), *SNA Émeraude (S604)* (досл. ‘Изумруд’) и *SNA Améthyste (S605)* (досл. ‘Аметист’). Это самые маленькие подводные атомные лодки в мире. Они обладают хорошими боевыми и манёвренными качествами, что, возможно, позволяет отчасти ассоциировать их с драгоценными камнями. Причем название *Améthyste* является одновременно метафорой и инициально-слоговой аббревиацией: «*Amélioration, tactique, hydrodynamique, silence, transmission, écoute*» (досл. ‘Улучшение, тактика, гидродинамика, тишина, связь, акустика’). Это связано с тем, что ввиду выявления дефектов в процессе эксплуатации в проект были внесены изменения. Тем не менее основной причиной, определившей выбор названий для лодок этой серии, послужил тот факт, что во время Второй мировой войны на вооружении ВМФ Франции уже состояли подводные минные заградители класса *Saphir*, которые принимали участие в боевых действиях. Большинство лодок этой серии также носили названия драгоценных камней: *Saphir* (досл. ‘Сапфир’), *Turquoise* (досл. ‘Бирюза’), *Rubis* (досл. ‘Рубин’), *Diamant* (досл. ‘Алмаз’), *Perle* (досл. ‘Жемчуг’). Подводная лодка *Rubis* перешла в июле 1940 года на сторону движения «Свободная

Франция» («La France libre») и стала одним из самых эффективных минных заградителей для союзных войск [La Fondation de la France Libre]. Интересно отметить, что в 2015 году было принято решение назвать одну из будущих атомных подлодок нового класса в честь минного заградителя *Rubis*. Название многоцелевой атомной подводной лодки *SNA Perle (S 606)* класса '*Rubis*' тоже относится к категории драгоценных камней, однако, формально принадлежит к сфере-источнику «Водная среда».

Основным концептом, прямо или косвенно актуализирующимся с привлечением области-источника «Водная среда», является концепт «Военная реальия», который репрезентируется как реальия водного мира. При этом общая продуктивность сферы-источника «Водная среда» составляет около 2%. Приведём в качестве примеров следующие: *tir plongeant* (досл. 'ныряющая стрельба' – 'навесная стрельба'), *source de renseignement* (досл. 'источник информации' – 'источник разведанных'), *vague d'assaut* (досл. 'волна штурма' – 'штурмовой эшелон'), *filtrage des renseignements* (досл. 'фильтрация сведений' – 'проверка, отбор разведанных').

Итак, результаты анализа практического материала свидетельствуют о том, что в современном институциональном французском военном дискурсе доминирующей сферой-источником метафорических номинаций является концепт «Реалии быта и привычного мира». Продуктивность других источников носит менее выраженный характер и связывается с концептами «Одушевлённое существо» и «Ощущения». Их продуктивность, включая сферу-источник «Фауна», не превышает 10%. Доминирующей сферой-мишенью метафорических номинаций в современном институциональном французском военном дискурсе служит концепт «Военная реальия».

2.2.2. Метафорические номинации в современном неинституциональном французском военном дискурсе

Анализ исследуемой выборки субстандартных СЛЕВД (442 единицы) выявил преобладание антропоцентрической метафоры в современном неинституциональном французском военном дискурсе, содержащем субстандартный вокабуляр. Полученная нами выборка представлена 324 СЛЕВД, что составляет 73% общего количества субстандартных СЛЕВД, принадлежащих к данному дискурсивному сегменту. Приложение 2 иллюстрируют наши данные. Наиболее продуктивным источником субстандартной метафорической номинации является сфера «Реалии быта и привычного мира». Как и формализованном вокабуляре, её продуктивность составляет около 31%. В отличие от институционального дискурса в неинституциональном дискурсе данная сфера-источник участвует в метафорической репрезентации концепта «Военная реальия» и концепта «Военнослужащий». Так, выявленные нами метафорические переосмысления военных реалий позволяют прямо или косвенно представить военную реальию как привычную или бытовую реальию. Рассмотрим примеры: *plaque à vélo* (досл. ‘велосипедная эмблема’ – ‘знак дипломированного военного парашютиста’), *astiquer la ligne* (досл. ‘полировать линию’ – осуществлять регулярные рейсы между двумя пунктами’), *barreau* (досл. ‘перекладина’/‘брус’ – ‘нашивка’/‘галун’). Выражение *gagner un barreau* (досл. ‘заработать перекладину’) имеет значение ‘получить повышение в звании’.

В рамках концепта-источника «Реалии быта и привычного мира» мы также рассматриваем частный концепт «Еда», не выделяя его в отдельную группу. Например: *spaghetti* (досл. ‘спагетти’ – ‘аксельбант’), *tarte* (досл. ‘сладкий пирог; торт’ – ‘берет альпийских егерей’), *pain* (досл. ‘хлеб’ – ‘сутки ареста’). Таким образом, выражение *prendre des pains* (досл. ‘взять хлебы’) имеет значение ‘получить определённое количество суток ареста’.

Кроме того, концепт-источник «Реалии быта и привычного мира» может использоваться для метафорической актуализации концепта «Военнослужащий». При этом происходит его переосмысление как некоторого предмета: *porte-serviette* (досл. ‘вешалка для полотенца’ – ‘адъютант, офицер для поручений’), *sac de sable* (досл. ‘мешок с песком’ – ‘штурман на двухместном самолёте-истребителе’). Нетрудно заметить, что данные переосмысления имеют определённую негативную коннотацию. В единичных случаях военный служащий также может быть вербализован путём обращения к источнику «Еда», например, *biscuit*, реже *biscotte* (досл. ‘сухарь’ – ‘молодой призывник-сверхсрочник’).

В субстандартном лексическом корпусе концепт-источник «Невоенные профессии и занятия» наиболее часто актуализирует военную реалию, представляя её как реалию мира гражданских профессий и занятий. Его общая продуктивность в проанализированной выборке составляет около 9%. Например: *lampe à souder/chalumeau* (досл. ‘паяльная лампа’/‘свирель’ – ‘реактивный самолет-истребитель’), *guitare électrique* (досл. ‘электрогитара’ – ‘американская автоматическая винтовка M16’), *monter un cirque* (досл. ‘ставить цирк’ – ‘готовить демонстрационные полёты высшего пилотажа’).

Сфера-источник «Невоенные профессии и занятия» может также использоваться с целью метафорической актуализации концепта «Военнослужащий», если речь идёт о представителе гражданских профессий и занятий. Например: *charcutier* (досл. ‘колбасник’ – ‘военный хирург’), *musicien* (досл. ‘музыкант’ – ‘морьяк, свободный от вахт’).

В субстандартном вокабуляре концепт «Военная реальность» может переосмысляться и путём персонификации. Особенно это характерно для авиационной среды. Продуктивность сферы-источника «Одушевлённое существо» составляет около 5%. Так, например, СЛЕВД *laitier* (досл. ‘молочник’) обозначает первый самолёт, совершающий утреннюю посадку на

полосу. Данное переосмысление связано с выражением *à l'heure du laitier* (досл. 'в час молочника' – 'рано утром').

Нечасто персонифицирующие переосмысления могут носить фривольный характер. Например, полковой знак (*insigne régimentaire*) или любой военный знак отличия (*insigne militaire*), который обычно крепится к пуговице правого нагрудного кармана, репрезентируется как *puccelle* (досл. 'девственница'). Переосмысление основано на образной аналогии, связанной с формой знака отличия и его сквозным креплением на пуговицу, которая во французском языке принадлежит к категории мужского рода («*la pucelle finit transpercée par le bouton*»).

Немногочисленные метафорические СЛЕВД, имеющие своим источником концепт «Тело человека», могут использоваться для репрезентации военной реалии благодаря метафорическому переносу на часть тела человека. СЛЕВД этой группы могут быть представлены вульгарной лексикой. Так, например, СЛЕВД *couille* (досл. 'тестикула') может актуализировать как подвесной топливный бак, так и сферическое покрытие для защиты антенны самолёта (*radôme d'un aéronef*). Основанное на метафорическом переносе выражение *voler en grosses couilles* (досл. 'летать с большими тестикулами') имеет значение 'летать с дополнительными бензобаками'.

Анализ практического материала показывает, что концепт-источник «Инженерно-технические объекты» достаточно редко используется в метафорических переосмыслениях. По данным нашей выборки, его продуктивность не превышает 2%, и в большинстве случаев он связан с концептом «Военная реальия». Например: *wagon* (досл. 'вагон' – 'самолёт', но, как правило, не 'самолёт-истребитель'), *voiture* (досл. 'машина' – 'военный самолёт').

Продуктивность сферы-источника «Религия, мифология, история» составляет порядка 8%. Данная область обычно служит для актуализации

концепта «Военная реалья», когда переосмыляется религиозная, историческая, воображаемая реалья или персонаж. Например: *cathédrale* (досл. ‘собор’ – ‘рубка подводной лодки’ (*kiosque du sous-marin*)), *corvée* (досл. ‘барщина’/‘тяжёлая работа’ – ‘наряд’), *Marilyn* (досл. ‘Марлин (Монро)’ – ‘фюзеляж с двойной кривизной’).

Сфера-источник «Религия, мифология, история» может также использоваться в метафорических репрезентациях концепта «Военнослужащий». Например: *Pape* (досл. ‘Папа Римский’ – ‘начальник Высшего военно-морского училища’ (*commandant de l'École Navale*)), *martyr* (досл. ‘мученик’ – ‘капрал’), *gros Mickey* (досл. ‘большой Микки’ – ‘военнослужащий мобильной жандармерии’).

Сфера-источник «Одежда и аксессуары» позволяет переосмыслить военную реалью как вестиментарный элемент. Например: *décollage cravate* (досл. ‘взлёт-галстук’ – ‘взлёт с резким кабрированием самолёта’), *virage en épingle à cheveux* (досл. ‘вираж в виде шпильки’ – ‘опасный, резкий вираж самолета’), *être de cravate* (досл. ‘быть в галстукe’ – ‘дежурить на дому’, галстук в данном случае репрезентирует гражданскую одежду). Общая продуктивность данной сферы составляет 4%.

Количество метафорических номинаций, заимствованных из концепта-источника «Ощущения», не превышает 5%. Он может использоваться для актуализации концептов «Военная реалья» и «Военнослужащий» чаще с визуальной модальностью. Например: *gros volumes* (досл. ‘большие объёмы’ – ‘диспетчеры дальнего радиолокационного обнаружения и управления’).

Сфера-источник «Пространственное положение, статус» обычно служит для актуализации иерархических и внутрикорпоративных отношений. Наиболее часто встречается метафора вертикали, которая позволяет переосмыслить военнoслужащего-начальника как человека в статусе руководителя или же старшего по возрасту. Её продуктивность не превышает 4%. Например: *pacha* (досл. ‘паша’ – ‘командир военного корабля’), *Père*

Légion (досл. ‘отец легиона’ – ‘генерал, командующий иностранным легионом’). Необходимо отметить, что архетипический образ семьи и рода является одним из древнейших, который сопровождает человека в течение всей его истории.

Что касается концепта «Противник», то в субстандартном вокабуляре он имеет достаточно ограниченное метафорических репрезентаций. В частности, данный концепт может быть объективирован, если речь идёт, например, о социально-маргинальном элементе: *salopard* (досл. ‘негодяй, ублюдок’ – ‘противник’).

Целесообразно отметить использование метафор в неофициальных названиях высших военных школ Франции. Так, например, Высшее военно-морское училище (*École navale, Lanvéoc-Poulmic*) неофициально называется *La Baille* (досл. ‘Бадья’), а Высшая лётная школа (*École de l’Air, Salon-de-Provence*) традиционно именуется *Le Piège* (досл. ‘Западня’). Первая метафорическая номинация этимологически восходит к актуализации старинного учебного корабля. Лексема *baille* обозначала корабль, не отличающийся чистотой и хорошими качествами. Происхождение же наименования второго учебного заведения до конца не ясно. Согласно одной из версий, «*l’École de l’Air, alias Le Piège parce que le mistral qui souffle fort et souvent, vous pousse pour y entrer et vous empêche ensuite d’en sortir*» [Pilot]. Однако существование вульгарного варианта *Le Piègeac* (‘piège à con’), позволяет допустить и другие толкования.

В ряде случаев субстандартные метафорические СЛЕВД содержат элементы гражданского аргю. Например, лексическая единица *pébroque* в гражданском аргю обозначает *parapluie* (досл. ‘зонтик от дождя’). В военной среде на основе некоторого сходства формы данная лексема метафорически переосмысливается, приобретая значение ‘парашют’. Таким образом, действие ‘прыгать с парашютом’ получает номинацию *se pébroquer*.

Неантропоцентрическая метафора, уступающая по своей продуктивности антропоцентрической, представлена 118 СЛЕВД, что составляет примерно 27% общего объёма нашей выборки. В приложении 2 отражаются полученные нами статистические данные о метафорических номинациях в неинституциональном военном дискурсе в зависимости от вида метафоры.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство случаев субстандартной номинации посредством неантропоцентрической метафоры связано с двумя сферами-источниками – «Фауна» и «Растения». Метафорические переносы значения, заимствованные из других источников, имеют спорадический характер. Наибольшей продуктивностью отличается метафора, связанная со сферой-источником «Фауна», на долю которой приходится 18% объёма всей выборки субстандартных СЛЕВД. Достаточно часто сфера-источник «Фауна» привлекается для актуализации концепта «Военнослужащий», в результате чего образуются метафорические номинации военнослужащих различных категорий. Например: *aigle de la Balagne* (досл. ‘орёл Баланьи’ – ‘легионер, солдат Иностранного легиона’), *pur de garance* (досл. ‘чистая марена’ – ‘военный, служивший только в горных подразделениях’), *mouette* (досл. ‘чайка’ – ‘военнослужащий воздушной жандармерии’). Молодые военнослужащие, начинающие свою карьеру, могут именоваться посредством метафорического образа детёныша того или иного животного: *aiglon* (досл. ‘орлёнок’ – ‘воспитанник Высшей лётной школы’).

Субстандартные СЛЕВД, присутствующие в неинституциональном военном дискурсе, могут отличаться полисемией. Причём их значение варьируется в зависимости от конкретной сферы употребления. Например, метафорическая СЛЕВД *bœuf* (досл. ‘бык’) в субстандартном вокабуляре сухопутных войск репрезентирует грубоватого, физически крепкого курсанта Особой школы Сен-Сир, предпочитающего физическую сторону образования теоретической. Данная лексема может называть как любого человека, не

слишком обдумывающего свои действия, так и молодого, неопытного пилота. На языке жандармерии эта же лексическая единица обычно обозначает унтер-офицера или офицера. В сфере Военно-морского флота метафорическая СЛЕВД *bœufs* (досл. ‘быки’) служит номинацией старшинского состава (*officiers mariniers*).

Сфера-источник «Фауна» также способствует актуализации концепта «Военная реальия». Например, *cage à touches* (досл. ‘клетка с мухами’ – ‘симулятор полёта’), *cochon* (досл. ‘свинья’ – ‘поплавок, используемый при тралении мин’), *baleine* (досл. ‘кит’ – ‘тяжелый самолет-заправщик типа С-135).

Иногда концепт-источник «Фауна» используется с целью метафорической номинации военнослужащего. Например: *taupe* (досл. ‘крот’ – ‘военнослужащий жандармерии департаментов’), *rat de base* (досл. ‘базовая крыса’ – ‘моряк служащий преимущественно на берегу’), *poireau* (досл. ‘лук-порей’ – ‘генерал’).

Анализ нашего материала свидетельствует о том, что продуктивность концепта-источника «Растения» не превышает 7%. Чаще всего военная реальия актуализируется посредством метафорического образа всей реалии растительного мира или его части. Например: *banane* (досл. ‘банан’ – ‘награда, медаль’), *salade* (досл. ‘салат’ – ‘маскировочная сетка на каску’), *sapin de Noël* (досл. ‘новогодняя ёлка’ – ‘одновременное включение на табло самолёта нескольких предупреждающих индикаторов’).

Использование сфер-источников «Водная среда», «Геологические объекты» и «Природные и физические явления» происходит в единичных случаях и обычно позволяет переосмыслить военную реалию как природное явление, реалию водного мира или же геологическую реалию. Например: *îlot* (досл. ‘островок’ – ‘надстройка на правом борту взлётной палубы авианосца’).

Итак, в современном французском военном дискурсе концепты «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна» служат основными областями-источниками метафорических переносов значения. Продуктивность остальных концептов, являющихся источником метафорической номинации, не превышает 10%.

2.3. Функционирование метафоры в современном институциональном французском военном дискурсе

Исследование военной лексики и военного дискурса является одним из актуальных направлений современной лингвистики, которое привлекает в настоящее время всё большее число исследователей [Chadelat 2003; Joachim, Schneiker 2012; Chouliaraki 2016; Frisk 2019]. С учётом рассмотренных в первой главе видов метафоры представляется целесообразным исследовать её функционирование в институциональном и неинституциональном типах французского военного дискурса. Подобный анализ позволяет выявить и проанализировать функции метафоры, что даёт возможность лучше раскрыть её когнитивный потенциал. Говоря о функции лексической единицы, в данном случае представленной метафорой, мы понимаем её как «назначение, роль, выполняемую единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи» [СЛТ 1966, с. 560].

Метафора обладает многогранными функционально-прагматическими возможностями, которые обусловлены такими её свойствами, как эвристичность, выразительность и запоминаемость. Это обуславливает широкое присутствие метафоры как в формализованном, так и в субстандартном вокабуляре. С другой стороны, метафорическая номинация, непосредственно связанная с такими мыслительными операциями, как проведение аналогий между двумя гетерогенными концептами и отражение их существенных признаков, представляет собой часть очень сложной номинативной функции языка и речи как специального типа высшей нервной

деятельности человека. Именно номинативная функция, с нашей точки зрения, является основополагающей для всех выделяемых исследователями типов метафоры, поскольку без номинации (обозначения) невозможно ни познание материального мира, ни человеческое общение, ни осмысление абстрактных сущностей.

Однако, помимо номинативной, метафора выполняет и другие не менее важные функции, способствующие удовлетворению различных потребностей и манифестации специфических особенностей, свойственных отдельно взятому социуму. Выявляемые в исследуемом нами материале функции метафоры неоднородны, а обращение к ней как к средству номинации реалий военной сферы во многом обусловлено уникальной совокупностью её функционально-прагматических возможностей.

Анализ функций метафоры, несомненно, носит достаточно искусственный характер. Как показывают наблюдения, метафорические переосмысления, используемые во французском военном дискурсе, всегда выполняют более одной функции. Однако такой подход позволяет наглядно продемонстрировать основные цели метафорических переносов значения во французском военном дискурсе.

Лексика формализованного вокабуляра составляет основу институциональной, официальной, нормированной коммуникации. Наиболее широко она представлена в различных административных документах. Однако к институциональному типу военного дискурса можно также отнести письменные материалы и документы, например, профессионально-ориентированные журнальные статьи в профильных военных изданиях. В частности, вниманию французских военнослужащих предлагаются различные специализированные периодические издания, такие как «Terre information magazine», «Armées d'aujourd'hui», «Air actualité», «Cols bleus», «Focus stratégique», «ARTI», «Soldats de France» и другие. Устная составляющая

институционального военного дискурса обычно представлена различными командами, а также выдержанной речью военнослужащих.

Исследование практического материала показывает, что в пределах институционального типа военного дискурса реализация номинативной функции метафоры связана с репрезентацией различных реалий военной сферы, а также их признаков и свойств. Например: «*l'origine de la trajectoire est soit la bouche du canon, soit la rampe ou la plateforme*» («Началом траектории является либо выходное отверстие канала ствола (дула) пушки, либо пусковая установка, либо платформа») [ТТА150 VII 2012, р. 6]. В данном случае СЛЕВД *bouche du canon* (досл. 'рот пушки') вербализует дульный срез – выходное отверстие канала ствола. Метафорическая актуализация зиждется на сходстве формы и частично функции дульного среза ствола и части лица человека. Несмотря на кажущуюся картинность образа, данная метафора может рассматриваться в первую очередь как узуальная, поскольку проведение аналогии между округлым отверстием, выполняющим функцию входа или выхода в каком-либо объекте, и ртом человека является достаточно типичным для французской ментальности и носит системный характер. Среди употреблений этой метафоры в невоенных сферах социальной жизни можно упомянуть такие лексические единицы, как *bouche d'incendie* (досл. 'пожарный рот' – 'пожарный кран/пожарный гидрант'), *bouche d'égout* (досл. 'сточный рот' – 'водосточная воронка/водосточный колодец'), *bouche de métro* (досл. 'рот метро' – 'вход в метро'), *bouche d'un fourneau* (досл. 'рот печи' – 'устье печи').

Аналогичное переосмысление лежит в основе СЛЕВД *bouche à feu* (досл. 'рот с огнём'), интерпретация которой имеет некоторые особенности. Французские источники обычно рассматривают СЛЕВД *bouche à feu* как 'огнестрельное оружие, не предназначенное для ручной переноски' ('*arme à feu non portative*') [DLMP 2009, р. 156]. Лексическая единица *bouche à feu* употребляется, как правило, применительно к вооружению калибром более 20

мм.

Закрепление метафоры в формализованном вокабуляре и её функционирование в институциональном военном дискурсе зачастую приводит к утрате ею первичной семантической мотивации. Например: « <...> *sortir la tête amovible. Si elle est bloquée, utiliser la tête de la goupille de crosse pour sortir l'extracteur en faisant levier sur le fond de la cuvette de tir*» ('Извлечь поворотную головку затвора. Если она заблокирована, для извлечения выбрасывателя использовать головку штифта приклада, опираясь на него как на рычаг, на дно чашечки затвора') [ТТА150 XV 2008, p. 59]. СЛЕВД *tête amovible* (досл. 'съёмная, сменная голова') вербализует подвижную (поворотную) головку затвора огнестрельного оружия. СЛЕВД *tête de la goupille de crosse* (досл. 'голова прикладного штифта') обозначает наружный конец штифта приклада, а СЛЕВД *cuvette de tir* (досл. 'стрелковая чашечка') номинирует чашеобразное углубление на передней части затвора, служащее для помещения в него основания гильзы. Основой для данных метафорических переосмыслений является сходство формы и отчасти сходство локализации.

Переосмысление передней, ведущей детали оружия как части тела человека или животного формирует целую серию «стёртых», имплицитных метафор: *tête de fusée* ('головка взрывателя'), *tête chapelet* ('многоблочная головная часть ракеты'), *tête chercheuse* ('головка самонаведения'), *tête non-guidée* ('неуправляемая головная часть ракеты'), *tête d'obus* ('головная часть снаряда'), *tête de plage* ('плацдарм высадки морского десанта') и другие.

Рассмотрим ещё один пример: «*Le tir, exécuté sous des angles au niveau inférieur à 240 millièmes et à grande vitesse initiale, porte le nom de tir tendu*» [ТТА150 VII 2012, p. 9] ('Стрельба, осуществляемая под углами менее 240 тысячных и с большой начальной скоростью снаряда, носит название настильной стрельбы'). СЛЕВД *tir tendu* (досл. 'натянутая/напряжённая стрельба') актуализирует стрельбу по отлогой траектории. При обращении к

проприоцептивному ощущению прилагательное *tendu* позволяет репрезентировать характерный признак этого вида артиллерийской стрельбы – «натянутую» траекторию выстрела.

Следует отметить, что использование концепта-источника «Ощущения» для характеристики реалий военной сферы тоже может рассматриваться как явление, достаточно характерное для институционального военного дискурса. Например: *équilibre stratégique* (досл. ‘стратегическое равновесие’ – ‘стратегическая стабильность’), *profondeur de l’objectif* (досл. ‘глубина цели’ – ‘глубина цели’).

Следующий пример также может служить иллюстрацией функционирования метафоры и особенностей отражения признаков, выявляемых при помощи метафоры: «*Leur prochaine mission majeure sera la couverture sol-air de la campagne de tir «Neptune Thunder» les 13 et 14 mars 2011 à Naqoura*» [Arti№16 2011, p. 25] (‘Их следующей крупной боевой задачей будет обеспечение противовоздушного прикрытия артиллерийских учений «Гром Нептуна», которые пройдут 13 и 14 марта 2011 года на мысе Эн-Накура’). Лексема *couverture* (прикрытие), входящая в состав СЛЕВД *couverture sol-air* (досл. ‘прикрытие земля-воздух’), имеет первичное предметное значение ‘*pièce de toile, etc, <...> pour recouvrir*’, а первичное абстрактное – ‘*ce qui sert à couvrir, à protéger*’ [DRMP, 2016]. Метафора отражает только наиболее релевантные признаки, а другие коннотации нивелируются. В данном переносном, основанном на метафоре значении главной является сема «*protection*» (‘защита’) и она остаётся доминирующей для целой серии сходных метафорических номинаций. Например: *couverture éloignée* (досл. ‘удалённое прикрытие’ – ‘прикрытие на дальних подступах’), *couverture terrestre* (досл. ‘земное прикрытие’ – ‘прикрытие сухопутными войсками’), *couverture de feu* (досл. ‘огненное прикрытие’ – ‘огневое прикрытие’) и другие.

Метафорические единицы могут быть представлены отглагольными существительными, глаголами, а также глагольными словосочетаниями. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что профессиональная деятельность военнослужащих предполагает большую активность. Например: «*Cependant, l'intérêt de coiffer d'emblée l'objectif conduit à procéder, a priori, aux corrections jugées nécessaires, conformément aux indications ci-après <...>*» [ГТА150 VII 2012, р. 26] ('Однако потребность накрытия цели с первого раза обычно приводит к внесению необходимых поправок согласно нижеследующим инструкциям <...>'). СЛЕВД *coiffer l'objectif* (досл. 'причёсывать цель' / 'покрывать голову цели') содержит лексическую единицу *coiffer*, которая имеет несколько значений. Можно предполагать, что в военном вокабуляре доминирующей выступает сема «*couvrir la tête de qch*» ('покрывать голову чем-либо'). При этом сама цель имплицитно переосмысливается как голова или как некий объект, на который можно что-либо надеть.

Богатый и разнообразный образный потенциал метафоры позволяет ей расширять смысловую составляющую вербализатора, что также даёт ей возможность облегчать понимание сложных объектов или явлений. В этом состоит когнитивная функция метафоры, которая способствует не только познанию и пониманию реалий военной сферы, но и экономии речи. Например: «*Le marteau frappe le talon du percuteur. Celui-ci comprime le ressort de rebondissement, fait saillie dans la cuvette de tir et percute l'amorce*» ('Курок ударяет по пятке ударника. Она сжимает возвратную пружину ударника, ударник выдвигается вперёд в чашечку затвора и пробивает капсюль патрона') [ГТА150 XV 2008, р. 25]. В приведенном примере описано действие ударного механизма индивидуального огнестрельного оружия. СЛЕВД *marteau* (досл. 'молоток') актуализирует курок – деталь, предназначенную для разбивания капсюля. Метафора основана на сходстве функции военной детали и предмета, необходимого для домашнего быта. Следует заметить, что СЛЕВД *marteau*

имеет синоним *chien* (досл. ‘собака’). По нашему мнению, это зооморфное переосмысление может восходить к периоду оружия с кремнёвым замком, поскольку курок такого замка отдалённо напоминал собаку, сжимающую кремень между своими челюстями (губками курка). СЛЕВД *talon du percuteur* (досл. ‘пятка ударника’) репрезентирует заднюю часть ударника, которая является его основанием (по отношению к заострённому бойку). Данное переосмысление связано с пространственным взаиморасположением частей ударника. СЛЕВД *amorçe* (досл. ‘наживка/приманка для рыб’) вербализует устройство для воспламенения порохового заряда. Прототипическим признаком служит отдалённое функциональное сходство с приманкой, которая заставляет рыбу клевать (*fait mordre le poisson*), а порох воспламеняться. Интересно отметить, что в некоторых современных словарях значение ‘капсюль’ уже указывается первым [DLMP p. 48], что может служить наглядной иллюстрацией лексикализации данной метафоры.

Рассмотрим ещё пример: «*Au cours du tir, la rafale se déporte en général vers la gauche et vers le haut*» [ТТА150 VII 2012, p. 122] (‘Во время стрельбы очередь обычно отклоняется влево и вверх’). СЛЕВД *rafale* (досл. ‘шквал/порыв ветра’) вербализует скоростной тип стрельбы (‘стрельба очередями’, ‘серия выстрелов’). Обращение к метафоре позволяет сообщить основную особенность данного вида стрельбы, не прибегая к дополнительным лексическим средствам, и тем самым сделать речь более экономной.

Ввиду того, что познание невозможно без понимания и адекватной интерпретации реалий, мы не считаем целесообразным отдельно выделять герменевтическую функцию метафоры. По нашему мнению, она является имманентной составляющей когнитивной функции, которая способствует реализации всех процессов когниции: восприятия, категоризации и мышления. С другой стороны, благодаря своей образности метафорические репрезентации позволяют лучше понять и запомнить актуализируемые реалии. По данной причине мы можем говорить о наличии у метафоры

дидактической функции. Кроме того, когнитивная функция метафоры тесно переплетена с номинативной, а также эффективно способствует реализации функции экономии речи.

В этом контексте небезынтересно рассмотреть аббревиатуры, омонимичные лексическим единицам, функционирующим в гражданских сферах социальной жизни. Например, аббревиатура *MILAN* (*Missile d'infanterie léger antichar*), обозначающая переносный противотанковый ракетный комплекс, омонимична названию такой хищной птицы, как коршун.

Наименование французской 155-миллиметровой самоходной артиллерийской установки на колёсном шасси – *CAESAR* (от *Camion équipé d'un système d'artillerie*) – совпадает с титулом правителей в Древнем Риме и частью имени известного политического деятеля. Аббревиация *SOCRATE* омонимична имени греческого философа и служит для актуализации системы телекоммуникационных сетей Вооружённых Сил Франции (*Système Opérationnel Constitué des Réseaux des Armées pour les Télécommunications*). Причём в ближайшем будущем данная система должна быть заменена более совершенным аналогом, обозначаемым аббревиатурой *DESCARTES* (*Déploiement des Services de Communication et Architecture des Réseaux de Télécommunication Sécurisés*), которая совпадает с именем французского учёного и философа Рене Декарта.

Название современной трёхкоординатной радиолокационной станции *MARTHA* (*Système de maillage des radars tactiques pour la lutte contre les hélicoptères et les aéronefs à voilure fixe*) омонимично женскому имени. Наименование радиолокационной станции контрбатареинной борьбы *Système Radar COBRA* (*Counter Battery Radar*) (досл. 'Кобра') омонимично названию ядовитой змеи, имеющей термолокаторы. Подобная фонетическая мимикрия не только способствует удобству произнесения и запоминания наименования, но и имеет в ряде случаев определённую метафорическую составляющую, которая позволяет спроецировать некоторые свойства сферы-источника на

объект военной реальности.

Метафорический перенос значения может иногда служить для присвоения официальных собственных имён различным вооружениям, военно-техническим средствам и даже военным операциям. Зачастую для этого привлекаются различные антропонимы и зоонимы [Позднякова 2014; Путова 2016; Соловьева 2016]. Например, «*Dans le nord de l'océan Indien, les forces navales sont engagées dans la lutte contre le terrorisme dans le cadre de l'opération Héraclès, volet maritime de l'opération interalliée Enduring Freedom*» [ГТА150 I 2012, р. 244] ('В северной части Индийского океана морские силы участвуют в борьбе с терроризмом в рамках операции Геракл, морской составляющей объединённой операции «Несокрушимая свобода»'). В период с 2001 года по 2006 год Франция осуществляла крупную воздушно-морскую операцию, направленную на поддержку американских военных соединений во время войны в Афганистане. Наименование операции, являющееся метафорой, генетически обуславливается связью двух концептов, таких как «Военная реалия» и «Геракл». Второй из них включает в себе представление о герое древнегреческих мифов, знаменитом своей силой и подвигами. В когнитивном аспекте прототип является концептом, обладающим выраженным культурно-историческим содержанием. В процессе метафорического переосмысления свойства прототипа проецируются на военную реалию.

Кодовые наименования военных операций (nicknames), которые предназначены для обнародования, играют важную роль в коммуникации между армией и обществом. По данной причине основным требованием для их формирования является требование нейтральности и политкорректности. Как показывают наблюдения, для этих целей традиционно привлекаются определённые слои лексики, такие как номинации объектов животного и растительного мира, различные топонимы, названия ветров, а также разнообразные мифологические мотивы, антропонимы и даже имена

литературных персонажей. При этом наименования, содержащие сему, связанную с агрессией, опасностью, убийством или разрушением, а также патриотическая лексика практически не используются.

Однако в ряде случаев кодовая номинация, содержащая элементы метафорических переосмыслений и особенно имеющая в качестве источника прецедентную лексику (чаще мифологического характера), способна приобретать дополнительные коннотативные и имплицитные смыслы, что может приводить к утрате нейтральности наименования. Так, например, военная интервенция в Республику Кот-д'Ивуар, длившаяся с 2002 года по 2015 год, получила название операции *Licorne* (досл. 'Единорог'). Несмотря на то, что, по утверждению военных, кодовый оним связан с названием одной из казарм, в которой было расквартировано подразделение, первым принявшее участие в операции, коннотативная связь со средневековой легендой о единороге, всегда побеждающем в бою слона, не осталась незамеченной носителями языка [Les échos.fr].

Кроме того, разнообразная метафорическая лексика используется также для формирования так называемых кодовых слов ('code words') в соответствии с классификацией Г. Симинского [Sieminski 1995, p. 8]. Кодовые слова обычно служат для наименования локальных военных операций, не подлежащих огласке и, как следствие, имеющих весьма ограниченную медийную репрезентацию. Сведения о них обычно присутствуют только в профессионально-ориентированных и мемуарных источниках. Например: «*L'opération Rapace Nest a pour objectif l'interpellation d'un trafiquant en vallée d'Afghanya dans le village de Kuyan*» [Bras 2015, p. 137] ('Операция Гнездо хищной птицы имеет целью задержание торговца в долине Афганья, в кишлаке Кюян'). В данном случае метафорический кодовый оним позволяет репрезентировать разыскиваемое лицо как хищную птицу, а место его нахождения как её гнездо.

Иногда в метафорической номинации военно-технических средств

может проявляться ритуальная функция метафоры, тесно связанная с первично-образным, архаическим мышлением, которое было свойственно первобытному человеку, мыслившему конкретно, ассоциативно и синкретично [Колесов 2002, с. 44]. В частности, К. Леви-Строс (C. Lévi-Strauss) рассматривает архаическое мышление преимущественно как мифологическое, но наряду с этим он полагает, что первобытный человек стремился к рациональному упорядочению представлений о мире и с этой целью широко использовал метафоры [Леви Строс 1994, с. 52].

Рассмотрим пример функционирования метафоры, в котором реализуется её ритуальная функция. Так, в названии производящей компанией «PGM Précision» известной французской крупнокалиберной снайперской винтовки *PGM Hécate II* (FR-12,7 – Fusil à Répétition de calibre 12,7 mm) фигурирует имя древнегреческой богини лунного света Гекаты. По нашему мнению, обращение к имени древней богини имеет как рационально-логический (функциональный), так и архаический (ритуальный) аспект. Функциональный аспект данного наименования связан с тем, что Геката является богиней всего таинственного, скрытого от глаз человека. Деятельность снайпера предполагает, что он часто должен быть также скрыт от внимания людей, что благодаря метафорическому переносу значения мотивирует связь названия снайперской винтовки с семой «тайный, скрытый». С другой стороны, согласно верованиям, Геката может приносить счастье и удачу в бою. По данной причине древнегреческий поэт Гесиод пишет в «Теогонии»: *«Если на мужегубительный бой снаряжаются люди, /Рядом становится с теми Геката, кому пожелает /Дать благосклонно победу и славою имя украсить»* [Эллинские поэты ... 1999, с. 38]. В этом, по нашему мнению, проявляется ритуальный аспект данной метафорической номинации.

В ряде случаев подобные онимы отличаются заметной семантической многослойностью, которая характерна для некоторых наименований в современном французском военном дискурсе. Иллюстрацией этого факта

может служить номинация нового наземного артиллерийского метеорадара *SEPHIRA*, который был принят на вооружение в 2015 году и должен заменить станцию *SIROCCO*. Отличительной особенностью метеорадара нового поколения является активное использование цифровых технологий, которые позволяют моделировать атмосферный профиль и значительно улучшают точность радиоразведки. СЛЕВД *SEPHIRA* является своеобразным дериватом от *Station d'élaboration de profil atmosphérique et de radiosondage pour l'artillerie*. Однако данное наименование оказывается омонимичным древнееврейскому корню «ספִּירָא» – «səfīrā» (досл. ‘число, исчислять’), а использование лексемы «Sephira» («Sefira») фиксируется в древних религиозно-мистических текстах для обозначения эманации божественного Разума [Universalium]. С другой стороны, СЛЕВД *SEPHIRA* демонстрирует некоторое сходство с лексемой *zéphire* (досл. ‘зефир’), которая служит для наименования тёплого западного ветра. По нашему мнению, семы «nombre» (‘число’) и «raison» (‘разум’) являются ведущими в данной репрезентации, рациональный аспект которой связан с переходом на сложные и математически точные цифровые технологии. Одновременно с этим станция *SEPHIRA* приходит на смену метеорадару *SIROCCO*, название которого омонимично жаркому средиземноморскому ветру. Кроме того, метеорадар *SEPHIRA* интегрирован в автоматизированную систему управления огнём *ATLAS* (досл. ‘Атлант’ – от *Automatisation des tirs et liaisons de l'artillerie sol-sol*). По данной причине ритуальная составляющая, возможно, отсылает к идее присутствия божественного, которое даёт дополнительную защиту и мудрость не только Атланту, но и самим артиллеристам.

Архаическому мировоззрению предков было присуще рассматривать имя как сакральный символ, который может наделить своего обладателя определёнными качествами, предопределить его судьбу и защитить от опасностей. Несмотря на истекшие столетия, сознание современного человека продолжает содержать архаические пласты, которые и являются основой для

дальнейших рационально-логичеcких переосмыслений. Это, в частности, касается СЛЕНД *ATLAS*, использующейся для аббревиатурного наименования упомянутой выше автоматизированной системы управления огнём (*ATLAS* или *ATLAS Canon*), которое восходит к имени древнегреческого титана Атланта, являющегося олицетворением силы и выносливости. Очевидно, что сема «force» («сила») выступает ведущей семой данного переосмысления, а метафорическая репрезентация носит как ритуальный, так и рационально-логический (функциональный) характер, отражающий боевую эффективность системы.

Другим примером манифестации архаического мышления может служить наименование зенитной управляемой ракеты «Астер» 15/30 класса «земля-воздух» (*missile Aster 15/30*). Вероятнее всего, её название связано не с цветком, а с именем легендарного греческого лучника Астера (Астериона). Он был известен своей меткостью и, по преданию, пронзил стрелой правый глаз Филиппа II Македонского во время осады Метоны в 354 году до нашей эры [Riginos 1994]. В настоящее время зенитные ракеты этого семейства состоят на вооружении нескольких стран Европейского Союза. В частности, ракеты типа *Aster 30* являются комплектующими зенитно-ракетного комплекса средней дальности «Мамба» (*Système Sol-Air Moyenne-Portée Terrestre – SAMP/T Mamba*). Основной семой в метафорической номинации «Астер» является сема «*précision*» («точность»). Наименование является проекцией качеств древнего воина на современное военно-техническое средство.

Внутрикорпоративная жизнь французского военнослужащего наполнена метафорами, которые могут иметь как вербальную, так и невербальную природу. Следующий пример может служить демонстрацией перехода невербальной метафорической репрезентации в вербальную с её фиксацией в формализованном вокабуляре: «*Son bataillon qui, en Kapisa, porte le nom de task force Chimera en référence de la chimère qui orne l'insigne du 8, n'a pas eu la tâche facile*» [Le Nen 2010, p. 38] («Перед его батальоном, который во

время пребывания в Каписе носит название бригада Химера из-за химеры, изображённой на полковом знаке 8-го парашютного полка морской пехоты, была поставлена нелёгкая задача <...>'). Принимая участие в международных операциях под командованием НАТО, французские подразделения обычно получают официальные англоязычные наименования, которые позволяют включать их в систему ранжирования объединённых вооружённых сил. При этом англоязычные онимы зачастую содержат референцию на свойственные французским подразделениям корпоративно-исторические реалии. В данном случае СЛЕВД *task force Chimera* (досл. 'force opérationnelle Chimère' – 'тактическая боевая группа Химера') представляет собой американизм, используемый для номинации межвидового соединения войск. В частности, основой для формирования *task force Chimera* послужил 8-й парашютный полк морской пехоты (8-е régiment de parachutistes d'infanterie de marine – 8e RPIMa). Полковой знак этого подразделения содержит изображение крылатого мифологического животного, интерпретируемого в настоящее время как химера. Таким образом, можно наблюдать переход невербального символа с выраженной прецедентностью в формализованное наименование временно созданного военного подразделения.

История происхождения данной эмблемы также может служить наглядной иллюстрацией ритуальной функции метафоры. По мнению военных историков [Lang 2013], происхождение эмблемы 8e RPIMa полка восходит ко времени Первой полубригады колониальных командос парашютистов (1^{ière} Demi Brigade de Commandos Coloniaux Parachutistes), которым в качестве полкового знака был присвоен голубой крылатый дракон, заимствованный из вьетнамской мифологии во время присутствия Франции в Индокитае. Он представляет собой метафорическую репрезентацию силы и агрессии, а крылья и голубой цвет подчёркивают тот факт, что парашютисты падают с небес.

Однако в 1949 году святым покровителем французских воздушно-десантных войск был признан Архангел Михаил, являющийся, как известно, архистратигом в войне против тёмных сил, олицетворением которых в христианской традиции выступает дракон. В то время подразделением командовал полковник, а впоследствии – известный французский генерал Жан Жиль (Jean Gilles). С целью устранить противоречие и избежать возникших негативных ассоциаций и возможных фатальных последствий он принял решение изменить название полкового знака, но оставить прежней его графическую репрезентацию. Вначале дракон получил метафорическое юмористическое прозвище Кролика, принадлежащего полковнику Жилю (*Lapin à Gilles*). Прозвище является результатом игры слов, восходящей к названию известного парижского кабаре «*Lapin agile*» («Проворный кролик»), в котором десантники часто проводили свободное время. При этом название кабаре, в свою очередь, может быть также каламбурно интерпретировано как *Lapin à Gill* (Кролик, принадлежащий художнику Андре Жилю). Речь идёт об авторе вывески кабаре, на которой изображается кролик, выпрыгивающий из кастрюли. Однако в дальнейшем номинация *Lapin à Gilles* была метафорически переосмыслена как *Chimère*. Не претерпев фактических изменений в своём графическом образе, но переименованный в *Lapin à Gilles*, крылатый дракон стал восприниматься представителями данной социальной группы как некое химерическое существо. Это существо, несомненно, имеет вид и боевые свойства дракона, но одновременно оно имеет сходство с животным на картине художника Жилия и является кроликом легендарного командира.

Данное переосмысление не противоречит религиозным представлениям западной культуры. Будучи агрессивными мифологическими существами, химеры способны, тем не менее, отпугивать тёмные силы, чем объясняется их присутствие в архитектурной декорации готических церквей. По нашему мнению, приведённый пример служит ещё одной яркой демонстрацией

наличия архаической составляющей в мировоззрении современных военнослужащих, а также важности субстандартных метафорических переосмыслений как в её актуализации, так и в категоризации реалий профессионального мира в целом. Он также показывает необходимость и важность диахронического подхода при исследовании метафорических переосмыслений.

Другим архаическим наследием можно считать институциональную (официальную) и неинституциональную (неофициальную) ритуализацию военной жизни, которая содержит в себе как некоторую магическую, так и юридическую составляющую. Ритуализация так же, как и военный социолект (*argot militaire*), играет важную объединяющую и дифференцирующую роль, выделяя посвящённых в отдельную группу и обособляя их от остальной части социума.

Во Французской Республике отсутствует традиция военной присяги на верность оружию Франции (*serment d'allégeance aux armes*), хотя необходимость её введения периодически обсуждается. Ритуалы посвящения в офицеры обычно реализуются в рамках отдельных структурных подразделений, таких как сухопутные войска, жандармерия, военно-морские силы. В качестве примеров институциональных ритуалов в Вооружённых Силах Франции можно назвать церемонию вручения сабли и казоара курсантам Военной академии Сен-Сир Коэткидан (*cérémonie de remise des sabres et casoars aux élèves officiers de Saint-Cyr Coëtquidan*), церемонию выпуска прошедших обучение в жандармерии («*cérémonie de la promotion d'aspirants de gendarmerie*»), церемонию вручения сабли и шпаги офицерам, выпускающимся из Высшего военно-морского училища («*cérémonie de remise de sabres et épées*»). Так, например, в Высшей военной академии Сен-Сир Коэткидан (*Écoles de Saint-Cyr Coëtquidan*), в состав которой в настоящее время входит Специальная военная школа Сен-Сир (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*), в ноябре ежегодно проходит ритуальная ночная церемония

посвящения курсантов – «*remise des sabres et des casoars*», которая неофициально репрезентируется как *baptême* (досл. ‘крещение’). Она адресована молодым курсантам, успешно прошедшим конкурс первого года обучения. В зависимости от принадлежности к тому или иному подразделению одним надевают знаменитый офицерский головной убор казоар (‘*casoar*’), а другим торжественно вручается офицерская сабля, причём церемониальный протокол вручения сабли берёт своё начало в средневековой традиции посвящения в рыцари.

В ряде случаев формализованные СЛЕВД, образованные путём метафорического переноса, могут выполнять камуфлирующую (мелиоративную) и обобщающую функцию. В современном институциональном французском военном дискурсе реализация этих функций обычно способствует более выгодной репрезентации какой-либо реалии военной сферы. Наиболее часто она обусловлена существованием в обществе определённых социальных запретов или требованиями политкорректности. Как замечает социолог Эрик Летонтюрье (Eric Letonturier), «<...> *tuer* représente un sujet tabou même chez les militaires, donc on recherche des euphémismes stylistiques» [Les échos.fr]. Например: «*Neutraliser ou détruire l'ennemi par le feu sur les approches de la position*» [ТТА 980 2005, р. 60] (‘Обезвредить или уничтожить противника огнём на подступах к позиции’). СЛЕВД *neutraliser* (досл. ‘нейтрализовать’) выступает в качестве эвфемизма и способствует экономии речи. СЛЕВД *feu* (досл. ‘огонь’) имеет собирательный характер и метафорически вербализует боевую стрельбу без уточнения её конкретной принадлежности к тому или иному виду оружия. Обращение к лексической единице *détruire* (досл. ‘разрушать’, ‘уничтожать’) для вербализации боевой задачи позволяет переосмыслить противника как предмет. Вся совокупность использованных приёмов позволяет представить данные военные действия более нейтрально и несколько абстрактно. Причём обращение к эвфемизмам и генерализация понятий носят рациональный и

социально-мотивированный характер.

Однако, несмотря на выраженную нейтральность институционального дискурса и формализованной лексики, некоторые метафорические переосмысления могут сохранять эмоционально-оценочные коннотации. Например: *nettoyage* (досл. ‘уборка’ – ‘очистка местности от противника’), *dépollution* (досл. ‘очистка’ – ‘очистка местности от мин’), *mordre sur une position* (досл. ‘вгрызться в позицию’ – ‘вклиниваться в оборону’), *balayer l'ennemi* (досл. ‘выметать противника’ – ‘выбить противника’).

Итак, совокупность всех вышеперечисленных функций обеспечивает реализацию прежде всего коммуникативной функции, которая способствует активному обмену информацией в пределах военной сферы. При этом метафорическая репрезентация может предопределять восприятие той или иной вербализуемой реалии. Кроме того, метафора реализует когнитивную функцию, способствуя упорядочиванию знаний о профессиональном мире в соответствии с представлениями и ментальными особенностями, свойственными носителям языка.

2.4. Функционирование метафоры в современном неинституциональном французском военном дискурсе

Лексический фонд субстандартного вокабуляра используется преимущественно в неинституциональном военном дискурсе, но его единицы также могут присутствовать в полуофициальной переписке, специализированных публикациях, в мемуарных источниках и даже в некоторых обучающих материалах. Как показывает анализ практического материала в современном неинституциональном французском военном дискурсе, метафорические СЛЕВД так же, как и в институциональном дискурсе, активно реализуют номинативную, когнитивную, коммуникативную, дидактическую функцию и функцию экономии речи. При этом достаточно часто они выступают в качестве дублетов для обозначения

реалий, уже имеющих формализованную вербализацию. Выполняя номинативную функцию, субстандартная метафорическая номинация реалий военной сферы непосредственно либо через коннотативную составляющую тесно связана с семиозисом. Например: «<... > *J'entends les échanges de coups de feu entre les talibans et les chasseurs de la compagnie "boule de feu" qui n'a jamais aussi bien porté son surnom*» [Le Nen 2010, с. 68] («<...> Я слышу перестрелку между талибами и егерями из роты «шаровая молния», которая как никогда соответствует своему прозвищу»). В данном случае прозвище *boule de feu* (досл. 'огненный шар') представляет собой альтернативное наименование одной из боевых рот 27-го Горно-егерного батальона (27-е *bataillon de chasseurs alpins*). Метафорическое переосмысление позволяет ассоциировать огневую активность подразделения с природным явлением. Кроме того, эта номинация содержит коннотацию, связанную с военной сферой, так как в формализованном вокабуляре СЛЕВД *boule de feu* может обозначать огненный шар после ядерного взрыва, а в субстандартном вокабуляре она актуализирует заградительный огонь ('*tir de barrage*'). Метафорическая репрезентация не только способствует проявлению военного этоса, но и, приобретая статус символа, активно типологизирует референт. По данной причине мы разделяем мнение А. Сабера (A. Saber), который полагает, что в военной среде метафора, являясь способом формирования символов, служит предпочтительным лексическим средством, позволяющим категоризировать реальность [Saber 2005, p. 190].

С другой стороны, субстандартные метафорические переосмысления могут называть военные реалии, которые не имеют аналогов в формализованном вокабуляре. Например: «*J'avais alors à l'esprit l'image d'un de nos caporal-chef, le caporal-chef Salua, dix-sept ans de service. <...> L'homme arborant sur la poitrine un placard à faire pâlir de jalousie un état-major <...>*» [Douady 2012, p. 129-130] ('Я всегда представлял себе нашего старшего капрала Салюа, имевшего семнадцать лет выслуги <...> «Иконостас» этого

солдата способен заставить бледнеть от зависти штабных офицеров <...>')
Субстандартная СЛЕВД *placard* (досл. 'стенной шкаф') употребляется преимущественно по отношению к пожилым военнослужащим, обозначает большое количество носимых на груди наград, носит окказиональный характер и не имеет аналога в формализованном лексическом корпусе.

Иногда субстандартные метафорические переосмысления имеют вид адвербиальных конструкций. Например: «*Les 19 hommes de notre section avaient achevé leur vol d'un peu plus d'une heure en début de matinée, abordant Abidjan par la côte que leur hélicoptère avait survolé en rase-mottes tout en effectuant des manœuvres d'esquive <...>*» [Douady 2012, p. 99] ('19 солдат нашего взвода завершили рано утром свой перелёт, который длился чуть более часа. Заходя в Абиджан со стороны моря, их вертолёт прошёл над берегом на бреющем полёте, постоянно осуществляя манёвры уклонения <...>'). В данном случае СЛЕВД *en rase-mottes* имеет значение «*à très basse altitude*». Интересно отметить, что, с точки зрения автора, проходившего службу в морской пехоте, а не в лётных подразделениях, выражение «*en rase-mottes*» не является устаревшим, тогда как военнослужащие лётного состава для репрезентации бреющего полёта ('*vol rasant*') предпочитают в настоящее время использование другого субстандартного синонима *en radada*, происшедшего от выражения «*au ras du sol*» [Cassagne 2007, p. 363].

Как уже отмечалось, метафора может обладать выраженным объяснительным потенциалом, который способствует реализации дидактической функции. Рассмотрим реализацию данной функции на примере уже отмеченной выше СЛЕВД *boule de feu*, который позволяет одновременно продемонстрировать широту функционального диапазона, свойственного метафоре в неинституциональном французском военном дискурсе. Так, в специализированном периодическом издании «*Terre Information Magazine*» можно прочитать: «*Nous voulons que le tir de barrage, vulgairement appelé boule de feu, fasse partie du fond de sac de tous les combattants, qu'il devienne un acte*

réflexe <...>» [ТИМ № 204 2009, р. 39] («Мы хотим, чтобы заградительный огонь, просторечно именуемый шаровой молнией, составлял базовый навык, чтобы он закрепился на рефлекторном уровне у всех бойцов <...>»). С целью уточнения и разъяснения разновидности тактического приёма наряду с формализованной СЛЕВД *tir de barrage* используется её субстандартный аналог *boule de feu* (досл. ‘огненный шар’).

Интересно отметить, что неинституциональный военный дискурс чаще всего реализуется в рамках внутрикорпоративного общения профессионалов, имеющих сопоставимый иерархический статус. Однако, поскольку между институциональным и неинституциональным типами военного дискурса не существует чётко обозначенных границ, субстандартные СЛЕВД могут также присутствовать в полуофициальной документации, радиопереговорах и даже в различных специализированных публикациях. Они встречаются и в нормативно-обучающих документах. Рассмотрим пример: «*Présenter l’arme en montrant la chambre tout en respectant les 4 règles élémentaires de sécurité et dire “arme claire”, puis donner l’arme, poignée en direction du receveur. Celui-ci annonce “arme claire” et prend l’arme*» [ТТА150 VII 2012, р. 60]. (‘Протянуть оружие, показывая патронник, строго соблюдая четыре основных правила безопасности и сказать: ‘оружие чистое’, затем отдать оружие рукояткой к получателю, который произносит ‘оружие чистое’ и берёт оружие’). В приведённом фрагменте субстандартная СЛЕВД *clair* (досл. ‘светлый, прозрачный, чистый, ясный’) используется для обозначения незаряженного оружия (*arme non chargée*). Благодаря своей знаковости и когнитивной составляющей метафоризированная СЛЕВД *clair* позволяет сэкономить речь и передать максимум информации, обеспечивая эффективную коммуникацию и реализуя наряду с этим свою дидактическую функцию.

Как и в современном институциональном дискурсе, когнитивная функция метафоры в современном неинституциональном дискурсе не только связана с номинативной, но и способствует реализации функции экономии

речи, которая позволяет обеспечить эффективную коммуникацию в полевых условиях. Например: «*Il y avait écrit: "Mission pour nous: débusquer les talibans de la vallée de Bedraou et de la région. <...>"*» [Douady 2012, p. 180] («Там было написано: «Задача для нас: выбить талибов с их позиций в долине Бедрау и прилегающей территории <...>»). Использование СЛЕВД *débusquer* (досл. «выгонять зверя из логовища») носит логически мотивированный эмоционально-оценочный характер при имплицитном переосмыслении противника как зверя, на которого ведётся охота. Семантическая ёмкость метафорического образа позволяет сэкономить речь при описании боевой задачи. Интересно отметить, что в начале XX века СЛЕВД *débusquer* имела значение «*chasser qqn d'un poste avantageux*» («выбить кого-либо с удобной позиции»). Например, «*débusquer l'ennemi d'un village*» («выбить противника из деревни») [DTMAP 1916, p. 91].

Как и формализованные, субстандартные метафорические номинации выполняют камуфлирующую (мелиоративную) функцию, которая, по нашим наблюдениям, реализуется значительно реже в современном неинституциональном дискурсе. Причем субстандартные метафорические номинации также могут носить рациональный (социально-мотивированный) характер и являться актуализацией архаического мышления. Например: «*— Homme en arme, en mesure de traiter, mais l'autorisation nous fut refusée par radio*» [Douady 2012, p. 188] («—Человек вооружён, в состоянии обработать, но по радиосвязи нам разрешения дано не было»). Обращение к глаголу *traiter* (досл. «обрабатывать; лечить») вместо *tirer* («стрелять») имеет рациональный характер, оно позволяет переосмыслить противника прежде всего как некоторую неодушевлённую абстракцию и избежать прямой номинации своих действий.

Однако в ряде случаев метафорические номинации, функционирующие в неинституциональном дискурсе, могут служить для актуализации табуированных военных реалий, что связано с религиозными или суеверными

представлениями социума, имеющими иррациональную, архаическую природу. Так, например, СЛЕВД *avion* (досл. ‘самолёт’) категорически запрещена к употреблению, особенно в Высшей лётной школе (École de l’Air) [Cassagne 2007, p. 31]. В данной связи вместо неё используются разнообразные камуфлирующие синонимы, такие как *piège* (досл. ‘западня’, особенно по отношению к аварийному самолёту), *taxi* (досл. ‘такси’), *bête* (досл. ‘зверь’) и другие. Как показывают наблюдения, похожая практика может распространяться и на другие летательные средства. Например: «*Sans tenir compte des instructions de l'état-major, les pilotes du Caracal posèrent leur bête à une cinquantaine mètres à l'ouest de ce qu'il restait du Tigre*» [Douady 2012, p. 250] (‘Вопреки предписаниям штаба пилоты “Каракала” посадили своего зверя примерно в пятидесяти метрах к западу от того, что оставалось от “Тигра”). Использование метафоры позволяет не только избежать по примеру лётчиков табуированного слова, но и с учётом названия вертолёта привнести некоторый каламбурный элемент.

В целом неуставные взаимоотношения могут рассматриваться как проявление примитивных социальных традиций, отчасти направленных на интеграцию новичка в коллективную жизнь и его подчинение неуставной иерархии. Для их номинации также используются метафоры. Так, например, СЛЕВД *sabordage de la Flotte* актуализирует неуставной ритуал Высшего военно-морского училища (École navale), который этимологически связан с фактом потопления французского флота на рейде Тулона 27 ноября 1942 года. Ритуал осуществляется 27 ноября и состоит в том, что ночью курсанты второго года обучения заставляют первокурсников «*s'auto-virer*», то есть выпасть из кроватей вместе с постельными принадлежностями [Cassagne 2007, p. 209].

Субстандартная СЛЕВД *omlette* или *omlette de sac* (досл. ‘омлет’ или ‘омлет из мешка’) обозначает другое ранее популярное издевательское испытание, которое состояло в приведении содержимого ранца или предметов обмундирования новичка в полный беспорядок [Cassagne 2007, p. 306]. В

целом наш материал свидетельствует о том, что в современном неинституциональном военном дискурсе камуфлирующая (мелиоративная) функция метафоры достаточно рудиментарно проявляется при вербализации подобных традиций и реалий.

В отличие от институционального дискурса, в котором метафорическая репрезентация реалий носит, как правило, нейтральный характер, метафорические СЛЕВД, функционирующие в неинституциональном дискурсе, часто реализуют эмоционально-оценочную функцию. Наличие выраженного экспрессивно-оценочного компонента позволяет передать отношение говорящего к репрезентируемому явлению. Например: «*Le problème venait du fait que les hommes de l'ANA avaient la fâcheuse manie de répliquer à 360 degrés et d'arroser tout autour d'eux sans vraiment viser les dépôts de coups ennemis*» [Douady 2012, p. 212] ('Проблема происходила от того факта, что солдаты афганской национальной армии имели досадную странность отвечать огнём на 360 градусов и обстреливать всё вокруг себя, не целясь избирательно в исходящие выстрелы противника'). СЛЕВД *arroser* (досл. 'орошать') имеет значение 'bombarder или bombarder méthodiquement' ('обстреливать/производить бомбардировку' или 'плановмерно обстреливать/производить плановмерную бомбардировку'). Использование метафоры экономит речь и привносит дополнительную эмоционально-оценочную составляющую.

Кроме того, в неинституциональном дискурсе одновременно с номинативной проявляется практически несвойственная метафорическим номинациям институционального дискурса людическая функция. По нашему мнению, она является непосредственным продолжением постоянно присутствующего в военной среде комического начала. Игровое поведение имеет архаичную природу и присуще не только человеку, но и животным. Как отмечал известный культуролог Йохан Хёйзинга (Johan Huizinga), «игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни

определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть» [Хейзинга 1997, с. 9-10]. Наряду с этим юмор является эффективным механизмом психологической защиты [Abel 2002], поэтому реализация людической функции способствует облегчённому восприятию реальности и лучшей психологической адаптации военнослужащих. Кроме того, она может также являться отражением военного этоса.

Людическая функции метафоры может ярко реализоваться при использовании различных метафорических прозвищ военных реалий или самих военнослужащих. Например: «*Des mouvements d'insurgés sont détectés un peu partout dans la vallée et en particulier sur la montagne située au nord de la vallée que nous avons baptisée "le château fort"*» [Le Nen 2010, p. 68] ('Перемещения повстанцев зафиксированы почти по всей долине и особенно на горе, расположенной на севере долины, которую мы прозвали "укреплённый замок"). В данном случае окказиональное наименование *château fort* (досл. 'укреплённый замок') метафорически репрезентирует гору с наличием большого количества укреплённых точек противника. Несколько насмешливо-игровой характер репрезентации способствует лучшей психологической адаптации к не очень приятному факту реальности, поскольку в задачи подразделения входило взятие этого укреплённого района.

В отличие от институционального военного дискурса в неинституциональном дискурсе отмечается реализация конспиративной функции метафоры, которая, однако, носит достаточно ограниченный характер. Как показывают наблюдения, она может манифестироваться в тех ситуациях, в которых требуется соблюдение секретности. Это касается, например, радиообмена и других видов коммуникации в условиях боевых действий. Данные номинации носят зачастую окказиональный характер. Одним из примеров могут служить присваиваемые военнослужащим неформальные позывные: «*Engagé successivement en Afghanistan et en Libye où*

*mon indicatif opérationnel était «Attila» <...>» [Erbland 2013, p. 5] ('Будучи задействованным в боевых действиях сначала в Афганистане, а затем в Ливии, где я имел оперативный позывной Аттила <...>'). Оперативный позывной *Аттила* представлен метафорической номинацией, позволяющей ассоциировать с воинственным правителем гуннов командира лётного подразделения. Метафора обладает весьма эксплицитной коннотацией и основана на сходстве функций исторического персонажа и современного лётчика. Причём прецедентный характер этого переосмысления привносит выраженный коннотативный компонент, обеспечивающий специфическую категоризацию референта.*

Итак, выявленные функции метафоры можно разделить на три основные группы: функции, способствующие актуализации когнитивно-прагматических потребностей представителей военного социума; функции, способствующие актуализации индивидуальных культурно-психологических потребностей, а также адаптации личности к стрессовым ситуациям; функции, способствующие актуализации мировоззрения представителей военного социума.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Результаты анализа практического материала позволяют сделать следующие выводы:

1) «Наивная» (обыденная) репрезентация реальности служит доминирующим способом познания военной сферы. В полной мере он реализуется в антропоцентрической метафоре, которая оказывается продуктивной моделью метафорической номинации в институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе. Однако в отличие от субстандартного вокабуляра в формализованном вокабуляре концепт «Военнослужащий» практически не подвергается метафорической

репрезентации. Исключения составляют случаи актуализации служебной иерархии и отношения к структурным подразделениям;

2) Обращение к сфере-источнику «Реалии быта и привычного мира» является наиболее типичным примером подобной репрезентации объектов окружающей действительности. В институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе сфера-источник «Реалии быта и привычного мира» служит семантическим ядром источников метафорической номинации. При этом фактор формализации лексики не оказывает существенного влияния на её продуктивность и разнообразие актуализируемых концептов-мишеней;

3) Сфера-источник «Фауна» оказывается наиболее частотной в качестве инструмента неантропоцентрической метафорической номинации как в институциональном, так и в неинституциональном французском военном дискурсе. Данный факт может обуславливаться тем, что именно мир животных являлся и является необходимым для физического выживания человека. Анализ продуктивности метафорической номинации позволяет рассматривать сферу-источник «Фауна» как семантическую периферию областей-источников в формализованном вокабуляре и приядерную область в субстандартном;

4) Формализация вокабуляра способствует уменьшению продуктивности неантропоцентрической метафоры в процессе метафорической номинации. Наибольшему влиянию фактора формализации языка подвержены метафорические модели, связанные с универсальными концептами «Фауна» и «Растения», отражающими первичный опыт познания человеком окружающего мира;

5) Формализация лексики может также повышать продуктивность некоторых метафорических моделей, прежде всего тех, которые связаны с универсальными концептами, отражающими первичный опыт познания человеком самого себя. Подобные модели раскрывают его индивидуальное

мировоззрение. К ним могут быть отнесены метафорические переосмысления, реализующиеся путём персонификации (концепт «Одушевлённое существо») и обращения к концепту «Ощущения». С учётом продуктивности переосмыслений сферы-источники «Одушевлённое существо» и «Ощущения» составляют приядерную зону метафорической номинации в формализованном вокабуляре и периферийную в субстандартном;

6) Субстандартный вокабуляр французского военного дискурса отличается не только эмоциональной экспрессивностью, но и способностью более тонко, в отличие от формализованного вокабуляра, отражать особенности ментальности и мышления, свойственные исследуемой социальной группе носителей языка. При этом субстандартные метафорические СЛЕВД чаще всего выступают в качестве альтернативной номинации реалий, уже имеющих аналоги в формализованном вокабуляре;

7) Антропоцентрическая метафора, как и неантропоцентрическая, обеспечивает категоризацию, структурирование и понятийный базис для определённого корпуса лексики французского военного дискурса;

8) Реализация трёх выявленных в ходе исследования функциональных групп метафор различается в институциональном и неинституциональном типах современного французского военного дискурса. Актуализируя сложные для понимания и психологического восприятия реалии военной сферы сквозь призму более знакомых и простых реалий, метафора служит надёжным средством, упрощающим процесс познания и коммуникации. Следовательно, функции, способствующие актуализации когнитивно-прагматических потребностей военного социума (первая группа функций), достаточно стабильно реализуются как в институциональном, так и в неинституциональном дискурсе. Проявление функций метафоры, способствующих актуализации индивидуальных культурно-психологических потребностей и реализации адаптивных механизмов личности (вторая группа функций), минимальны в институциональном французском военном

дискурсе. Реализация функций, способствующих актуализации мировоззрения (третья группа функций), носит контекстуальный характер в институциональном дискурсе и во многом обусловлена социально-мотивированными запретами, имеющими рационально-логическую природу;

9) К первой группе функций метафоры могут быть отнесены номинативная, когнитивная, коммуникативная, дидактическая, конспиративная, а также функция экономии речи. Вторую группу составляют эмоционально-оценочная и людическая функции. К третьей группе принадлежат камуфлирующая (мелиоративная), обобщающая и ритуальная функции метафоры.

10) Все вышеперечисленные функции метафоры способствуют тому, чтобы в институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе наиболее полно реализовывались потребности профессионального общения. Данные функции позволяют рассматривать метафору как необходимый компонент профессиональной речи, который не только служит для обозначения специфических реалий, но и способствует их категоризации.

ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАФОРЫ В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Метафорические номинации в субстандартном военном вокабуляре начала XX века

Эпоха, охватывающая конец XIX века – начало XX века, знаменуется рядом масштабных социально-экономических потрясений, среди которых центральное место занимает Первая мировая война. Её итогом стало не только изменение мирового порядка и гибель империй, но и значительная трансформация общественного и индивидуального мировоззрения, которая возникла в результате ломки прежних стереотипов сознания и поведения. Произошедшие изменения не могли не оказать влияния на состояние языка, в частности французского, и не найти в нём своего отражения. По данной причине нас интересуют в большей степени метафорические номинации во французском военном дискурсе начала XX века.

В своей работе мы рассматриваем диахроническое развитие метафоры только в неинституциональном французском военном дискурсе, ибо исследование эволюции субстандартной метафоры представляет собой большой научный интерес. Подобный интерес обуславливается тем, что лексический фонд неинституционального французского военного дискурса отличается большей подвижностью, чем словарный состав институционального военного дискурса, на что влияют стремительные изменения экстралингвистического характера. Прежде всего это касается сформировавшегося в 1914-1918 годы траншейного жаргона (*argot poilu*). Семантический объём и регулярность использования входящих в него лексических единиц могут варьироваться не только в зависимости от рода войск, но и в зависимости от принадлежности к конкретной воинской части.

В наших исследованиях мы рассматриваем метафоры как своеобразные исторические артефакты, позволяющие проследить эволюцию восприятия военной сферы, свойственного носителям языка в определённый исторический момент. По данной причине мы осуществляем комплексный когнитивный и диахронический анализ метафорической вербализации в её наиболее целостном аспекте без выделения экстралингвистических или языковых составляющих. Мы также пытаемся сфокусировать внимание на исследовании тех метафорических СЛЕВД, которые наиболее релевантно отражают текущее состояние метафорических номинаций и происходящие эволюционные изменения. В целях дифференциации СЛЕВД по принципу историзма мы руководствуемся содержанием вербализуемых реалий, присутствием СЛЕВД в лексикографических источниках начала XX века и в современных изданиях, пометами в лексикографических источниках, указывающими на принадлежность той или иной СЛЕВД к определённому историческому периоду.

Необходимо подчеркнуть, что использованная в нашем исследовании мемуарная литература обоих интересующих нас периодов (начало XX века и настоящее время) отличается высокой степенью аутентичности. Её авторами являются непосредственные участники боевых действий. В отношении этого Ф. Дешлетт (F. Déchlette) отмечает, что «les livres comme “le Feu”, d'Henri Barbussee, où foisonne l'argot, sont des documents plutôt que de véritables œuvres littéraires» [Déchlette 1918, p. 1].

Анализ исследуемой выборки субстандартных СЛЕВД (451 единица) выявил существенное преобладание среди них антропоцентрической метафоры. Эта метафора охватывает 341 лексическую единицу, что составляет около 75% объёма общей выборки. Приложение 3 иллюстрирует полученные нами статистические данные.

В начале XX века наиболее продуктивной является сфера-источник «Реалии быта и привычного мира», которая чаще всего ассоциируется с

концептом «Военная реальия». Например: *fourchette* (досл. ‘вилка’ – ‘штык’), *cigare* (досл. ‘сигара’ – ‘снаряд 75 мм’), *sac à charbon* (досл. ‘мешок с углём’ – ‘снаряд крупного калибра’). В целом общая продуктивность сферы-источника «Реалии быта и привычного мира» в структуре метафорической номинации достигает 39 %.

Частный концепт «Еда», который мы относим к концепту-источнику «Реалии быта и привычного мира», также может участвовать в метафорической репрезентации военных реалий. Например: *praliné* (досл. ‘пралине’ – ‘осколок снаряда’), *déguster* (досл. ‘дегустировать’ – ‘находиться под обстрелом’), *bonbon* (досл. ‘конфета’ – ‘авиабомба’), *décoction* (досл. ‘отвар’ – ‘шквал снарядов’).

В ряде случаев имеет место метафорическая актуализация концепта «Военная реальия» при помощи вербализатора, содержащего дополнительный метонимический сдвиг. Так, например, снаряд, испускающий при разрыве зеленоватый дым, переосмысливается как *pernod* (досл. ‘абсент Анис Перно’ (Anis Pernod) по фамилии производителя алкогольного напитка, поскольку цвет дыма был схож с цветом абсента данной марки. Неразорвавшийся снаряд получает номинацию *bergougnan* (досл. ‘бергуньян’ – ‘шина марки ‘Бергуньян’), так как продукция данного производителя из Клермон-Феррана отличалась особой прочностью.

В единичных случаях концепт-источник «Реалии быта и привычного мира» может также использоваться для актуализации военнослужащих: *tambouillé* (досл. ‘состряпанный’ – ‘разорванный снарядом’), *saindoux* (досл. ‘топлёное свиное сало’ – ‘капрал заведующий кухней’ (caporal d'ordinaire). Можно полагать, что последняя номинация не только ассоциируется с внешним видом военнослужащего, что даёт основание считать её метафорой, но и с его штатной должностью, что свидетельствует о признаках метонимии. Следовательно, номинация *saindoux* представляет собой интеграцию

признаков метафоры и метонимии, что позволяет квалифицировать её как метафтонимию.

Сфера-источник «Невоенные профессии и занятия» может быть связана как с концептом «Военная реальия», так и с концептом «Военнослужащий». Продуктивность этой сферы-источника составляет около 6%. В ряде случаев подобные переосмысления представлены метафорическими выражениями. Например: *faire sauter la banque* (досл. ‘сорвать банк’ – ‘взорвать дорогу при помощи мины’), *fantasie sur fil de fer* (досл. ‘фантазия на проволоке’ – ‘атака’, чаще ‘атака из траншеи’), *bouchers noirs* (досл. ‘чёрные мясники’ – ‘артиллеристы’). Последнее переосмысление связано не только со смертоносным действием артиллерии, но и с мундиром чёрного цвета у артиллеристов.

Концепт «Военная реальия» может актуализироваться путем персонификации. Общая продуктивность сферы-источника «Одушевлённое существо» составляет около 8%. Например: *nouveau-né* (досл. ‘новорожденный’ – ‘снаряд 155 мм или неразорвавшийся снаряд’), *asthmatique* или *fusil asthmatique* (досл. ‘астматик’ или ‘винтовка астматик’ – ‘автоматическая винтовка’). СЛЕВД *bébé* (досл. ‘ребёнок’) могла обозначать не только гаубичный снаряд, но и один из первых французских истребителей Ньюпор 11 («бебешка»).

Малопродуктивная (3%) сфера-источник «Тело человека» обычно актуализирует концепт «Военная реальия», когда речь идёт о части тела человека. Причём метафорические номинации могут быть представлены общенной лексикой, например: *couille à Joffre* (досл. ‘тестикула генерала Жоффра’ – ‘привязной сферический аэростат наблюдения’).

Самой известной в период Первой мировой войны метафорической актуализацией концепта «Военнослужащий», связанной с источником «Тело человека», является СЛЕВД *poilu* (досл. ‘волосатый’ – ‘солдат-фронтовик

Первой мировой войны'). Как отмечает О.В. Оришак, актуализация храброго человека при помощи лексемы *poilu* относится к 1899 году, но наиболее активное употребление оно получает в период Первой мировой войны [Оришак 2008]. Альбер Доза полагает, что «*poilu existe depuis un siècle au moins dans notre argot militaire*» [Dauzat 1918, p. 48], и, соответственно, относит происхождение этой лексической единицы к периоду наполеоновских войн. Обращает на себя внимание, что вербализатор *poilu* сочетает в себе метонимический и метафорический переносы значения, т.е. может быть отнесён к метафтонимии. Метонимический перенос обусловлен тем, что в условиях траншейной жизни в период Первой мировой войны солдаты не имели возможности оставаться всё время гладко выбритыми. Следовательно, щетина стала знаком, указывающим на солдата-фронтовика. С другой стороны, эта номинация метафорически ассоциируется со сходством военнослужащего с мужественным, сильным человеком, который чаще всего обладает волосатым телом.

Интересно отметить, что связь предметного концепта «Человек с густым волосатым покровом» и абстрактного «Мужественность» имеет давние исторические корни. Римляне, например, полагали, что «*vir pilosus aut fortis aut libidinosus*» ('волосатый мужчина либо силён, либо развратен') [Cassagne 2007, p. 345], Альбер Доза придерживается сходной позиции и утверждает, что «*le poilu, ce n'est pas l'homme à la barbe inculte, qui n'a pas le temps de se raser, – ce serait déjà pittoresque, – c'est beaucoup mieux: c'est l'homme qui a du poil au bon endroit, — pas dans la main! – symbole ancien de virilité*» [Dauzat 1918, p. 48]. Прибегая к аллюзии, известный французский лингвист, несомненно, подразумевает не только физиологический контекст, но и заставляет читателя вспомнить старинные арготические фразеологизмы *avoir du poil*, *avoir du poil au cœur*, *avoir du poil aux yeux*, *avoir du poil au cul*, которые имеют значение 'avoir du courage' ('иметь мужество'), тогда как выражение *avoir un poil dans la main* означает 'быть ленивым'. Следует отметить, что в старинном арго

лексическая единица *poil* ('волос') имела значение 'courage' ('мужество') [Delvau 1867, p. 382-383; Rat 2007, p. 315; DAFSO 2002, p. 639-640]. Очевидно, что арготическая этимология вербализатора привносит дополнительный грубоватый оттенок в актуализацию концепта «Военнослужащий». На наш взгляд, вербализатор *poilu* достаточно наглядно демонстрирует потенциал метафорической номинации для создания многогранного образа при минимальном (экономном) использовании лексических средств.

Конец XIX века-начало XX века – это период, который знаменуется бурным научно-техническим прогрессом. Технологическая революция оказывает значительное влияние на язык и концептуализацию человеком окружающего мира. Технические новшества и изобретения, становясь частью повседневной жизни, занимают одно из доминирующих мест в человеческом сознании. Таким образом, фиксируется субстандартная метафорическая вербализация реалий военной сферы путём обращения к сфере-источнику «Инженерно-технические объекты». Например: *paquebot* (досл. 'пакетбот' – 'карета скорой помощи'), *chemin de fer* (досл. 'железная дорога' – 'окантовка сверхсрочника' (*liseré de rengagé*)), *usine à gaz* (досл. 'газовый завод' – 'самолёт Бреге'). Можно полагать, что в данном случае подразумевается биплан Breguet 14, который, как и промышленные газовые резервуары, был практически полностью изготовлен из алюминия. Общая продуктивность этой сферы-источника составляет порядка 7%.

Кроме того, Первая мировая война способствует мощному развитию технологий и производству новых смертоносных вооружений. Затянувшееся, изматывающее военнслужащих противостояние, носящее преимущественно позиционный характер, трансформирует войну в повседневность: траншея становится домом, а военная реальность начинает восприниматься как бытовая. Отмечается феномен более активного привлечения в качестве источника метафоры инженерно-технических реалий, свойственных той эпохе. Однако метафорический перенос в этом случае распространяется на

единицы, принадлежащие к одному концепту – «Военная реальия». Например: *blockhaus* (досл. ‘блокгауз’ – ‘армейская каска’); *torpilleur (à roulettes)* (досл. ‘миноносец (на колёсиках)’ – ‘полевая кухня’); *cuisine-roulante* (досл. ‘полевая кухня’ – ‘модели аэроплана Фарман (Farman), имеющие выхлопную систему в верхней части конструкции’).

В связи с этим небезынтересно упомянуть работу Ж. Клебера (G. Kleiber), в которой автор анализирует проблему логической несовместимости как условие возникновения метафоры в зависимости от критерия родовидовой иерархии. Автор, в частности, задаётся вопросом: «est-il vrai qu'une métaphore ne peut s'établir qu'en cas d'incompatibilité située au-dessus d'un certain niveau?» [Kleiber 1994, p. 197]. В итоге исследователь приходит к выводу, что на этот вопрос стоит дать отрицательный ответ, поскольку уподобление «растения – это животные» имеет не больше шансов стать метафорой, чем «петунии – это ромашки» [Kleiber 1994, p. 204]. В целом наши наблюдения подтверждают данное суждение, а также свидетельствуют о том, что для возникновения метафоры предопределяющим фактором оказывается не столько выраженность иерархической родовидовой разнородности концептов, сколько контекстуальная ситуация и детализация знаний индивида о связываемых концептах, то есть его личный когнитивный опыт.

В отдельных случаях подобные СЛЕВД могут использоваться и для вербализации концепта «Военнослужащий», например: *embusqués de première ligne/embusqués du front* (досл. ‘засевшие в засаде от передовой’/‘засевшие в засаде от фронта’ – ‘военнослужащие, непосредственно не участвующие в боевых действиях’, например, служащие тыла, санитары, оркестранты, связисты).

В начале XX века сфера-источник «Религия, мифология, история» позволяет актуализировать субъекты и объекты военной сферы как воображаемую религиозную, историческую реалию или персонаж. Основным

концептом, связанным с данным источником, является концепт «Военная реалья». Общая продуктивность этой группы метафор составляет около 4%. Например: *cornes du diable* (досл. ‘рога дьявола’ – ‘антенны контактной морской мины’), *échafaud* (досл. ‘эшафот’ – ‘насыпь перед бруствером траншеи’), *monter à la ripée* (досл. ‘подняться на ‘да покоится в мире’ – ‘идти в атаку’). Последнее переосмысление связано с аббревиацией RIP («Requiescat in pace»), которая метонимически репрезентирует кладбище.

Концепт «Военнослужащий» тоже метафорически актуализировался, однако, нечасто. Например, метафорическая СЛЕВД *diable bleu* (досл. ‘синий дьявол’) обозначала альпийского стрелка или стрелка-пехотинца, а СЛЕВД *diable noir* (досл. ‘чёрный дьявол’) служила метафорическим наименованием африканского солдата.

Кроме того, в начале XX века появилась тенденция к использованию метафорических СЛЕВД, содержащих элемент фонетической мимикрии, например: *déesse* (досл. ‘богиня’). Номинация имеет своим происхождением аббревиатуру *DES* (от ‘*Direction des étapes et services*’), которая так же, как и метафора *déesse*, женского рода.

Поскольку на фронт призывались представители разных слоёв населения, в ряде случаев в метафорических номинациях начала XX века отмечалось присутствие элементов народного фольклора. Так, например, субстандартная СЛЕВД *affûter le dahu* обозначала ‘следить за перемещениями немцев, дежуря наблюдателем в траншее’. Как правило, подразумевалось дежурство, прошедшее без встречи с противником. В данном случае глагол *affûter* переосмысляется как *guêtter à l'affût*, поскольку *trou d'affût* обозначает ‘бойницу в траншее’. Лексическая единица *dahu*, номинирующая выдуманного животного из охотничьего фольклора, вербализует концепт «Противник». С другой стороны, данная метафорическая номинация содержит в себе элемент иронии, поскольку во французских департаментах Эндр и Шер (бывшее Герцогство Беррийское), а также в низовьях Луары выражение *faire*

affûter le dahu à qqn (досл. ‘организовать кому-то засаду на даю’/’заставить кого-то выслеживать даю’) обозначало традиционный охотничий розыгрыш, который устраивали старые охотники, пользуясь наивностью новичка и заставляя последнего ночь напролёт выжидать в засаде мифическое животное [Esnault 1919, p. 35].

Сфера-источник «Одежда и аксессуары» обычно позволяет актуализировать концепт «Военная реальия», когда речь идёт о какой-либо одежде или аксессуаре. Например: *mitre* (досл. ‘митра’ – ‘немецкий снаряд 210 мм’), *valise* (досл. ‘чемодан’ – ‘снаряд тяжёлой артиллерии’ или ‘воздушная торпеда’), *épingle à chapeau* (досл. ‘шляпная булавка’ – 1) ‘штык-нож’; 2) ‘винтовочная шомпольная граната’). Общая продуктивность этого источника номинации не превышает 3%.

Продуктивность концепта-источника «Ощущения» в неинституциональном французском военном дискурсе начала XX века составляет около 4%. Преобладает аудиосегмент, который отличается наибольшим разнообразием. Например: 1) кинестетическая модальность: *lourde* (досл. ‘тяжёлая’ – ‘тяжёлая артиллерия’), *adipeux* (досл. ‘жирный’ – ‘военный ветеринар’); 2) аудиомодальность: *tourterelle* (досл. ‘горлица’ – ‘немецкая мина’), во время полёта такая мина издавала звук, похожий на хлопанье крыльев или воркование горлицы; *froufrou* (досл. ‘шелест’ – ‘немецкий пневматический снаряд 74 мм’), его свист напоминал шелест сухих листьев.

Визуальная модальность: обычно реализуется в метонимических переосмыслениях. Например, СЛЕВД *gros noir* (досл. ‘большой чёрный’) обычно обозначала шрапнельный снаряд, испускавший чёрный дым.

В начале XX века сфера-источник «Пространственное положение, статус» также ассоциировалась с иерархией отношений и обычно позволяла переосмыслить командира или старшего военнослужащего как старшего в

семье или старшего по возрасту. Например: *grand-père* (досл. ‘дед’ – ‘генерал Жоффр’ (Joseph Jacques Césaire Joffre)). Тем не менее, согласно данным нашей выборки, продуктивность этой сферы-источника весьма незначительна, она не превышает 2%.

Метафрические номинации в неинституциональном французском военном дискурсе начала XX века зачастую отличаются многозначностью. Например, лексическая единица *billard* (досл. ‘бильярд’) может благодаря метафорическому переносу значения репрезентировать следующие реалии военной сферы: 1) ‘плоский участок, разделявший траншеи противников’, соответственно, выражение *monter sur le billard* (досл. ‘подняться на бильярд’) означает в данном случае ‘*sortir de la tranchée pour l'assaut*’ (‘подняться на штурм из траншеи’); 2) ‘поле боя’; 3) ‘плац’; 4) ‘операционный стол в военном госпитале’.

Произведённый анализ выборки свидетельствует о том, что неантропоцентрическая метафора также используется в неинституциональном французском военном дискурсе начала XX века. В целом неантропоцентрические метафоры представлены 110 СЛЕВД, что составляет около 24% общего объёма выборки субстандартных СЛЕВД за исследуемый период. Приложение 3 иллюстрируют полученные нами статистические данные.

Так же, как и в настоящее время, в начале XX века реализация этого типа метафорического переноса преимущественно связана с двумя сферами-источниками – «Фауна» и «Растения». Сфера-источник «Фауна» является наиболее продуктивной, и в большинстве случаев с ней ассоциируется концепт-мишень «Военная реалья», прежде всего если речь идёт об объекте или части объекта фауны. Рассмотрим примеры: *cigale* (досл. ‘цикада’ – ‘осколок снаряда’), *oursin* (досл. ‘морской ёж’ – ‘проволочный ёж’ (траншейное заграждение) и другие. Иногда сфера-источник «Фауна» используется для актуализации концепта «Военнослужащий»: *clebs/cabot*

(досл. разг. ‘пёс, собачонка’ – ‘капрал’).

В единичных случаях может наблюдаться актуализация концепта «Противник». Например, СЛЕВД *taupes* (досл. ‘кроты’) могла служить метафорической номинацией немцев, так как они носили форму тёмного цвета и, постоянно окапываясь, становились плохо различимы на фоне земли [Galopin 1915, p. 11]. Метафорическая номинация может распространяться и на вооружения, принадлежащие противнику, например: *albatros* (досл. ‘альбатрос’ – ‘немецкий биплан’).

Сфера-источник «Растения» обычно актуализирует концепт «Военная реальия» как реалию растительного мира или её часть. Общая продуктивность этого источника метафорической номинации составляет около 4 %. Например: *citron* (досл. ‘лимон’ – ‘ручная граната образца 1915 года’), *épluchure* (досл. ‘шелуха, очистки шкурки овоща или фрукта’ – ‘осколок снаряда’).

В единичных случаях со сферой-источником «Растения» может ассоциироваться концепт «Военнослужащий», когда речь идёт об объекте флоры. Например, лексическая единица *bleuet* (досл. ‘василёк’) обозначает молодого, неопытного солдата. Данная метафора возникла на основе другой субстандартной СЛЕВД *bleu* (досл. ‘голубой’), которая начиная с XVIII века номинировала новобранца и образовалась путём метонимического переосмысления. Принятие на обмундирование в 1915 году во французских сухопутных войсках военной униформы цвета *bleu horizon* (‘голубой’/‘синий горизонт’) способствовало закреплению данного переосмысления, так как голубоватый оттенок шинелей отличал неопытных новобранцев от солдат, призванных на службу в самом начале Первой мировой войны. Соответственно, глагол-неологизм *débleuir* (досл. ‘лишать голубого цвета’) приобрёл значение ‘становиться опытным солдатом’, а один из издававшихся в то время фронтовых журналов имел название *Bleutinet* (досл. ‘Блётине’).

Для метафорических номинаций в субстандартном вокабуляре начала XX века, как и в современном субстандартном вокабуляре, сферы-источники

«Природные и физические явления», «Водная среда» и «Геологические объекты» являются непродуктивными, поэтому генетически восходящие к ним метафоры малочисленны. К ним можно отнести, например: *pluie* (досл. 'дождь' – 'картечь, бомбы'), *giclée* (досл. 'брызжащая струя воды' – 'пулемётная очередь').

Таким образом, концепты «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна» являются основными источниками метафорических номинаций реалий военной сферы в неинституциональном французском военном дискурсе начала XX века.

3.2. Метафорические номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте

Исследование метафорической номинации в диахроническом аспекте представляет несомненный исследовательский интерес. Ещё в конце XIX века учёные говорили о законе соответствия мира слов миру мыслей, и в настоящее время необходимость анализа метафорической системы языка в диахроническом аспекте признаётся многими лингвистами [Балашова 2011, с. 48-49]. Изучение эволюции метафоры за период с начала XX века до настоящего времени предполагает симбиоз двух подходов – диахронического и когнитивного.

В работе исследуется динамика метафорических номинаций только в неинституциональном французском военном дискурсе, ибо он, в отличие от институционального военного дискурса, представляет больший интерес для анализа. Повышенный интерес к нему обуславливается его гораздо большей мобильностью и изменчивостью в силу того, что состояние данного типа дискурса в большей степени зависит от экстралингвистических факторов и в меньшей степени от необходимости соблюдать языковые нормы и правила.

Мы полностью согласны с мнением Э.В. Будаева о возможности использования «фокусной фрагментации» временного периода, которая

предполагает выделение интервалов исследования в связи с историческими событиями безотносительно к хронологии в астрономическом понимании [Будаев 2016, с. 21]. Кроме того, данный подход позволяет соблюсти принцип историзма, который является одним из существенных при любом диахроническом или ретроспективном исследовании. С другой стороны, вековой интервал, разделяющий оба исторических периода (начало XX века и настоящее время), представляется нам достаточным для выявления наиболее устойчивых тенденций в языковом и ментальном аспектах.

Нами установлено, что в неинституциональном французском военном дискурсе начала XX века метафорическая актуализация распространяется как на концепт «Военная реальия» (примерно 81% выявленных переосмыслений), так и на концепт «Военнослужащий» (около 19%). Анализ метафорической актуализации концепта «Военная реальия» свидетельствует о том, что чаще всего мишенью метафорической номинации оказываются составляющие частных концептов, таких как «Боеприпасы» (19%), «Маневрирование, служебные, боевые действия» (17%), «Вооружение» (12%), а также «Военно-технические средства» (12%). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что регулярность метафорической вербализации, относящейся к концепту «Военнослужащий» и частному концепту «Боеприпасы», является практически одинаковой (см. диаграмму в приложении 5).

По количеству метафорических переосмыслений концепта «Военнослужащий» основными сферами-источниками оказываются «Фауна», «Реалии быта и привычного мира», а также отчасти «Невоенные профессии и занятия». Согласно числу переосмыслений концепта «Военная реальия» доминируют сферы-источники «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна» (см. диаграмму в приложении 4).

В наши дни доля метафорических репрезентаций содержания концепта «Военная реальия» составляет около 68%, а содержания концепта «Военнослужащий» – около 31%. При этом метафорические номинации

концепта «Военная реальия» наиболее регулярно восходят к таким сферам-мишеням, как «Военно-технические средства» (17%), «Маневрирование, служебные, боевые действия» (13%). (см. диаграмму в приложении 5).

В настоящее время концепт «Военнослужащий» метафорически актуализируется преимущественно путём обращения к сферам-источникам «Фауна» и «Реалии быта и привычного мира». Причём первая занимает лидирующую позицию по количеству метафорических репрезентаций данного концепта (см. диаграмму в приложении 4).

Как и в начале XX века, в парадигме метафорической актуализации концепта «Военная реальия» доминирует сфера-источник «Реалии быта и привычного мира». Следующей по продуктивности оказывается сфера-источник «Фауна».

Рассмотрим эволюцию метафорических номинаций в неинституциональном французском военном дискурсе отдельно на примере каждого из концептов, формирующих концептуальную структуру французской военной сферы.

Концепт «Военнослужащий»

В начале XX века метафорическая вербализация концепта «Военнослужащий» наиболее часто реализуется путём обращения к сферам-источникам «Фауна», «Реалии быта и привычного мира» (включая сферу-источник «Еда»). Привлечение сферы «Невоенные профессии и занятия» происходит несколько реже. В начале XX века метафорические переосмысления, связанные со сферой-источником «Фауна», обычно осуществляются либо на основе сходства внешних или внутренних качеств, либо ввиду сходства выполняемых функций. Так, например, *зув* (военнослужащий лёгкой пехоты французских колониальных войск) может переосмысляться как *chacal* (досл. 'шакал') или *blanchisseuse/modiste* (досл. 'прачка' или 'модистка'). В первом случае метафорическая номинация основана на некотором сходстве функциональных качеств военнослужащих и

качеств и повадок шакала. Интересно отметить, что данный пример может служить иллюстрацией влияния коннотативного значения лексической единицы на формирование метафорического образа. Для западной ментальности характерно менее негативное отношение к шакалу, о чём, в частности, свидетельствует использование данного зоонима для официального наименования одного из учебных военных кораблей (Chacal A 753). В наиболее общем смысле шакал может символизировать как агрессивность, так хитрость и оппортунизм. Кроме того, это типичный обитатель азиатско-африканских регионов. В произведении Арно Галопена можно прочитать следующее: «<...> *les tirailleurs se nomment Mohammed et Abdallah... ... L'adjudant Vernier répond d'eux, car il les a vus à l'œuvre plus d'une fois... – Ces gaillards-là, dit-il à notre lieutenant, sont rusés comme des chacals et silencieux comme des ombres...*» [Galopin 1915, p. 150] («<...> стрелков зовут Мохаммед и Абдала... Аджюдан Вернье отвечает за них, так как он ни один раз видел их в деле ... Эти парни, говорит он нашему лейтенанту, *хитры как шакалы* и безмолвны как тени ...») Таким образом, ведущей семой данного переосмысления является «guse» («хитрость»). Во втором случае актуализация представляет собой метафонию, поскольку она отчасти связана с белыми форменными шароварами (*culotte bouffante*), которые носили зуавы.

Некоторые зооморфные переосмысления продолжают активно использоваться и в наши дни. Так, СЛЕВД *marsouin* (досл. «морская свинья»), которая могла номинировать в начале XX века солдата колониальной или морской пехоты, актуализирует в наши дни рядового морской пехоты. Например: «<...> *faute d'avoir réussi mes épreuves du bac, je commencerais donc à servir comme simple militaire du rang, comme marsouin <...>*» [Douady 2012, с. 24] («<...> так как я провалил экзамен бакалавриата, начну службу как простой рядовой, как марсуэн <...>»). В основе переосмысления лежит уподобление морских пехотинцев китообразным, обитающим в шельфовых водах океанов. Подобно тому, как морские свиньи следуют за проходящими кораблями,

морские пехотинцы на заре своего существования всегда сопровождали морские суда преимущественно в качестве охраны.

СЛЕВД *bigor* является аферезой от *bigorneau* (досл. ‘литорина’ – ‘брюхоногий моллюск’). Она могла актуализировать в начале XX века как морского артиллериста, так и артиллериста колониальных войск и продолжает использоваться в настоящее время для репрезентации морского артиллериста. Процитируем в качестве примера: «*À lire l'expression de son visage, je compris que je n'étais pas le premier bigor ou marsouin à lui faire ce compliment*» [Douady 2012, p. 83]. (‘Глядя на выражение её лица, я понял, что не был первым бигором или марсуэном, который делал ей этот комплимент’). По наиболее распространённому мнению, в основе данной номинации лежит переосмысление военнослужащего как активного, боеспособного человека, который так же цепко держится за вверенные ему позиции, как моллюск за выбранное место. Однако, согласно другой интерпретации, СЛЕВД *bigor* может иметь своим происхождением команду времён парусного флота на открытие бортовых люков перед пушечным залпом «*bigues hors!*».

СЛЕВД *hibou* (досл. ‘сова’) в период Первой мировой войны, как правило, репрезентирует авиатора, осуществляющего ночные вылеты. Синонимичной репрезентацией являлась СЛЕВД *chauve-souris* (досл. ‘летучая мышь’), она могла относиться как к лётчику, так и к его самолёту. В современном языке СЛЕВД *hibou* номинирует лётчика, имеющего квалификацию для ночных полётов и посадок на авианосцы в ночных условиях. В начале XX века СЛЕВД *hanneton* (досл. ‘майский жук’) могла использоваться для актуализации самолёта. С течением времени она претерпела некоторое смещение смысла и в современном языке актуализирует офицера или унтер-офицера лётного состава, осуществляющего обязательный налёт часов. Метафорическим синонимом для последнего наименования служит в настоящее время ироническая субстандартная СЛЕВД *abonné* (досл. ‘подписчик, абонент’).

В ряде случаев современные метафорические актуализации военнослужащих содержат девалоризирующий компонент, что отражает определённый иерархический анатагонизм или антагонизм между различными штатными должностями. Например, несмотря на то, что в наши дни некоторые штурманы на военно-транспортных судах могут выполнять функции капитана корабля (*commandant de bord*), штурман самолёта-истребителя получает номинацию *gorille* (досл. ‘горилла’). Подобно тому, как животное проводит время, повиснув на ветках дерева, штурман, не участвуя непосредственно в пилотировании самолёта, оказывается зачастую пассивно подвешенным на пристяжных ремнях безопасности. Другим метафорическим синонимом является СЛЕВД *poids mort* (досл. ‘мёртвый груз’), которая имеет заметную девалоризирующую коннотацию. Молодые, неопытные моряки переосмысляются как *bigaille* (досл. ‘мошकारа’). СЛЕВД *rampant* (досл. ‘ползающий’) репрезентирует военнослужащего нелётного состава по аналогии с личинкой гусеницы бабочки. Переосмысление появилось на заре авиации и существует по настоящее время. Оно может также входить в состав инвективного словосочетания: *sale rampant* (досл. ‘грязный ползающий’).

Проявления подобного антагонизма присутствуют и в начале XX века. Они носят иногда обезличенный характер и формируются с привлечением сферы-источника «Реалии быта и привычного мира». Так, наблюдатель и корректировщик огня, занимавший место позади пилота на аэроплане, иронически репрезентируется как *colis/paquet/ballot/sac/lest* (досл. ‘посылка/бандероль/тюк/мешок/балласт’), поскольку, в отличие от лётчика, он не участвует в непосредственном пилотировании аппарата. Следовательно, выражение *jouer les colis* обозначает ‘проводить наблюдение, разведку’ (*faire l'observateur*). В данном случае метафорическая синонимия подчёркивает различие между лётчиками, обученными управлению летательным аппаратом, и другими членами лётного состава.

В рамках антагонизма военнoслужашие, занимающие технические должности, могут не только обезличиваться, но и обозначаться посредством метафорических номинаций, содержащих иронически-пренебрежительные коннотации. Например: *roues dentées* (досл. ‘шестерёнки’ – ‘авиамеханики’). В целом данные переосмысления можно рассматривать как метафтонимические, поскольку источник номинации и военная профессия имеют смежную связь. Подобная номинация отмечалась и в начале XX века. В частности, СЛЕВД *boîte à graisse* (досл. ‘ящик для смазки’) актуализировала ‘сержанта-механика’ (*maréchal des logis mécanicien*).

Особенности употребления некоторых метафорических переосмыслений, отражающих внутрикорпоративные отношения, также могут изменяться с течением времени. Например, появившаяся в XIX веке СЛЕВД *biffe* отражает традиционные конкурентные отношения между различными сегментами французских Вооружённых Сил. Считается, что её возникновение связано с тем фактом, что пехотные подразделения всегда имели более потрёпанные и менее элегантные мундиры, чем представители других родов войск. Кроме того, подобно старьёвщику, они носили в своём ранце различные малоценные вещи. Особенное распространение данное переосмысление получило в период Первой мировой войны, когда пехотинец переосмысляется как *biffin* (досл. арг. ‘старьёвщик’), а его ранец репрезентируется как *armoire (à glace)* (досл. ‘шкаф (с зеркалом)’). «*Pourquoi que tu t'es engagé aussi, lui dit Lemoine, puisque t'étais réformé? Surtout dans la biffe?*» [Dorgelès 1919, p. 172]. (‘Почему же ты тоже пошёл добровольцем, говорит Лемуан, если ты комиссованный? И особенно в пехоту?’).

В настоящее время употребление субстандартной СЛЕВД *biffe* (досл. ‘старьёвщик’ как занятие) зависит от войсковой принадлежности адресанта. С точки зрения представителя сухопутных войск, СЛЕВД *biffe* может быть отнесена только к пехоте, а выражение *faire la biffe* имеет значение «тренироваться в навыках пехотного боя». С точки зрения военнoслужашего

ВВС или жандармерии, СЛЕВД *biffe* совокупно репрезентирует Сухопутные войска (*armée de terre*). Например, военный моряк может охарактеризовать при помощи данной СЛЕВД не только любого военнослужащего, не принадлежащего к флоту (например, *aviateur de la biffe*), но и учения по высадке десанта на сушу или другие сухопутные учения. В этом случае СЛЕВД *petite biffe* репрезентирует учения, продолжительность которых не превышает 12 часов (*démi-journée*), тогда как учения, вербализующиеся как *grande biffe*, могут длиться гораздо дольше. В настоящее время употребление СЛЕВД *biffin* также зависит от позиции адресанта: для представителя сухопутных войск она репрезентирует только пехотинца; для военнослужащего ВВС – любого военного, принадлежащего к сухопутным войскам (кроме военнослужащего Иностранного легиона), а для военного моряка – любого военнослужащего, не служащего на флоте. Неупотребление данной актуализации по отношению к военнослужащим Иностранного легиона маркирует, на наш взгляд, уважение к данному воинскому подразделению, особенно с учётом входивших в его состав парашютистов.

В настоящее время отмечается тенденция к усложнению структуры метафорических переосмыслений, репрезентирующих военнослужащих. Так, например, военный, обучающийся на курсах офицеров криминальной полиции, переосмысляется как *broutard* (досл. ‘телёнок, щиплющий траву’). В данном случае метафорический перенос основан на двойной игре слов. С одной стороны, курсант в дальнейшем получит следующее звание, а унтер-офицер или иногда офицер на жаргоне жандармерии может репрезентироваться как *bœuf* (досл. ‘бык’). С другой стороны, аббревиатура *OPJ* – *officier de police judiciaire* (досл. ‘офицер криминальной полиции’) может иметь альтернативную ироническую расшифровку *officier des pelouses et jardins* (досл. ‘офицер газонов и парков’). Увеличение количества подобных семантически осложнённых метафорических наименований является одной из особенностей современного французского неинституционального военного

дискурса.

В отношении метафорической вербализации с привлечением сферы-источника «Невоенные профессии и занятия» следует заметить, что данные переосмысления зачастую тоже содержат заметный иронический компонент. Так, например, в начале XX века военный санитар иронически репрезентируется как *ministre de la canule* (досл. ‘министр канюли’). Начальник почтовой службы подразделения (*vaguemestre*) получает эмоционально-оценочную номинацию *marchand de baisers* (досл. ‘торговец поцелуями’), а военнотружущие лёгкой кавалерии иногда именуются *tapissiers* (досл. ‘торговец декоративными тканями, обойщик’), поскольку их пики звенели при ударе о шпоры как карнизы для занавесок (*tringle à rideaux*).

В настоящее время обращение к сфере «Невоенные профессии и занятия», по нашим наблюдениям, не превышает 10% порога. Однако некоторые сформированные на её основе метафорические репрезентации имеют небезынтересные особенности. В частности, данная сфера может использоваться для репрезентации некомпетентных либо профессионально ограниченных военнотружущих, которые ассоциируются с представителями мира искусства. Так, например, моряк, не несущий ночных вахт, именуется в настоящее время лексемой *musicien* (досл. ‘музыкант’). А выражение *être de musique* означает иметь целую ночь в своём распоряжении между вахтами в 20.00 и в 08.00. Номинация связана с тем, что в XIX веке военные музыканты имели значительные послабления по службе и не выходили в открытое море. Лётчик или штурман, временно отстранённый от должности, актуализируется в наши дни как *peintre en escadre* (досл. ‘художник в эскадре’), а лексическая единица *peintre* может номинировать: 1) некомпетентного солдата; 2) молодого, неопытного лётчика; 3) второго пилота (*second pilote*); 4) лётчика, получившего много нарядов. В последнем случае метафорическая номинация основана на том, что ранее одна из разновидностей наряда включала в себя привлечение военнотружущего для окрашивания боевой техники (самолётов

и кораблей). Причём лексическая единица *artiste peintre* (досл. 'живописец') актуализирует весьма некомпетентного солдата. Среди других метафорических синонимов данной лексемы, использовавшихся в разное время, можно назвать *Pinck Floyd* (досл. 'Пинк-Флойд' (британская рок-группа) и *Bee Gees* (досл. 'Би Джиз' (британская музыкальная группа)).

С нашей точки зрения, рассмотренная выше метафорическая номинация не лишена иронической коннотации, а прототипической предпосылкой для неё может также служить как принадлежность художников и музыкантов к людям свободных профессий, зачастую не склонных к индивидуальной и коллективной дисциплине. С другой стороны, существование иронической метафорической синонимии для вербализации некомпетентного солдата свидетельствует о важности для французских военнослужащих таких понятий, как «компетентность» и «профессиональное соответствие», что вполне согласуется с современными процессами профессионализации армии. Однако в целом уважение и стремление к профессионализму занимает заметное место во французской национальной ментальности. В период Первой мировой войны тоже существовали инвективные переосмысления, подчёркивающие неумелость индивида: *Sacré pharmacien!* (досл. 'чёртов фармацевт!'), *Bon dieu d'acrobate!* (досл. 'чёртов акробат!').

Некоторые переосмысления, связанные со сферой-источником «Невоенные профессии и занятия», появились в начале XX века и существуют по настоящее время. Так, например, СЛЕВД *cocher* (досл. 'кучер, извозчик') использовалась на заре авиации для актуализации пилота-авиатора. Соответственно, СЛЕВД *écurie* (досл. 'конюшня') репрезентировала в начале века авиационный ангар. В настоящее время СЛЕВД *cocher* продолжает присутствовать в вокабуляре технических специалистов военно-воздушных сил и морской авиации и иронически актуализирует военного лётчика. Иногда метафорические номинации могут содержать дополнительные негативные коннотации. Например, военный хирург наделяется образом *charcutier* (досл.

‘колбасник’). Данное переосмысление восходит ко времени, когда хирургические вмешательства (преимущественно ампутации конечностей) происходили без использования анестезии.

Метафорические номинации, порождённые сферой-источником «Еда», фиксируются как в начале XX века, так и в наши дни. Например, в начале XX века лексическая единица *biscuit* (досл. ‘сухарь’) репрезентировала военного-сверхсрочника (*militaire rengagé*). Номинация основывалась на игре слов, поскольку буквальное прочтение лексемы *biscuit* обозначает ‘дважды обожжённый/отваренный’, а образ добровольца-новобранца (*engagé*) метафорически ассоциируется с образом шара (*boule*), поскольку он продался за буханку хлеба (*boule de pain*). В дальнейшем первичный смысл был практически утрачен, и СЛЕВД *biscuit* обозначала молодого сверхсрочника вплоть до перехода французской армии на профессиональное комплектование.

Следует отметить, что метафорическая номинация начала XX века имеет в большинстве случаев достаточно легко прослеживаемые прототипические признаки. Однако иногда они носят несколько парадоксальный характер. Так, например, переосмысления могут быть связаны с рекламой или фирменными знаками различных производителей. В частности, сенегальский стрелок может наделяться образом чёрного льва (*lion noir*), а африканский стрелок получает номинацию *caïffa* (досл. ‘каифа’). Первая метафора основана на названии популярной в то время ваксы для обуви аналогичного названия, на коробках которой был изображён чёрный лев. Прототипическим признаком второй служит название фирмы «*Au Planteur de Caïffa*» («У плантатора Каифы»), основанной Мишелем Каеном (*Michel Cahen*) и занимавшейся импортом кофе и шоколада.

Случаи подобной номинации имеют место и в наше время. Однако и в этом случае можно наблюдать тенденцию к некоторому усложнению переосмыслений. Так, например, на жаргоне жандармерии дивизионный, корпусный или армейский генерал (*général de dévision/de corps/d'armée*),

получает номинацию *Rivoire et Carret* (досл. 'Ривуар и Карре'), которая основана на сходстве звёзд на пачках макаронных изделий данного производителя и знаков различия на рукавах военных.

Кроме того, эмоционально-окрашенные и содержащие элементы юмора субстандартные метафорические переосмысления могут отражать и некоторые фоновые особенности социального плана. Это особенно актуально для периода Первой мировой войны. Например, СЛЕВД *embusqué* появилась во французском военном вокабуляре в начале XIX века и использовалась для иронической вербализации военнослужащего, имеющего поблажки по службе и освобождённого от нарядов. Однако наибольшее распространение и расширение смысла данная лексическая единица получила в связи с очень характерным для периода Первой мировой войны социальным феноменом, метафорически именуемым *embuscage* (досл. 'сидение в засаде') [Cochet, Porte 2008, p. 389]. Он являлся отражением весьма обострившихся социальных противоречий и неприятием войны многими членами французского общества. Некоторые из них, избежав призыва на военную службу, извлекали из войны разнообразную прибыль. Иногда подобные переосмысления имеют саркастический характер. Так, в начале XX века доброволец актуализируется как *victime des affiches* (досл. 'жертва афиш').

Таким образом, можно говорить о том, что метафорическая субстандартная актуализация концепта «Военнослужащий» зачастую используется для актуализации особенностей внутрикорпоративных отношений, отдельные из которых сложились ещё в начале XX века.

Концепт «Противник»

Несмотря на то, что военный противник может быть определён как военнослужащий противоположной стороны, мы считаем целесообразным рассматривать его репрезентацию отдельно от своих и союзных военнослужащих. В целом обращает на себя внимание, что в начале XX века и в настоящее время концепт «Противник» актуализируется посредством

метафоры весьма редко. Очевидно, данный факт свидетельствует о восприятии войны как временного и навязанного явления. Он также может свидетельствовать о том, что в эпоху индустриального и постиндустриального мира представители французского общества, участвующие в различных вооружённых конфликтах, преимущественно склонны позиционировать себя как людей, вынужденно ведущих военные действия. Наиболее полно эти настроения манифестировались в период Первой мировой войны, когда, как отмечает Й. Леонхард (Jörn Leonhard), «противник оставался противником, но в каких-то ситуациях оказывался товарищем» [Леонхард 2015, с. 15]. В качестве подтверждения этого можно привести выражение *faire camarade* (досл. ‘сделать товарища’), которое имело значение ‘намеренно сдаться в плен’. Ассоциируя плен с актом братания, военнослужащие рассматривали друг друга не как непримиримых врагов, а, скорее, как заложников трагических исторических событий: «*Boches! Ils sont comme nous et le malheur est pareil pour tous*» [Esnault 1919, p. 113] (‘Немцы! Они как мы, и несчастье одинаково для всех’).

Несмотря на значительное изменение характера угроз и конфликтов, подобные общие настроения не утратили своей актуальности и в наши дни. Как отмечает генерал Анри Бентежа (Héni Bentégeat), «<...> *contrairement à ce qu'ont prétendu beaucoup d'analystes extérieurs, l'esprit de vengeance n'a jamais animé nos troupes, même après des embuscades meurtrières*» (‘<...> вопреки сложившемуся мнению многих сторонних аналитиков дух мщения никогда не охватывал наши войска даже после смертоносных засад’) [Douady 2012, p. 13].

Самая известная метафорическая номинация противника начала XX века представлена СЛЕВД *Boche* (‘немец’), этимология которой до конца не ясна. Наиболее вероятным представляется её происхождение от идиоматического выражения *tête de boche*, которое синонимично выражению *tête dure* (досл. ‘твёрдая голова’ – ‘тупая, упрямая голова’), при этом *boche* обозначает *boule* (досл. ‘шар’ – ‘деревянный шар для игры’) [DAFSO 2002, p.

84; Cassagne 2007, p. 74]. Ещё в старофранцузский период появилась арготическая лексическая единица *caboche*, которая имеет значение 'голова/башка' [Delveau 1867, p. 65], а на парижском арго второй половины XIX века единица *boche* имела значение *mauvais sujet* ('нехороший человек') [Delveau 1867, p. 46]. Кроме того, в довоенный период в гражданском арго регистрировались такие лексические единицы, как *alboche* ('немец'), *italboche* ('итальянец'), *rigolboche* ('несерьёзный человек') [DAFSO 2002, p. 84]. Они практически не имели оскорбительно-уничижительного оттенка. Во время Первой мировой войны лексическая единица *Boche* приобрела выраженную пейоративную коннотацию и породила целый ряд переосмысленных производных, относящихся как к военной, так и к гражданской реальности. Например: *bochiser* 1) 'германизировать', 2) 'шпионить', 3) 'быть германофилом'), *bochonaille* ('*cochonaille*' – 'колбасы'), *philoboche* (досл. 'любящий бошей' – 'германофил'), *bochonerie* ('*mauvaise action*' – 'дрянной поступок'), *Bochie* ('Германия'), *débocher le pékin* ('*remonter le moral des civils*' – 'поднять дух гражданских'). В последнем случае СЛЕВД *pékin* номинирует гражданское лицо. В настоящее время лексическая единица *Boche* в значении 'немец' фиксируется словарями с пометой «устаревшее ксенофобское оскорбление» [DRMP 2016, p. 119].

Иногда метафорическая актуализация концепта «Противник» происходит через связанные с ним военно-технические средства, например: *gendarme* (досл. 'жандарм' – 'немецкий самолет-истребитель Фоккер'). Схожая тенденция отмечается и в наши дни. В частности, самолёт противника ассоциируется с апашем, бандитом (*apache*) или вампиром (*vampire*).

Концепт «Военная реалья»

В отношении концепта «Военная реалья» следует отметить, что в начале XX века и в настоящее время его метафорическая репрезентация связана прежде всего с двумя сферами-источниками: «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна». Их продуктивность не демонстрирует с течением времени

существенной динамики. Однако в период с начала XX века до наших дней актуализация частных концептов, входящих в состав концепта «Военная реальия», имела свои характерные особенности, на которых мы остановимся ниже.

Частный концепт «Военно-технические средства»

В начале XX века метафорическая репрезентация частного концепта «Военно-технические средства» обычно реализуется благодаря сферам-источникам «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна». Так, например, биплан Farman MF.11 актуализируется как *cage à poules* (досл. ‘клетка для кур’). Аэропланы, использующиеся для воздушного наблюдения, получают номинацию *table de nuit* (досл. ‘ночной столик’). В обоих случаях метафорические переносы значения основаны на внешнем сходстве и связаны либо с особенностями строения фюзеляжа, либо с наличием двух несущих поверхностей. Танк и броневомобиль (*automitrailleuse*) могут репрезентироваться как *poubelle* (досл. ‘мусорный ящик’) и *pot-au-feu* (досл. ‘котелок на огне’). Как и в случае с аэропланами, переосмысление имеет своей основой внешнее сходство военно-технических средств с указанными реалиями быденной жизни, причём в последнем случае источником переноса служит именно предмет кухонной утвари, а не приготовляемое в нём блюдо с аналогичным названием.

Скоростной аэроплан может ассоциироваться с образом зебры (*zèbre*), а низкоскоростные летательные аппараты с широким размахом крыльев получают номинацию *éléphant* (досл. ‘слон’). Прототипическим признаком служит сходство качеств животного и военно-технического средства. Некоторые переосмысления, возможно, основываются на двойной мотивации. В частности, один из первых самолётов, имевших фюзеляж полной длины, – бомбардировщик Caudron R4 (Кодрон R4) – актуализируется как *requin* (досл. ‘акула’). С одной стороны, метафорическая номинация может быть связана с внешним сходством. Однако, с другой стороны, имеет место некоторая

фонетическая близость лексемы *requin* и аббревиации *R4*.

Нечасто в репрезентации военно-технического средства участвует сфера-источник «Еда». Например: «– *Dis donc, y a quelque chose en fait d'saucisses en'air, c'matin, remarque Lamuse. Les yeux levés, on les compte. Y a huit saucisses chez nous et huit chez les Boches, dit Cocon, qui avait déjà compté*» («– Что-то колбас многовато в воздухе сегодня утром, – замечает Ламюз. Подняв глаза вверх, мы считаем. – Восемь колбас у нас и восемь у бошей, – произносит Кокон, он их уже подсчитал») [Barbusse 1917, p. 228] СЛЕВД *saucisse* (досл. ‘колбаса’) актуализирует привязной аэростат наблюдения (*ballon captif*). В годы Первой мировой войны данный тип летательных аппаратов широко использовался для наблюдения за местностью, перемещениями противника и для корректировки огня.

В наши дни прототипическим признаком переосмыслений «Реалии быта и привычного мира» обычно выступает либо внешнее сходство, либо сходство функций, причём некоторые номинации демонстрируют небезынтересные соответствия. В частности, СЛЕВД *taxi* (досл. ‘такси’) может актуализировать в настоящее время военный самолёт. Соответственно, выражение *faire un taxi* означает ‘вывести самолёт на взлётную полосу’. В начале XX века субстандартная СЛЕВД *taxi* употребляется преимущественно по отношению к разведывательным аэропланам. При этом ввиду своего происхождения из гражданского аргю, на котором лексема *taxi* могла репрезентировать любое транспортное средство, она сохраняет несколько пренебрежительную коннотацию. По данной причине лётчик в начале XX века обычно не употреблял этого названия применительно к своему летательному аппарату.

Как и век назад, рычаг управления самолетом обретает образ рукоятки метлы (*manche à balai*). Следовательно, существующее в настоящее время выражение *branler le manche* (досл. ‘трясти рукоять’) имеет значение ‘пилотировать самолёт’. Оно обычно содержит мелиоративную коннотацию и используется по отношению к опытным лётчикам.

В рамках уже обозначенной нами тенденции к усложнению переосмыслений можно упомянуть субстандартную метафорическую номинацию некоторых моделей радара «Сирано» (чаще radar Cyrano I bis), предназначенных для самолётов «Mirage III». Из-за наличия лакунарности при обнаружении целей эти разновидности радара иронически именуются лексемой *Téfal* (досл. 'сковорода Тефаль'). Прототипическим признаком послужил популярный рекламный слоган: *il chauffe mais n'accroche pas* (досл. 'греет, но не прилипает'), который переосмысляется в соответствии с функциональным дефектом радара.

Как в начале XX века, так и в наши дни сфера-источник «Фауна» реже актуализируется для субстандартной метафорической вербализации военно-технических средств. Например, в настоящее время тяжелый самолет-заправщик типа С-135 может репрезентироваться лексической единицей *baleine* (досл. 'кит'). Благодаря сходству цвета и формы специальный поплавок, используемый при тралении мин, получает номинацию *cochon* (досл. 'свинья'), а бронетранспортёр жандармерии актуализируется как *canard bleu* (досл. 'синий селезень').

Интересно отметить, что некоторые репрезентации военно-технического средства как объекта фауны имеют привычный и даже стереотипный характер, однако, выбор сферы-мишени зависит от текущего экстралингвистического окружения. Так, например, можно прочесть следующий комментарий Ф. Дешлетта : *«L'as est en somme un oiseau de proie qui est, – comme on dit en vénerie, – mis sur l'oiseau boche, que ce soit la grosse bête (zeppelin), ou la moyenne (saucisse), ou la petite (avion)»* [Déchelette 1918, p. 24] ('Лётчик-ас – это, в сущности, хищная птица, которая, пользуясь языком охотников, натравливается на немецкую птицу, будь то крупная дичь (цеппелин), средняя (колбаса) или мелкая (аэроплан)'. Упомянутые Ф. Дешлеттом уподобления цеппелина крупной дичи (*grosse bête* – досл. 'крупный зверь'), аэростата – средней (*moyenne bête*), а аэроплана – мелкой

(*petite bête*) эквивалентны присутствующей в современном неинституциональном французском военном дискурсе градации подводных лодок. В частности, ракетный подводный крейсер стратегического назначения (*sous-marin nucléaire lanceur d'engins*) получает номинацию *grosse bête*, атомная торпедная подводная лодка (*sous-marin nucléaire d'attaque*) актуализируется как *bête*, а дизель-электрическая подводная лодка (*sous-marin diesel classique*) репрезентируется при помощи СЛЕВД *petite bête*. Этот пример может служить, на наш взгляд, иллюстрацией влияния изменившегося экстралингвистического контекста на формирование субстандартных метафорических переосмыслений. Наряду с этим СЛЕВД *bête* продолжает использоваться военнослужащими ВВС для актуализации самолёта.

Таким образом, метафорическая актуализация военно-технических средств традиционно зиждется на переосмыслении их структурных и функциональных особенностей и зачастую содержит иронические коннотации.

Частный концепт «Маневрирование, боевые и служебные действия»

В начале XX века и в наши дни частный концепт «Маневрирование, боевые и служебные действия» метафорически актуализируется, тем не менее, регулярность этой актуализации не претерпела существенной динамики с течением времени. В оба периода переосмысление военных реалий обычно реализуется путём обращения к сфере-источнику «Реалии быта и привычного мира». Поскольку речь идёт о деятельностной составляющей, для вербализации данного концепта зачастую привлекаются глагольные словосочетания. Так, в начале XX века СЛЕВД *décharger le panier* (досл. ‘разгрузить корзину’) могла иметь значение ‘сбросить авиабомбы’. Манёвр, состоящий в быстром наборе самолётом высоты по спирали, ассоциируется с печной трубой (*cheminée*) или с её изготовлением (*faire la cheminée*). Подъём на штурм из траншеи обозначается лексическими единицами *monter sur le billard* или *monter sur le tapis* (досл. ‘подняться на бильярд’ или ‘подняться на

ковёр»). Глагол *zinguer* (досл. ‘цинковать’) приобретает смысл ‘бомбардировать’, ‘бомбить’.

Иногда можно наблюдать изменение смысла по сравнению с гражданским языком. Так, например, в обыденной разговорной речи идиоматическое выражение *gagner le coquetier* (досл. ‘выиграть подставку для яиц’) имеет значение ‘добиться своего’ или ‘доиграться’. В субстандартном вокабуляре начала XX века происходит смещение смысла в сторону ‘врезаться в землю’ (говоря о лётчике) или же ‘быть раненым или убитым’. Некоторые выражения, содержащие в начале XX века арготическую коннотацию, могут получать в военном дискурсе более специальную трактовку. Так, например, СЛЕВД *coup de chien* (досл. ‘собачий удар’) могла использоваться в период Первой мировой войны для актуализации ожесточённого боя. Используемая в гражданском контексте лексическая единица *coup de chien* восходит по своему происхождению к гражданскому аргю и обычно репрезентирует неожиданный нечестный поступок, подвох, неожиданное предательство [Delvau 1867, p. 115]. Данный факт может служить одним из примеров изменения смысла идиоматического выражения под влиянием его употребления в профессиональном языке. Интересно отметить, что на сегодняшний день выражение *coup de chien* практически утратило свою арготическую составляющую и «n'implique plus que la soudaineté d'un phénomène dangereux, comme une bourrasque en mer, etc» [Rey 2003, p. 186].

Кроме того, в настоящее время продолжают фиксироваться идиоматические выражения с изменённым смыслом, которые функционируют в военной среде. Так, выражения *faire sa valise/se faire la malle* (досл. ‘сделать свой чемодан’/‘сделать себе сундук’) в гражданском контексте имеют значения ‘складывать чемодан’/‘удирать’’, а в военном субстандартном вокабуляре они получают значение ‘приготовиться к эвакуации из повреждённого самолёта’. Иногда повторному, обычно юмористическому прочтению подвергаются идиомы, имеющие фривольное содержание,

например: *s'envoyer en l'air* (prendre plaisir sexuel) практически приобретает своё буквальное значение *décoller* (досл. 'взлетать'), а идиоматическое выражение *faire le trottoir* (досл. 'делать тротуар' – 'заниматься уличной проституцией') интерпретируется военными жандармерии как 'стоять на посту у посольства или официального здания'.

Необходимо отметить, что в период Первой мировой войны отмечается появление различных устойчивых метафорических выражений, которые возникали под влиянием стремительно изменявшегося экстралингвистического окружения. Однако в дальнейшем многие из них так и не получили общепринятой воспроизводимости, и поэтому исчезли из активного языкового употребления.

Некоторые субстандартные метафорические переосмысления, актуализирующие частный концепт «Маневрирование, боевые и служебные действия», дошли до наших дней и даже постепенно приобретают статус кодифицированных СЛЕВД. Например, СЛЕВД *vrille* (досл. 'бурав') репрезентирует штопор – неуправляемое движение самолёта в режиме авторотации, а одна из фигур высшего пилотажа сохраняет номинацию *tonneau* (досл. 'бочка').

Как показывают наблюдения, сфера-источник «Фауна» практически не используется в настоящее время для метафорической вербализации частного концепта «Маневрирование, боевые и служебные действия». Однако в начале XX века обращение к ней носит более распространённый характер и присутствует преимущественно в метафорических СЛЕВД, представленных идиоматическими выражениями. Например: *faire le crapaud* (досл. 'сделать жабу' – 'распластаться на земле; залечь'), *atterrir en pattes de mouche* (досл. 'приземлиться на мушиных лапках' – 'совершить мягкую посадку'), *marche en crabe/faire le crabe* (досл. 'движение крабом'/'сделать краба' – 'боковой дрейф самолета из-за движения воздуха').

Присутствующие в дискурсе военнослужащих юмор, ирония и самоирония позволяют поддерживать моральный дух и стойко переживать тяготы военной жизни. Как отмечает Альбер Доза, «Люди, называвшие бой дробилкой для корочек хлеба (*un casse-croûte*) и имевшие мужество шутить, даже мучаясь от невыносимой боли в отмороженных ногах, прозванных ими рефрижерированными, несомненно, эти люди принадлежат стране Сирано» [Dauzat 1918, p. 168]. Метафорическая репрезентация боя при помощи СЛЕВД *casse-croûte* основана на переосмыслении первичного, устаревшего на сегодняшний день значения данной лексической единицы, которая обозначала инструмент для измельчения корочек хлеба, предназначенный для стариков [DLF Littré 1883 Vol. I, p. 501]). Это переосмысление, несомненно, содержит дополнительную коннотацию, содержащую элементы мрачного юмора. Ведь, как уже отмечалось выше, СЛЕВД *boule* (от *boule de pain*) и СЛЕВД *biscuit* использовались в период Первой мировой войны для репрезентации добровольца-новобранца и солдата-сверхсрочника. В дальнейшем лексическая единица *casse-croûte* закрепились только в своём современном значении ‘*repas léger rapide*’ (‘быстрая, лёгкая еда’). На наш взгляд, этот пример может служить наглядной иллюстрацией влияния специфических культурно-бытовых особенностей на метафорическое переосмысление реальности, поскольку в наши дни появление данной метафоры было бы невозможным в виду полной утраты не только самого объекта-источника переосмысления, но и первичного значения лексемы, вербализующей данный объект.

Итак, метафорическая актуализация концепта «Маневрирование, боевые и служебные действия» устойчиво присутствует как в начале XX века, так и в настоящее время, однако, в наши дни её репрезентация носит менее зооморфный характер.

Частный концепт «Вооружение»

В настоящее время метафорическое переосмысление наименований

вооружений и военно-технических средств происходит весьма редко. При этом в метафорической номинации чётко не прослеживается доминирование какой-либо сферы-источника.

В начале XX века частный концепт «Вооружение» обычно актуализировался при помощи сферы-источника «Реалии быта и привычного мира». Например, пулемёт получает номинацию *machine à coudre* (досл. ‘швейная машинка’), а штык репрезентируется как *aiguille* или *aiguille à tricoter* (досл. ‘игла’ или ‘спица для вязания’). СЛЕВД *parasol* (досл. ‘зонт от солнца’) репрезентирует один из первых французских истребителей Моран-Солнье (Morane-Saulnier Type L). Переосмысление связано с особенностями аэродинамической схемы крепления крыла, которая напоминала каркас зонта. Иногда для его репрезентации могла привлекаться СЛЕВД *répin* (досл. ‘семечка в плодах’), принадлежащая к гражданскому аргю. Данная актуализация могла относиться как к самолёту в целом, так и непосредственно к его системе крепления. В гражданском аргю лексема *répin* обозначает зонт от дождя. В настоящее время СЛЕВД *répin* вербализует парашют.

Кроме того, по сравнению с началом XX века метафорические субстандартные номинации с использованием личных имён встречаются в единичных случаях. Например, СЛЕВД *Pedro* (досл. ‘Педро’) может использоваться для актуализации вертолета Dauphin AS365 или уже устаревшей модели SA.316/SA.319 Alouette III). Модификация Dauphin AS365 обычно используется в поисково-спасательных работах, а субстандартная номинация восходит к имени американского пилота, впервые осуществившего с помощью вертолётa спасательную операцию во время войны в Корее [Cassagne 2007, p. 320]. Небезынтересно отметить, что в наши дни данное субстандартное наименование постепенно приобретает статус кодифицированного. В частности, на сайте Министерства обороны Франции можно, прочитав следующее: «<...> *sous sa forme Dauphin Pedro, il assure la sauvegarde des équipages lors des mouvements de catapultage et d'appontage de*

jour comme nuit à bord du porte-avions Charles de Gaulle» [Ministère des Armées de la France].

В отличие от современного периода некоторые метафорические переосмысления начала XX века имеют характер мрачного юмора, характеризуются оттенками безысходности и содержат в себе сему «смерть». Например, СЛЕВД *four crématoire* (досл. ‘кремационная печь’) метафорически именуется ‘опасный, легко воспламеняющийся аэроплан’ (обычно аэроплан Вуазен (Voisin), укомплектованный мотором 140HP Canton-Unné). СЛЕВД *cercueils d'acier* (досл. ‘стальные гробы’) репрезентирует подводные лодки. СЛЕВД *cercueil volant* (досл. ‘летающий гроб’) в начале XX века актуализирует как дирижабль, так и опасный аэроплан. Наиболее часто данная номинация относится к упоминаемому выше истребителю Morane-Saulnier Parasole. В наши дни СЛЕВД *cercueil volant* может актуализировать самолёт без катапультного кресла.

Кроме того, представление о аэропланах авиастроительной компании «Morane-Saulnier» может переосмысляться, в результате чего появляется их метафорическая номинация *mort-subite* (досл. ‘внезапная смерть’). Переосмысление основано на альтернативном прочтении аббревиатуры M.S. компании-производителя аэроплана. Данная актуализация наглядно свидетельствует о том, насколько образ смерти является преобладающим в сознании военнослужащих периода Первой мировой войны. Такое восприятие реальности, несомненно, отражает тяжёлое психологическое состояние людей, находящихся в условиях жёсткой и бесперспективной военной конфронтации.

В ряде случаев французские военнослужащие обращаются к вульгарной лексике для репрезентации реалий военной сферы. Однако даже вульгарные переосмысления содержат яркие юмористические и эмоционально-оценочные коннотации, причём эта особенность наблюдается как в начале века, так и в наши дни. Например: «*Tout à coup nos batteries se mettent à péter! – passez-moi*

l'expression, mais nos artilleurs appellent leurs canons des "pétoires" [Contes, 1915, p. 42-43] ('Внезапно наши батареи начали трещать! – Простите мне выражение, но наши артиллеристы называют свои пушки тарактелками'). А в настоящее время уже устаревший 7,5-мм пулемёт «АА 52» актуализируется как *nana* (досл. 'проститутка'; 'любовница'; 'чувиха') по причине того, что его, как женщину, нужно носить на руках.

Особенностью метафорической актуализации в начале XX века частных концептов «Вооружение» и «Военно-технические средства» является тенденция присвоения им женского или мужского имени [Соловьева 2019]. Субстандартные антропонимы носят преимущественно абстрактный характер и зачастую воплощают собирательный образ женщины или мужчины. Однако в некоторых случаях можно проследить их реальный прототип. Так, например, СЛЕВД *Joséphine* (досл. 'Жозефина') актуализирует 'штык', а СЛЕВД *Rosalie* (досл. 'Розали') – 'штык-нож' к винтовкам образца 1907-1915 годов. Последняя актуализация непосредственно связана с патриотической песней, написанной поэтом и исполнителем Теодором Ботрелем (Théodore Botrel). В ней винтовочный штык, который в нейтральном регистре французского языка вербализуется при помощи лексемы женского рода *baïonnette*, персонифицируется путём обращения к женскому образу и уподобляется оружию Роланда и Карла Великого. Актуализация знаменитой немецкой 432 мм мортиры *grosse Bertha* (досл. 'Толстушка Берта') восходит к имени дочери Альфреда Круппа, крупнейшего промышленника и поставщика вооружений своей эпохи, на заводах которого производилась указанное оружие. Данное переосмысление имело интернациональный характер в период Первой мировой войны. Устаревшая траншейная мортира получает номинацию *louis-philippe* (досл. 'Луи-Филипп') по имени герцога Орлеанского, жившего в XVIII веке. Полевая пушка может переосмысляться как *Petit Pierre* (досл. 'маленький Пьер'). Последняя номинация носит, скорее, абстрактный характер и связана с воспоминаниями о мирной жизни в кругу семьи и

близких. Двухместная модель самолёта «Ньюпор», отличавшаяся недостаточным боевым оснащением, актуализируется как *Stéphane* (досл. ‘Стефан’) по имени известного французского поэта Стефана Малларме (*Stéphane Mallarmé*). Переосмысление содержит игру слов, которая основана на омонимии фамилии поэта и словосочетания *mal armé* (досл. ‘плохо вооружённый’). Учебный двухместный биплан «Ньюпор 18» (*Nieuport 18*) из-за своего широкого фюзеляжа получает прозвище *grosse-julie* (досл. ‘толстушка Жюли’) по имени героини популярной в то время в Париже песни «*Ma gross'Julie*» (‘Моя толстушка Жюли’).

Следует также отметить, что во время Первой мировой войны аналогичному персонифицирующему переосмыслению могли подвергаться и некоторые другие объекты военной реальности. Например: «*Volpatte remet sa décision à plus tard: – J' verrai ça demain au matin, quand j' mont'rai Philibert*» [Barbusse 1917, p. 195] (‘Вольпат откладывает решение на потом: – Определяюсь с этим завтра утром, когда уложу *Филибера*’). СЛЕВД *Philibert* (досл. ‘Филибер’) вербализует солдатский ранец, который был постоянным, каждодневным спутником фронтовика Первой мировой войны. Иногда подобная номинация может иметь девалоризирующую окраску. Например: *marie-salope* (досл. ‘потаскушка, грязнуля’ – ‘полевая кухня’), (*Madame/Tente Anastasie* (досл. ‘(мадам/тётушка) Анастасия’ – ‘военная цензура’). В последнем случае основой метафорического переноса является сатирический образ, созданный ещё до войны французским художником-карикатуристом Андре Жилем (*André Gill*) и представляющий злую женщину с ножницами.

Таким образом, в начале XX века обращает на себя внимание активное использование персонифицирующих имён-антропонимов преимущественно для метафорической вербализации вооружений и военно-технических средств, а также некоторых других неодушевлённых предметов, с которыми военнотружущие находились в повседневном контакте и которые оказывали влияние на их существование и выживание в условиях военных действий. На

наш взгляд, данный феномен во многом связан с тем, что человек начинает ассоциировать неодушевлённые предметы, с которыми он находится в длительном контакте и которые играют существенную роль в его жизни, с одушевлёнными существами. Это становится особенно актуальным в тех условиях жизни, которые лишают индивида полноценного контакта с его близким окружением. При этом неодушевлённые предметы начинают восприниматься как знакомые, друзья, защитники, возлюбленные и спутники жизни. Как справедливо отмечает исследователь Йёрн Леонхард (Jörn Leonhard), «<...> бегство в воображаемую нормальную жизнь, попытка уцепиться за довоенные образы родины, брака, семьи помогли обрести эмоциональное равновесие <...>» [Леонхард 2015, с. 16].

Абстрактный характер некоторых личных имён подчёркивает собирательность образа-источника номинации. Мы полагаем, что субстандартная персонифицирующая антропонимическая номинация может рассматриваться как один из индикаторов внутренних психологических потребностей, свойственных индивидам эпохи. Особенно наглядно данный феномен проявился в период масштабных потрясений начала XX века. Следует отметить, что для настоящего времени подобная практика антропонимической номинации в неинституциональном дискурсе является спорадической. Возможно, это может быть связано как с более рациональным мировоззрением современного человека, так и со значительным развитием средств связи, профессионализацией армии и достаточно отлаженной работой психологического сопровождения военнослужащих. В настоящее время использование имён-антропонимов наблюдается преимущественно в институциональном сегменте французского военного дискурса для номинации военно-технических средств и имеет зачастую выраженный рационально-логический и социально-мотивированный характер.

Частный концепт «Боеприпасы»

Анализ материала показывает, что в настоящее время субстандартная

метафорическая вербализация частного концепта «Боеприпасы» носит, скорее, спорадический характер. Например: *suppositoire* (досл. ‘суппозиторий’ – ‘морская торпеда’ или ‘воздушная ракета’), а СЛЕВД-словосочетание *les carottes et les navets* (досл. ‘морковки и репы’) актуализирует боеприпасы для стрельбы из миномёта. Оба переосмысления основаны на сходстве формы.

В начале XX века наиболее продуктивной оказывается сфера-источник «Реалии быта и привычного мира». Так, например, сигнальные или осветительные ракеты (*fusées éclairantes*) переосмысляются как *chandelles* (досл. ‘свечи’), бомба 245 калибра репрезентируется как *seau hygiénique* (досл. ‘мусорное ведро с крышкой’), а артиллерийский снаряд получает номинацию *chaudron* (досл. ‘котёл, чан’). При этом сфера «Еда», входящая в состав сферы-источника «Реалии быта и привычного мира», тоже может участвовать в вербализации данного концепта. Например, СЛЕВД *œuf de Pâques* (досл. ‘пасхальное яйцо’) номинирует осколочно-фугасный снаряд (*projectile explosible*), СЛЕВД *bouillon Kub* (досл. ‘бульон Куб’) актуализирует отдельные виды снарядов по их сходству с формой бульонных кубиков, которые появились в начале XX века и выпускались в цилиндрических жестяных коробочках. СЛЕВД *dragée de Verdun* (досл. ‘верденское драже’) может номинировать пулю.

При этом метафорический перенос значения номинации боеприпасов противника не демонстрирует существенных отличий по сравнению с переосмыслением номинации своих боеприпасов, однако, иногда актуализируется национальная принадлежность источников переноса. Например, СЛЕВД *tonneau de choucroute* (досл. ‘бочка кислой капусты’) и *fût-de-bière* (досл. ‘пивная бочка’) актуализируют преимущественно немецкие мортирные снаряды. СЛЕВД *marmite* (досл. ‘чугунок, котёл’) может вербализовать любой крупнокалиберный снаряд, тем не менее, чаще всего отмечается её употребление по отношению к немецким боеприпасам. Этот метафорический перенос значения впервые был отмечен в эпоху Людовика

XV и служил для номинации пушечного ядра без уточнения его принадлежности. В период Первой мировой войны СЛЕВД *marmite* породила такие неологизмы, как: *marmiter* ('обстреливать крупнокалиберными снарядами') и *marmitage* ('обстрел крупнокалиберными снарядами').

Гораздо реже для метафорической номинации боеприпасов привлекается сфера-источник «Фауна». Например, разновидность мины может ассоциироваться с образом голубя (*pigeon*), снаряд иногда получает номинацию *oiseau* (досл. 'птица') или *moineau* (досл. 'воробей'), а немецкий шрапнельный снаряд репрезентируется как *miaulant* (досл. 'мяукающий').

Нельзя не заметить, что некоторые метафорические номинации вооружений и боеприпасов имеют различные значения в разные временные периоды. Так, например, в начале XX века субстандартная СЛЕВД *cure-dents* (досл. 'зубочистка') обычно актуализирует штык, а лексическая единица *Oscar* (досл. 'Оскар') может иногда репрезентировать винтовку. В наши дни наиболее часто при помощи первой СЛЕВД номинируется кортик офицера ВВС, а вторая актуализирует тренировочный манекен для морских спасательных работ. Причём, если первое переосмысление служит для репрезентации сходных реалий, имеющих общий прототипический признак (острый предмет военного назначения), то второе относится к различным объектам-источникам. Метафорическое переосмысление начала XX века имеет персонифицирующую, эмоциональную мотивацию, тогда как современная метафора более рациональна. Её прототипическим признаком служит название сигнального флага Oscar из Международного свода сигналов. Весьма популярная в начале XX века СЛЕВД *marmite* (досл. 'котелок, чугунок'), которая, как было указано выше, репрезентировала в период Первой мировой войны крупнокалиберный снаряд и была основана на внешнем сходстве, может в наши дни наряду со СЛЕВД *cocotte* (досл. 'чугунная кастрюля') вербализовать судовой ядерный энергоблок на подводных лодках и кораблях. При этом современное метафорическое

наименование имеет в качестве прототипического признака сходство функций.

В целом произведённый анализ позволяет утверждать, что продуктивная метафорическая вербализация частных концептов «Боеприпасы» и «Вооружение» является характерной чертой субстандартного военного вокабуляра начала XX века, когда активному метафорическому переосмыслению преимущественно подвергались обычное огнестрельное и артиллерийское вооружение и комплектующие его боеприпасы. Данные реалии играли ведущую роль в условиях окопной войны и непосредственно от них зависело выживание человека и успех боевых действий.

В настоящее время метафорическая репрезентация обычных вооружений и боеприпасов происходит достаточно редко, она преимущественно сфокусирована на актуализации самих военнослужащих и военно-технических средств. По нашему мнению, это может быть связано с радикальным изменением способов ведения боевых действий и преобладанием неконтактных (часто воздушных) операций в совокупности с широким использованием военной техники. Соответственно, военно-технические средства и сами военнослужащие оказываются приоритетными в современных вооружённых силах. Занимая доминирующие позиции в сознании современных военнослужащих, они наиболее активно подвергаются метафорической вербализации. В пользу данного вывода свидетельствует и тот факт, что как в начале XX века, так и в наши дни реалии авиационной сферы активно и устойчиво служат объектом метафорического переосмысления. Авиация, начавшая формироваться как перспективный род войск на заре XX столетия и уже тогда оказывавшая существенное влияние на исход боевых действий, продолжает занимать одну из главенствующих позиций в структуре современных вооружённых сил. Данное наблюдение ещё раз подчёркивает тот факт, что в неинституциональном военном дискурсе метафорическим переосмыслениям подвергаются наиболее важные и

психологически значимые реалии военной сферы.

Изменения соотношения метафорической вербализации концепта «Военнослужащий», а также частных концептов «Боеприпасы» и «Вооружение» могут также отражать внутрикорпоративные приоритеты. Так, если в начале XX века солдаты рассматривались как менее важный и более легко восполнимый ресурс по сравнению с боеприпасами и вооружением, то сейчас солдаты-профессионалы гораздо более востребованы, чем обычные боеприпасы и вооружение, обеспечение которыми обычно не вызывает трудностей. Однако в начале XX века и в настоящее время маневренные, боевые и служебные действия служат объектом устойчивой метафорической репрезентации с сопоставимой регулярностью, что подчёркивает перманентную значимость данного аспекта профессиональной деятельности. Таким образом, анализ субстандартной метафоры позволяет лучше понять приоритеты и особенности восприятия военной сферы, свойственные носителям языка.

Частные концепты «Награды» и «Униформа»

Несмотря на то, что частные концепты «Награды» и «Униформа» относительно редко актуализируются с точки зрения метафоризации как в начале XX века, так и в наши дни, тем не менее, диахронический анализ позволяет выявить некоторые культурно-психологические особенности военного социума, связанные с данными концептами. Как показывают наблюдения, в оба периода отмечается вербальная манифестация ироничного и несколько уничижительного отношения к наградам. Так, например, Орден Почетного легиона (*Ordre national de la Légion d'honneur*) и национальный орден «За заслуги» (*Ordre national du Mérite*) могут ассоциироваться соответственно с холодной и горячей водой (*l'eau chaude et l'eau froide*) или знаками износа (*témoins d'usure*). Первое название дано из-за совпадения цветов наград и маркировки водопроводных кранов, а второе, вероятно, содержит в себе намёк на отданные службе здоровье и годы жизни. Медаль

национальной обороны (*Médaille de la Défense nationale*), учреждённая в 1981 году декретом министра обороны Шарля Эрню (*Charles Hernu*), в разное время метафорически актуализируется как 1) *Cochonou* (досл. ‘сосиски Кошону’), так как персонаж телерекламы этого продукта имел круглую медаль; 2) *médaille de l'armée rose* (досл. ‘медаль розовой армии’), где название обусловлено тем, что награда была учреждена во время президентства социалиста Франсуа Миттерана, а символом социалистической партии Франции является роза; 3) *Hernu Cross* (досл. ‘la croix de Hernu’ – ‘крест Эрню’), номинация содержит в себе имя министра обороны и намёк на британские боевые награды (французская награда имеет окурруглую форму).

Наряду с этим в начале XX века уже существовали дошедшие до наших дней метафорические переосмысления номинаций высших наград Республики, которые содержали некоторый обесценивающий элемент. Так, розетка Ордена Почетного легиона (*rosette de la Légion d'honneur*) вербализуется как *tomate* (досл. ‘помидор’), а медаль или Воинская медаль (*Médaille Militaire*) актуализируются как *banane* (досл. ‘банан’). Обе репрезентации сохранились до настоящего времени. В первом случае прототипическим признаком служит внешнее сходство формы и цвета. Во втором метафора, вероятно, была изначально основана на сходстве цветов орденской ленты с цветом плодов и листьев банановой пальмы. В настоящее время СЛЕВД *banane* может репрезентировать любую медаль или награду.

Можно полагать, что подобная ироническая репрезентация свидетельствует о некотором разочаровании военнослужащих в идеалах справедливости и определённой девалоризации официальных ценностей. Кроме того, в начале XX века военнослужащие достаточно часто награждались за участие в колониальных войнах, поэтому метафорические актуализации могли также отчасти отражать их отношение к этому роду боевых операций.

Интересно отметить, что СЛЕВД *accroche-coeur* (досл. ‘зацепи-сердце’),

которая актуализировала в начале XX века носимые на груди награды, не используется в настоящее время. Метафора основана на внешнем сходстве наград с модными в то время завитками женской причёски и содержала заметный эмоционально-романтический компонент. Её исчезновение из активного употребления может быть объяснено как влиянием экстралингвистического фактора, так и более рациональным и прагматичным восприятием реальности.

Кроме того, метафорические переосмысления периода Первой мировой войны могут быть окрашены в оттенки безысходности и ассоциироваться с мрачным юмором, а вербализующие их субстандартные СЛЕВД содержат в своём значении сему смерти. Например, Орден Почетного легиона, полученный за выслугу лет или в качестве поощрения, а не за участие в боевых действиях, актуализируется как *sang des autres* (досл. ‘кровь других’).

С другой стороны, перманентно присутствующий в начале XX века и в настоящее время юмористический компонент может указывать на традиционное неприятие в любой военной среде открытого карьеризма. Такие метафорические СЛЕВД, как *batterie de cuisine* и *vaisselle*, репрезентирующие ‘иконостас’ (большое количество носимых на груди наград), существовали в начале XX века. В настоящее время они являются несколько устаревшими и используются, в основном, по отношению к пожилым военнослужащим. Однако они содержат в своей семантике элемент добродушной иронии, который не умаляет ни ценности конкретных наград, ни ратных заслуг человека. В частности, выражение *mettre la vaisselle à l'air* (досл. ‘выставить посуду на воздух’ – ‘надеть большое количество наград’) было известно уже в период наполеоновских войн.

Сходное ироническое отношение может проявляться и к парадно-выходной форме, которая способна наделяться образом канавной одежды (*tenue de caniveau*), обезьяньей одежды (*tenue de singe*) или рекламы белого Бонукса (*pub blanc Bonux*). Первое переосмысление связано с тем, что

злоупотребление алкоголем во время официальных приёмов заканчивается иногда ночью, проведённой в канаве. Вторая номинация употребительна во флотской среде и содержит намёк на цирковых обезьянок, которых красиво одевали для показа номера. Прототипическим признаком третьей служит цвет формы морских офицеров и офицеров DGA (*Direction générale de l'Armement*), а также реклама стирального порошка «Бонукс».

В начале XX века элементы униформы также могут служить объектом юмористической репрезентации. Например: «*Barque nous l'explique, bien que nous le sachions: – Le pot de chambre te protège suffisamment l'caberlot contre les billes de plomb*» [Barbusse 1917, p. 226] ('Барк нам объясняет, хотя мы это знали: – Ночной горшок достаточно защищает башку от свинцовых шариков'). В данном случае юмористическое метафорическое переосмысление основано на сходстве формы и позволяет репрезентировать каску Адриана.

Таким образом, метафорическая актуализация военных наград и униформы во многом связана с особенностями военного этоса и присутствует как в начале XX века, так и в настоящее время.

К особенностям эволюции субстандартной метафорической номинации следует отнести использование различных метафорических наименований, используемых как для репрезентации штатных должностей, так и для обозначения отдельных военнослужащих. Данные репрезентации могут отличаться выраженной юмористической составляющей. Например, делопроизводитель Генштаба, чаще всего офицер в звании капитана, актуализируется как *indien* (досл. 'индеец'), поскольку писчее перо является его неизменным атрибутом. Военный секретарь-администратор (*secrétaire militaire*) получает номинацию *socrate* (досл. 'Сократ'), которая основана на сходстве звучания акронима *SECRADE* (*secrétaire administratif*) и имени греческого философа.

Иногда с течением времени происходит изменение метафорического вербализатора. Так, например, в конце XIX-начале XX века старшине

корабельной полиции (*capitaine d'armes* на флоте) часто соответствовала метафорическая номинация посредством деперсонифицирующего вербализатора *linguet* (досл. 'стопор, шпонка, защёлка') или иногда посредством лексемы *mage* (досл. 'маг'). Данные репрезентации были особенно распространены в 1910 годы в Высшем военно-морском училище. Последний вербализатор был связан с безупречным видом военнослужащего и представлял собой сокращение от *Majestic* (досл. англ. 'Величественный'). Первый из них имел своим основанием метафорическое переосмысление функционального характера, поскольку, подобно стопору, старшина мог блокировать свободу нарушителя дисциплины. Однако в дальнейшем закрепилось употребление другой метафорической номинации с более сложным переосмыслением. В настоящее время наиболее привычной является номинация *bidel* (досл. 'Бидель'). Соответственно, *Bureau du Service Courant* – рабочее место военнослужащего актуализируется как *bidellerie* (досл. 'бидлерия'). Номинация связана с фамилией известного в 1880 годы исторического персонажа – французского дрессировщика диких животных Франсуа Биделя (*François Bidel*), родившегося в 1839 году. Переосмысление содержит заметную юмористическую коннотацию, эксплицитно ориентированную на самого старшину и имплицитно – на остальных членов экипажа военного корабля, поскольку они ассоциируются с дикими животными, подлежащими дрессировке.

Интересно отметить, что, возникнув изначально во флотской среде, данная репрезентация присутствует и в наши дни среди военнослужащих мобильной жандармерии. Она служит для репрезентации аджюдана эскадрона (*adjudant d'escadron*). Однако с течением времени лёгкость интерпретации данного переосмысления, несомненно, утрачивается.

Анализируя окказиональные прозвища военнослужащих, можно также отметить наличие юмористического компонента, который присутствует как в начале XX века, так и в наши дни. Приведем в качестве примеров: «*Il faut*

vous dire que Mortauboche est le plus fieffé chenapan que je connaisse, mais je ne dois pas manquer d'ajouter qu'il est aussi le plus courageux de mes poilus» [Contes..., 1915, p. 54] ('Нужно вам сказать, что Мортобош – самый отпетый шалопай, которого я знаю, но при этом я должен непременно добавить, что он самый храбрый из моих пуалю'). Прозвище *Mortauboche* является телескопированным производным от *mort au boche* (досл. 'смерть бошу'). Данное метафорическое переосмысление, несомненно, основано на боевых качествах индивида и имеет выраженную психологическую мотивацию, отражающую отношение к противнику.

Рассмотрим ещё пример: «*Sa bande d'EO était dirigée par l'adjudant-chef Miche, que tout le monde surnommait Barbe-Rousse en raison de sa ressemblance étonnante avec le célèbre pirate de bande dessinée Barbe-Rouge...*» ('Его шайкой разведчиков-наблюдателей командовал старший аджудан Миш, которого все звали Барбаросса из-за его впечатляющего сходства со знаменитым пиратом из комикса Красная Борода') [Douady 2012, p. 234]. Помимо сходства с персонажем популярного комикса, прозвище *Barbe-Rousse*, переводящееся дословно 'Рыжая Борода', содержит активный коннотативный семантический компонент, связанный с историческими личностями, которые носили это имя и отличались воинственным характером.

Как показывают наблюдения, альтернативные неформальные наименования воинских подразделений также являются традиционными для французской армии. Они во многом являются отражением военного этоса и зачастую содержат юмористический компонент. Например, на сайте Министерства обороны Франции, в разделе, посвящённом 35-му пехотному полку (35e regiment d'infanterie), можно прочитать: «*Le régiment inscrit quatre victoires supplémentaires à son drapeau au cours de la 1re Guerre Mondiale <...> Au sein de la division des As, il combat sous le nom de "régiment de l'As de trèfle"»* ('Полк вписывает четыре победы на своё знамя во время Первой мировой войны <...> В составе дивизии Тузов он сражается под названием

Трефовый туз»). Отметим также, что наименование ‘дивизии Тузов’ в период Первой мировой войны носила 14^я пехотная дивизия (14e division d'infanterie).

Интересно также рассмотреть пример: «*Les Cèdres de la 4e Compagnie voyageraient donc en hélicoptère, et les Boucs de la 2e en bétailière <...>*» (‘Кедры из 4^й роты полетят на вертолёт, а Козлы из 2^й поедут в фургоне для скота...’) [Douady 2012, p. 225]. В данном примере использование субстандартной репрезентации военнослужащих восходит к альтернативным наименованиям различных рот, входящих в состав Второго полка морской пехоты (2 RIMa). С формально-логической точки зрения, их использование в приведённом примере является избыточным. Однако шуточно-игровая актуализация снижает негативное восприятие неприятного факта текущей службы. В данном случае под фургоном для скота подразумевается VAB (véhicule de l'avant blindé) – бронированная машина переднего края, которая не отличается комфортностью.

Как в начале XX века, так и в наши дни метафорические вербализаторы могут играть роль эвфемизмов. Однако в неинституциональном военном дискурсе подобные переосмысления носят весьма ограниченный характер. Например: «<...> *Dès que j'ai vu l'ennemi, que j'ai entendu le premier coup de feu, alors, je retrouve tout mon calme, et je ne songe qu'à bien tirer pour descendre le plus de Boches possible <...>*» (‘<...> Как только я увижу врага, как только услышу первый выстрел, я обретаю всё свое хладнокровие и думаю только о том, как получше стрелять, чтобы убить побольше бошей <...>’) [Galopin 1915, p. 171]. Использование глагола *descendre* (досл. ‘спускаться/спускать’) в значении ‘abattre/abattre d'un coup de fusil’ (‘убить, пристрелить, свалить’) позволяет не только избежать употребления лексической единицы *tuer* (‘убивать’), но и содержит эксплицитную эмоциональную коннотацию, которая способствует актуализации жестокой реальности текущего момента без использования вульгарной лексики.

Анализ метафорической репрезентации начала XX века позволяет чётко

проследить связь между метафорической синонимией и психологической значимостью актуализируемой реалии. По мнению A. Dauzat, возникновение данной синонимии может быть объяснено сегментированной структурой вооружённых сил, каждый сектор которых представляет собой более или менее изолированное сообщество [Dauzat 1918, p. 72]. С этим нельзя не согласиться, однако, мы полагаем, что феномен метафорической синонимии, наблюдаемый в неинституциональном военном дискурсе, напрямую связан с психологической значимостью для человека вербализуемых реалий. Например, *75 мм полевая пушка*, состоявшая на вооружении французской армии, может иметь следующие метафорические репрезентации: *mirliton* (досл. ‘дудка’), *faucheur* (досл. ‘косарь’), *petit français* (досл. ‘маленький француз’), *Julot* (досл. ‘простореч. Жюль’), *Charlotte* (досл. ‘Шарлотта’) и некоторые другие. *Пулемёт* актуализируется как *moulin à café* (досл. ‘кофемолка’), *machine à coudre* (досл. ‘швейная машинка’), *crécelle* (досл. ‘трещотка’), *écrémeuse* (досл. ‘молочный сепаратор’), *machine à découdre* (досл. ‘расшвейная машинка’/‘машина для расшивки’), *machine à signer les permissions* (досл. ‘машина для подписи увольнительных’). Принятие на вооружение этих видов оружия оказало существенное влияние на характер ведения боевых действий, а также на уровень невозвратных потерь в действующей армии.

Французская армейская каска, разработанная генералом Луи Адрианом (Louis August Adrian) и известная также как шлем Адриана, метафорически вербализуется как *casserole* (досл. ‘кастрюля’), *cloche* (досл. ‘колокол’), *panier à salade* (досл. ‘корзинка для салата’), *éteignoir* (досл. ‘гасильник для свечей’), *bol* (досл. ‘пиала/миска’), *soupière* (досл. ‘супница’), *pot de chambre* (досл. ‘ночной горшок’), *melon* (досл. ‘дыня’). Введение в обмундирование защитного шлема Адриана позволило спасти многие жизни.

Пули и осколки снарядов, которые калечили людей и уносили множество жизней, получили следующие метафорические номинации: *abeille*

(досл. ‘пчела’ – ‘мелкий осколок снаряда или пуля’), *cigale* (досл. ‘цикада’ – ‘осколок снаряда’), *mouche /mouche à miel* (досл. ‘муха/медовая муха (пчела)’ – ‘пуля, мелкий осколок снаряда’), *marron* (досл. ‘каштан’ – ‘пуля’ или ‘осколок’), *pruneau* (досл. ‘чернослив’ – ‘пуля’).

Артиллерист метафорически актуализируется при помощи таких СЛЕВД, как *arroiseur* (досл. ‘разбрызгиватель’), *boucher noir* (досл. ‘чёрный мясник’, обычно в форме множественного числа) или *sirage* (досл. ‘вакса’, ‘гуталин’). Артиллерия играла важную роль во время боевых действий и зачастую решала исход сражений, причиняя значительные потери в живой силе и технике.

Заведующий почтовой службой подразделения (*vaguemestre*) репрезентируется при помощи метафорических вербализаторов, имеющих положительную эмоционально-оценочную коннотацию: *marchand de baisers* (досл. ‘торговец поцелуями’), *messenger d'amour* (досл. ‘любовный посланник’), *sourire* (досл. ‘улыбка’), *Erème* (досл. ‘R.M.’). Последняя метафорическая репрезентация содержит элемент юмора и является сокращением от *ravitaillement moral* (досл. ‘моральное обеспечение’). Именно этот человек прочно ассоциировался в сознании военнослужащих с домом, близкими и возлюбленными.

Полевая кухня может обозначаться такими метафорами, как *machine à couper l'appétit* (досл. ‘машина по отрезанию аппетита’), *lance-bombes* (досл. ‘бомбосбрасыватель’), *marie-salope* (досл. ‘грязнуля, потаскушка’), *mitrailleuse à haricots* (досл. ‘пулемёт, стреляющий фасолью’), *canon à rata* (досл. ‘пушка, стреляющая жратвой’), *nourrice* (досл. ‘кормилица’), *sous-marin* (досл. ‘подводная лодка’), *torpilleur (à roulettes)* (досл. ‘миноносец (на колёсиках’). При этом практически все метафорические переосмысления, в том числе СЛЕВД *nourrice*, которая более соотносится не с человеком, а с промышленной канистрой (*nourrice industrielle*), служащей для заполнения азростата, содержат ироническую или иронически-негативную коннотацию,

что, несомненно, связывается с существовавшими острыми проблемами регулярности и качества снабжения.

Ещё одной особенностью современных метафорических репрезентаций, которую нельзя не отметить, является использование англоязычных заимствований. Например: «*Nous finîmes de tout préparer alors que les différents chefs de section écoutaient religieusement le colonel Héluin délivrer son rehearsal (“répétition”) devant une grosse caisse de sable <...>*» («Мы закончили наши приготовления, в то время как командиры подразделений благоговейно внимали полковнику Элюэну, который проводил репетицию перед большим ящиком с песком <...>») [Douady 2012, p. 165]. Использование метафорической СЛЕВД *rehearsal* (досл. ‘репетиция’) позволяет получить дополнительное представление о характере брифинга, на котором подробно обсуждались детали предстоящей операции. По нашему мнению, обращение к англоязычному синониму может быть отчасти обусловлено международным характером подавляющего большинства современных военных операций, что предполагает частые контакты с англоязычными коллегами. С другой стороны, принадлежность метафорического мышления к общечеловеческим способностям, обуславливает в ряде случаев формирование в различных языках очень близких ассоциаций для репрезентации определённых видов информации [Глазунова 2000, с. 175]. Кроме того, в некоторых ситуациях английские синонимы делают речь более краткой.

Анализ практического материала также свидетельствует о том, что в начале XX века и в настоящее время метафорическая репрезентации реалий военной сферы имеет достаточно рациональный характер. Её эмоциональное значение обычно не доминирует над логическим, как это свойственно, например, социолектам некоторых маргинальных субкультур [Лихачёв 1993б, с. 71]. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению рационально-логической мотивации метафорических переносов значения.

Итак, метафора систематически использовалась в неинституциональном

французском военном дискурсе для репрезентации субъектов и реалий военной сферы в начале XX века и продолжает использоваться в настоящее время. Однако её регулярность и состав метафорических вербализаторов изменяются с течением времени. С нашей точки зрения, ведущими факторами, предопределяющими продуктивное использование метафоры как источника альтернативной субстандартной номинации реалий военной сферы, выступает рационально-логический характер метафорических переосмыслений, а также их выраженный коннотативный и семиотический потенциал. Проведенное когнитивное и диахроническое исследование позволяет расценивать субстандартную метафорическую номинацию как историческую языковую универсалию, отражающую специфику внутрикорпоративной идентификации французских военнослужащих, а также культурно-психологические особенности и пути постижения реалий профессионального мира, свойственные носителям языка данной социальной группы в различные исторические периоды.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Результаты анализа метафорической концептуализации реалий военной сферы в когнитивном и диахроническом аспектах приводят к следующим выводам:

1) В неинституциональном французском военном дискурсе функционируют как антропоцентрические, так и неантропоцентрические метафоры, причём антропоцентрические доминируют в количественном плане.

2) В начале XX века «наивный» (обыденный) тип переосмысления реальности является доминирующим. Метафорические модели, связанные со сферами-источниками «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна», выступают перманентными и наиболее устойчивыми составляющими субстандартной метафорической номинации. Данные концепты являются

основными источниками метафорических номинаций реалий военной сферы в неинституциональном французском военном дискурсе. Они сохраняют высокую степень регулярности своей реализации в оба периода и могут быть расценены как основополагающие компоненты метафорической системы в неинституциональном французском военном дискурсе.

3) Субстандарный вокабуляр является важным, но весьма подвижным компонентом военного дискурса. Несмотря на то, что исследуемые исторические периоды (XX век и настоящее время) разделены сравнительно небольшим временным интервалом, социально-экономические изменения и связанная с этим эволюция ментальности оказали заметное влияние на лексическую и семантическую динамику метафорического вокабуляра французских военнослужащих.

4) Свершившийся во Франции за период с начала XX века до настоящего времени научно-технический прогресс оказал воздействие на самосознание и менталитет французских военнослужащих, что повлияло на изменение характера метафор. В настоящее время в неинституциональном французском военном дискурсе меньше метафор, этимологически восходящих к неодушевлённым объектам окружающей действительности с целью номинации сослуживцев.

5) Современные метафоры неинституционального французского военного дискурса по сравнению с метафорами начала XX века характеризуются большей степенью семантической сложности, рациональности и логичности. Среди них значительно меньше, чем в начале XX века, метафор, семантически связанных с представлением о смерти и трагедии.

6) В современном неинституциональном французском военном дискурсе появились метафоры, заимствованные из английского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данного диссертационного исследования, необходимо подчеркнуть, что с развитием когнитивной парадигмы изучение метафоры вышло на качественно новый уровень. Предположение о том, что человек мыслит при помощи ментальных конструктов, позволило Дж. Лакоффу и М. Джонсону сформулировать теорию, которая даёт возможность анализировать феномен метафоры в непосредственной связи с сознанием и личным когнитивным и сенсомоторным опытом человека. Подобный синкретический взгляд предполагает широкое привлечение к исследованию процесса возникновения метафор не только в лингвистическом, но и в психологическом и в социокультурном планах. Кроме того, в настоящее время всё большее число учёных высказывает мнение о целесообразности когнитивного и диахронического изучения метафорической системы, поскольку данный подход предполагает систематизированное рассмотрение взаимоотношений когнитивной и языковой систем с учётом принципа историзма, а также позволяет прогнозировать их эволюцию. То же самое можно сказать и о дискурсе, поскольку он может характеризоваться не только в языковом, но и в неязыковом плане.

Узуальные метафоры, как и окказиональные, особенно свойственные неинституциональному военному дискурсу, могут категоризировать и реструктурировать репрезентацию реалий профессиональной сферы. Их изучение также представляет исследовательский интерес, поскольку оно позволяет выявить особенности постижения реальности, присущие носителям языка.

Военная сфера может быть представлена в виде концептосферы, состоящей из трёх концептов («Военнослужащий», «Военная реалья», «Противник»), которые вербализуются посредством СЛЕВД как в стандартном (формализованном), так и в субстандартном вокабуляре. Два концепта из трёх («Военнослужащий» и «Военная реалья») состоят, в свою

очередь, из частных концептов, количество и вербальные номинации которых в стандартном и субстандартном вокабулярах могут совпадать или нет.

Метафорические номинации в современном институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе образуются на основе антропоцентрической и неантропоцентрической метафоры. «Наивное» (обыденное) переосмысление реалий военной сферы является основным средством постижения профессионального мира французскими военнослужащими. Данное средство полностью реализуется в антропоцентрической метафоре, которая демонстрирует высокую степень продуктивности как в институциональном, так и в неинституциональном французском военном дискурсе. При этом сфера-источник «Реалии быта и привычного мира» может рассматриваться как понятийное ядро областей-источников метафорической репрезентации военных реалий. Сферы-источники «Одушевлённое существо» и «Ощущения» образуют приядерную зону метафорической номинации в формализованном вокабуляре и периферийную в субстандартном.

Формализация лексики не оказывает существенного влияния на регулярность использования сферы-источника «Реалии быта и привычного мира», однако, она может повышать степень продуктивности таких сфер-источников, как «Одушевлённое существо» и «Ощущения», которые отражают первичный опыт познания человеком самого себя и в то же время служат проявлением его индивидуального мировоззрения.

Сфера-источник «Фауна» связана с первичным опытом познания человеком внешнего мира, является доминирующей в неантропоцентрическом сегменте метафорической номинации как в институциональном, так и в неинституциональном французском военном дискурсе. С учётом продуктивности сфера-источник «Фауна» принадлежит к семантической периферии областей-источников метафорической номинации в формализованном вокабуляре и к приядерной области в субстандартном. В

целом формализация лексики способствует снижению общей продуктивности неантропоцентрической метафоры, что относится и к сфере-источнику «Фауна».

Результаты когнитивного и диахронического анализа свидетельствуют о том, что в первой четверти XX века и в настоящее время метафорические модели, связанные со сферами-источниками «Реалии быта и привычного мира» и «Фауна», служат постоянными составляющими субстандартной метафорической номинации. Наиболее частыми объектами метафорического переосмысления являются актуальные и востребованные реалии военной сферы, связанные с такими концептами, как «Военнослужащий», «Военно-технические средства», «Маневрирование, боевые действия».

Кроме того, в ходе исследования выявлены три основные функциональные группы метафорических переосмыслений во французском военном дискурсе: 1) функции, способствующие актуализации когнитивно-прагматических потребностей военного социума (номинативная, когнитивная, коммуникативная, дидактическая, конспиративная, функция экономии речи); 2) функции, способствующие актуализации индивидуальных культурно-психологических потребностей и адаптации личности в стрессовых ситуациях (эмоционально-оценочная и людическая); 3) функции, способствующие актуализации мировоззрения (камуфлирующая, обобщающая и ритуальная).

Результаты анализа позволяют утверждать, что реализация вышеперечисленных функций различается в институциональном и неинституциональном французском военном дискурсе. Функции первой группы стабильно реализуются как в институциональном, так и в неинституциональном дискурсе.

Реализация функций второй группы наименее выражена в институциональном военном дискурсе. Эмоционально-оценочная и людическая функции оказываются тесно взаимосвязанными в неинституциональном военном дискурсе. Как показывают результаты

исследования, эмоционально-окрашенные метафорические номинации в субстандартном вокабуляре обуславливаются влиянием внешних психологических факторов. Устойчивость реализации людической функции метафоры свидетельствует как о значимости игрового компонента в повседневной жизни военнослужащих, так и о их творческом резерве в создании метафорических номинаций.

Реализация функций третьей группы имеет ограниченный характер как в институциональном, так и в неинституциональном французском военном дискурсе. Она может рассматриваться либо как манифестация архаичности мышления, либо являться следствием актуализации социально мотивированных запретов. В институциональном французском военном дискурсе реализация функций данной группы отличается значительной мотивированностью рационально-логическими социально обусловленными запретами. Востребованность подобных функций во многом зависит от текущего экстралингвистического окружения и социально-корпоративных особенностей.

Свершившийся во Франции за период с начала XX века до настоящего времени научно-технический прогресс оказал воздействие на самосознание и менталитет французских военнослужащих, что повлияло на изменение характера метафор. В настоящее время в неинституциональном французском военном дискурсе меньше метафор, этимологически восходящих к неодушевлённым объектам окружающей действительности с целью номинации сослуживцев.

Эволюция метафоры в неинституциональном французском военном дискурсе заключается также в том, что современные метафоры неинституционального французского военного дискурса по сравнению с метафорами начала XX века характеризуются большей степенью семантической сложности, рациональности и логичности. Среди них значительно меньше, чем в начале XX века, метафор, семантически связанных

с представлением о смерти и трагедии. В современном неинституциональном французском военном дискурсе, кроме французских метафор, существуют также метафоры, заимствованные из английского языка.

Результаты произведённого комплексного анализа дают основание заключить, что метафорическая номинация представляет собой систему с присущими ей закономерностями. Кроме того, метафора является универсальным и неотъемлемым компонентом французского военного дискурса.

Исследование метафоры во французском военном дискурсе в когнитивном и диахроническом аспектах может быть продолжено прежде всего с целью установления эволюционных тенденций в функционировании метафоры, что позволило бы изучить эволюционный процесс в реализации функций метафоры в обоих типах дискурса. Помимо этого, с учётом полученных в данной работе результатов представляется весьма значимым и перспективным исследование метафоры в военном дискурсе в когнитивном и диахроническом аспектах на материале других языков, в частности романских, что позволило бы внести весомый вклад в развитие не только романистики, но и сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научные источники

1. Агеев, С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: автореф. дис. ... кандидата филол. наук / С.В. Агеев. – СПб. 2002. – 19 с.
2. Аникин, Е.Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 26-32.
3. Апель, К.О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики / К. О. Апель // Трансформация философии. М., 2001. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
4. Апресян, Ю.Д. О регулярной многозначности / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Сер. «Лит. и яз.» – 1971. – Вып. 6. – С. 509-523.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека: монография / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека: Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова – М.: Яз. рус. культ., 1999. – 896 с.
7. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... доктора филол. наук / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1997 – 330 с.
8. Балашова, Л.В. История русской метафоры: когнитивный аспект / Л.В. Балашова. – Saarbrücken: LAP GmbH & Co. 2011. – 534 с.
9. Балашова, Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л.В. Балашова. Москва: Языки славянской культуры, 2014 – 496 с.
10. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014 – 632 с.
11. Бахтин, М.М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 т. – М.: Русские словари, 1997 – Т. 5 – 730 с.

12. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Языкознание, или лингвистика, XIX века / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1 – 391 с.
13. Бойко, Б.Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) / Б.Л. Бойко // Армия и общество. – 2008а. – №. 4.
14. Бойко, Б.Л. Военный жаргон в армейских субкультурах (на материале русского и немецкого языков) / Б.Л. Бойко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008б. – №. 10. – С.54-57.
15. Бойко, Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Б.Л. Бойко. – М., 2009. – 56 с.
16. Бойко, М.Г. Структурно-семантические особенности формирования бронетанковой терминологии в английском языке: автореф. дис.... кандидата филол. наук / М.Г. Бойко. – Омск, 2011. – 26 с.
17. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. – № 1. – С. 18-35.
18. Будаев, Э.В. Методика диахронического анализа политической метафорики / Э.В. Будаев, О.Н. Кондратьева, Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. Вып. 6 (60). – 2016. – С. 18-31.
19. Бучина, Г.А. Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления: автореф. дис.... кандидата филол. наук / Г.А. Бучина. – Саратов, 2003. – 25 с.
20. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
21. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С.133-152.

22. Величковский, Б.М. Психология восприятия / Б.М. Величковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 80 с.
23. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
24. Витгенштейн, Л. Философские работы / пер. с нем.: сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой / Л. Витгенштейн. – М., 1994. – Ч. 1. – 612 с.
25. Воркачѳв, С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачѳв // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003 – Т. 17. Вып. 2. – 268-276 с.
26. Ворожейкина, И.А. Лингвокультурологическая характеристика военного сленга современного русского языка : автореф. дис.... кандидата филол. наук / И.А. Ворожейкина. – М., 2005. – 19 с.
27. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
28. Гарбовский, Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков): монография / Н.К. Гарбовский. – М., 1988. – 144 с.
29. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
30. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
31. Горбань, Л.В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Горбань. – Мурманск, 2008. – 26 с.
32. Грайс, П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова / П. Грайс // Философия языка: пер. с англ. / ред.–сост. Дж. Р. Серл. – М., 2011. – С.75-98.
33. Гриненко, К.М., Грушевская, Т.М. Структурно-семантический уровень оценки в дискурсе предметной области «Дегустация вина» / К.М.

Гриненко, Т.М. Грушевская // Дискурс в синтагматике и парадигматике / под ред. Н.Ю. Фанян. – Краснодар, 2018. – С. 52-59.

34. Грушевская, Т.М. Рекламный дискурс через призму стилистического своеобразия текстового материала (на примере французского текста) / Т.М. Грушевская // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 29-33.

35. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-35.

36. Дуброва, Ю.Ю. Структурно–содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов): дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Дуброва. – М., 2015. – 201 с.

37. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173-193.

38. Егоршина, Н.В. Несколькословные термины в военном подъязыке (ономасиологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Егоршина. – М., 1995. – 23 с.

39. Елоева, Л.Т. Метафора в творчестве Гумилева: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Т. Елоева – М., 1999. – С. 14-17.

40. Захарчук, О.А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Захарчук. – Челябинск, 2007 – 21с.

41. Зенкова, Л.Н. Структурно–семантическая характеристика военной артиллерийской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Зенкова. – СПб., 1991. – 19 с.

42. Игнатъева, А.С. Окказиональная метафора: семантический подход / А.С. Игнатъева // Язык и культура (Новосибирск). – 2017. – №. 27. – С. 161-164.
43. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
44. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №. 2. – С. 3-21.
45. Кивилева, Е.Б. Механизмы номинации единиц военной техники (на материале названий американских и британских кораблей): автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.Б. Кивилева. – М., 2017. – 24 с.
46. Кликушина, Т.Г. Принципы систематизации специальной лексики: на примере русских и английских наименований оружия: автореф. дис. канд. филол. наук / Т.Г. Кликушина. – Тамбов, 2007. – 21 с.
47. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.И. Кобозева // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 2001. – №6. – С. 132-149.
48. Кожин, А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны / А.Н. Кожин. – М., 1985. – 325 с.
49. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
50. Колоколова, Л.П. Базовые категории в когнитивном исследовании / Л.П. Колоколова // Русский язык: история и современное функционирование: сборник научных трудов: посвящается памяти О.М. Трахтенберг / М-во образования и науки Рос. Федерации, Стерлитамак. фил. Башк. гос. ун-та [отв. ред. Л.А. Шнайдерман]. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. – 203 с. – С.120-130.
51. Кондратьева, О.Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект): монография / О.Н. Кондратьева. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2015. – 237 с.

52. Кондратьева, О.Н. Диахроническая метафорология как новое направление когнитивно–дискурсивных исследований / О.Н. Кондратьева // Сборник научных трудов по материалам I Всероссийской научно–практической конференции / под ред. Е.Ю. Балашовой. – Язык – Коммуникация – Образование: методология исследования и практика преподавания. – Саратов, 2017. – С. 44-47.

53. Коровушкин, В.П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) / В. П. Коровушкин // Вестник ОГУ. – 2003. – № 4. – С. 53-59.

54. Коровушкин, В.П. Основные социолингвистические и этикостилистические черты субстандартных антропонимов в русском военном социолекте XVIII-XXI веков как вербальное проявление русской военной субкультуры: Социоантропонимический подход / В.П. Коровушкин // Материалы докладов межрегиональной научной конференции / под ред. Г.Н. Чиршевой. – Череповец : ЧГУ, 2012. – С. 32-67.

55. Кочарян, Ю.Г. Метафора и метонимия в терминообразовании 'на примере английской военной терминологии / Ю.Г. Кочарян // Вестник УРАО, 2012. – №1 (59). – С. 120-123.

56. Кравцов, С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») / С.М. Кравцов. – Ростов н/Д, 2008. – 312 с.

57. Кравцов, С.М. К проблеме языковой концептуализации мира (на примере русской и французской фразеологии) / С.М. Кравцов // Язык. Дискурс. Текст. – Ростов н/Д: АкадемЛит, 2012. – С. 61-63.

58. Красных, В.В. Базовые метафоры русской лингвокультуры в творчестве К. Васильева / В.В. Красных / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных М.: МАКС Пресс, 2014. – 100 с.

59. Кретов, А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. – №1. – С.7-13.

60. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – М., 1994. – № 4. – С.34-37.

61. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. Ч. 1. Метафорология: проникновение в реальность / О.Н. Лагута. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. – 114 с.

62. Лазаревич, С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона: семантико-словообразовательный анализ : автореф. дис. . канд. филол. наук / С.В. Лазаревич. – Н. Новгород, 2000. – 22 с.

63. Лату, М.Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: автореф. ...канд. филол. наук / М.Н. Лату. – Ростов н/Д, 2009. – 26 с.

64. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

65. Лейчик, В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков / В.М. Лейчик // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. – М., Рязань. – 2007. – С. 144-238.

66. Леонхард, Й. Ящик Пандоры XX века: Первая мировая война / Й. Леонхард // Идеи и Идеалы. – 2015. – № 3(25), Т. 1, – С. 7-19.

67. Лихачев, Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д.С. Лихачёв // Статьи ранних лет. – Тверь, 1993б. – С. 54-94.

68. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993а. – Т. 52. – №. 1. – С. 147-165.

69. Лупанова, Е.В. Фразеологическая картина мира представителя англо-американской военной субкультуры: Фразеологическая картина мира

представителя англо-американской военной субкультуры: дисс. ... канд. филол. наук / Е.В. Лупанова. – М., 2018. – 228 с.

70. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

71. Малюга, Е.Н. Основные характеристики профессионального языка / Е.Н. Малюга // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – № 1/2 (82). –2011. – С.133-139.

72. Манукян, Я.А. Концептуально–фреймовая модель языковой игры в субкультуре немецких военнослужащих (1871–1945): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.А. Манукян. – Пятигорск, 2011. – 24 с.

73. Махов, А.С. К вопросу о лексико-семантических особенностях сленга военнослужащих корпуса морской пехоты Вооружённых Сил США (USMC) / А.С. Махов, Д.С. Храмченко // Научный альманах. – 2015. – №. 11. – С. 337-341.

74. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236-283.

75. Миньяр-Белоручев, Р.К. Учебник военного перевода. Французский язык. Общий курс: учеб. пособие / Р.К. Миньяр-Белоручев, В.П. Остапенко, А.Ф. Ширяев. – М.: Воениздат, 1984. – 421 с.

76. Митчелл, П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация / П.Д. Митчелл // Язык и культура. – 2014а. – №. 3 (27). – С.64-73.

77. Митчелл, П.Д. Американский военный сленг. Влияние Войны в Персидском заливе / П.Д. Митчелл, И.С. Холдаенко // Язык и культура. – 2014а. – № 4 (28). – С. 46-52.

78. Митчелл, П.Д. Американский военный сленг. Влияние Войны во Вьетнаме / П.Д. Митчелл, И.С. Холдаенко // Язык и культура. – 2015б. – №2. – С. 37-43.

79. Митчелл, П.Д. Американский военный сленг. Влияние Войны против терроризма / П.Д. Митчелл, И.С. Холдаенко // Язык и культура? 2016. – № 1 (33). – С. 25-32
80. Митчелл, П.Д. Американский военный сленг. Влияние Корейской войны / П. Д. Митчелл, И.С. Холдаенко // Язык и культура? 2015а. – № 2. – С. 51-57.
81. Митчелл, П.Д. Американский военный сленг. Статья 1: Влияние Первой мировой войны / П.Д. Митчелл, И.С. Холдаенко // Язык и культура. – 2014б. – № 4 (28). – С. 64-71.
82. Москвин, В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – М.: Ленанд, 2006. – 184 с.
83. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике: учеб. пособие / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 21-51.
84. Нелюбин, Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Изд. 2-е, перераб. и доп. / Л.Л. Нелюбин. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 187 с.
85. Олянич, А.В. Презентационные стратегии в военно–политическом дискурсе / А.В. Олянич // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2003. – №3. – С.119-126
86. Оришак, О.В. Профессиональная речь российских и французских военнослужащих (сопоставительный аспект) / О.В. Оришак // Вестник военного университета. – 2008. – №4 (16). – С. 108-115. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/professionalnaya-rech-rossiyskih-i-frantsuzskih-voennosluzhaschih-sopostavitelnyy-aspekt>
87. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.

88. Панкова, В.К. Раздельнооформленные единицы номинации во французской военной терминологии (на материале терминов военного искусства): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.К. Панкова. – Минск, 1992. – 22 с.

89. Пауль, Г. Принципы истории языка. / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 501 с.

90. Плунгян, В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В.А. Плунгян // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С.324-385.

91. Позднякова, С.Ю. Технические термины с компонентом-зоонимом (на примере военной и авиационной терминологии) / С.Ю. Позднякова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – №. 9 (92). – С. 335-340.

92. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д.Попова, И.А. Стернин – Directmedia, 2015. – 101 с.

93. Путова, И.Н. Английские зооморфные наименования воздушных судов военного назначения в зеркале метафоры / И.Н. Путова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – С. 161-164.

94. Резанова, З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». – 2010. – № 1(9). – С. 26-43.

95. Романов, А.С. Метафорическое моделирование как языковое средство экспликации этностереотипов армейской субкультуры США (на материале английского языка) / А.С. Романов, Р.И. Зарипов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №. 5-3 (71). – С.138-143.

96. Романов, А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Романов. – М., 2015. – 215 с.

97. Рябов, А.Г. Перенос значения в терминообразовании: на материале английской военной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г.Рябов. – М., 2010. – 19 с. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/perenos-znacheniya-v-terminoobrazovanii>

98. Рякина, О.Р. Структурно–семантическая и функциональная специфика военной авиационной инженерной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Р. Рякина. – Москва, 1997. – 19 с.

99. Сдобнова, Ю.Н. Некоторые особенности современного военного дискурса (на материале арготизмов-зоонимов в терминосфере Военно-Морских Сил Франции) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – Т. 12. – С. 149.

100. Сдобнова, Ю.Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных Сил Франции: дис. канд. филол. наук / Ю.Н. Сдобнова. – Москва, 2014. – 218 с.

101. Серль, Д. Метафора / Д. Серль // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307-341.

102. Силантьев, И.В. Дискурс и жанр / И.В. Силантьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2010. – Т. 9. – №. 6. – С. 78-83

103. Складьяревская, Г.Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6-13.

104. Складьяревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складьяревская. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.

105. Соколов, С.В. Развитие и современное состояние немецкоязычной военной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Соколов. – М., 2013. – 18 с.
106. Соловьева, Е.А. Антропонимические наименования современных ударно-боевых кораблей ВМС Франции / Е.А. Соловьева // Практики & Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. Т. 2 (3). – 2017а. – С. 145-155.
107. Соловьева, Е.А. Эмоционально–оценочная функция метафоры в речи французских военнослужащих в период Первой мировой войны / Е.А. Соловьева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19, вып. 1. – С. 7-10.
108. Соловьева, Е.А. Метафора как средство реализации юмора в субстандартной военной лексике (на материале французского языка) / Е.А. Соловьева // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2017б. – №3. – С.121-127.
109. Соловьева, Е.А. Неантропоцентрическая метафора в современной французской субстандартной военно-профессиональной лексике. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Филологические и педагогические исследования на современном этапе развития науки» / Е.А. Соловьева // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №6. – С. 214–217. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://hses-online.ru/2016/06/031.pdf>
110. Солопова, О.А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О.А. Солопова // М.: Флинта: Наука, 2015. –312 с.
111. Степанов, Е.А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Степанов. – М., 2012. – 18 с.

112. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов // М.: Языки славянских культур. – 2007. – 248 с.
113. Стрелковский, Г.М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык / Г.М. Стрелковский // М.: Воениздат, 1972. – 272 с.
114. Судзиловский, Г.А. К вопросу о "сленге" в английской военной лексике (Специфическая часть эмоционально окрашенного слоя английской военной лексики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Судзиловский. – Калинин, 1954. – 19 с.
115. Судзиловский, Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная лексика: англо-русский словарь военного сленга / Г.А. Судзиловский // М.: Воениздат. – 1973. – 182 с.
116. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-204.
117. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.
118. Терещенко, В.В. Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке (в сопоставлении с русским языком) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Терещенко. – М., 2001. – 19 с.
119. Трубачёв, О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О.Н. Трубачёв // Вопросы языкознания. – 1998. – №. 3. – С. 3–25.
120. Тупикова, С.Е. Разграничение понятий «Высказывание», «Дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике / С. Е. Тупикова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 148–154.

121. Уланов, А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дисс.. докт. филол. наук / А.В. Уланов. – Омск, 2014. – 494 с.
122. Унагаев, В.С. Структурно-семантическая характеристика аэрокосмической лексики в СМИ (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.С. Унагаев. – 2013. – 23 с.
123. Фанян, Н.Ю. Аргументированная модель семантического анализа текста / дискурса / Н.Ю. Фанян // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи: монография / под ред. В.В. Катерминой. – Краснодар, 2017. – С. 116-143.
124. Фахрутдинова, Д.Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса / Д.Р. Фахрутдинова // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Вып. №2. – Т.150. – Кн. 2. – С. 259-266.
125. Фененко, Н.А. Лингвистический статус термина реалия / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2-1. – С.5-9.
126. Фёдоров, В.А. Теория синтаксических концептов в практике перевода / В.А. Фёдоров // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. – № 2 (42). – С. 130-139.
127. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас // Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 381 с.
128. Хазагеров, Г.Г. Гиперболы, которыми мы живём [?] / Г.Г. Хазагеров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. №3. – 2017. – С.45–55.
129. Харченко, В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 88 с.

130. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга // Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

131. Хомутова, Т.Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т.Н. Хомутова, К.А. Наумова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 49–53.

132. Чеботарёва, В.В. Английский военный термин в лингвистическом и социокультурном аспектах): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Чеботарёва. – М., 2012. – 24 с.

133. Червоный, А.М. Метафорическое выражение субъекта ментальной деятельности французскими и английскими фразеологизмами / А.М. Червоный // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. – 2014. – № 1 (34). Электронный ресурс. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/034/08_34.pdf

134. Червоный, А.М. Скрытая агрессия в стратегиях использования паремий в массмедийном дискурсе / А.М. Червоный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. – № 3. – С. 184-189.

135. Чипан, И.М. Специальная и терминологическая лексика подъязыка морских специальностей (подводный флот): дис. ... канд. филол. наук / И.М. Чипан. – СПб., 2000. – 267 с.

136. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 175 с.

137. Шелов, С.Д. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учеб. пособие / С.Д. Шелов, В.М. Лейчик. – СПб.: Филологический факультет, 2012. – 96 с.

138. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.
139. Эмер, Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно–дискурсивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Эмер. –Томск, 2011. – 42 с.
140. Юсупова, Т.С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Юсупова. – Самара, 2010. – 21 с.
141. Abel, M.H. Humor, stress, and coping strategies. / M.H. Abel // *Humor*. 2002. – Vol. 15. № 4. – P. 365-381.
142. Adam, J-M. Genres, textes, discours: pour une reconception linguistique du concept de genre / J-M. Adam // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – 1997. – Vol. 75. – №. 3 – P. 665-681.
143. Austin, J.L. *How to Do Things with Words* / J.L. Austin. – Oxford, 1962. – 168 p.
144. Black, M. Metaphor / M. Black // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – The Oxford University Press, 1954 (55). – Vol. 55. – №. 1. – P. 273-294.
145. Black, M. More about metaphor / M. Black // *Metaphor and thought* (ed. By A. Ortony). – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – P. 19-49.
146. Cabré-Castellví, M.T. La terminologie, théorie, méthode et applications / M.T. Cabré-Castellví, M.C. Cormier / Traduction J. Humbley et M. Cormier. – 1998. – 322 p.
147. Cadiot, P. Métaphore prédicative nominale et motifs lexicaux / P. Cadiot // *Langue française*. – 2002. – Vol.134 (1) – P. 38-57.
148. Cassirer, E. *Language and Myth*. / E. Cassirer // New York: Dover, 1946. – 103 p.
149. Chadelat, J.M. Le vocabulaire militaire français en anglais : étude de la fonction expressive des emprunts français en langue anglaise / J.M. Chadelat // *Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité. Cahiers de l'Apliu*t. –

2003. – Vol. 22. – №. 3. – P. 27-39. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/apliut/3650>.

150. Charbonnel, N. La tâche aveugle / Charbonnel N. // Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg. – Vol. 1. – 1991. – 310 p.

151. Chouliaraki, L. Authoring the self: Media, voice and testimony in soldiers' memoirs / L. Chouliaraki // Media, War & Conflict. – 2016. – Vol. 9. – №. 1. – P. 58–75.

152. Cohen, T. Notes on Metaphor / T. Cohen // Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1976. – Vol. 34. – № 3. – P. 249-259.

153. De Saussure, F. Cours de linguistique générale / F. Saussure. Payot&Rivages, – 1916 [1995]. – 520 p.

154. Derrida, J. Speech and phenomena, and other essays on Husserl's theory of signs / J. Derrida. – Northwestern University Press, 1973. – 166 p.

155. Fairclough, N. Critical Language Awareness / N. Fairclough. – London: Longman, 1992. – 343 p.

156. Fauconnier, G. Conceptual blending, form and meaning / G. Fauconnier, M. Turner // Recherches en communication. – 2003. – T. 19. – № 19. – C. 57-86.

157. Fauconnier, G. The Way We Think. Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – 2002. – New York: Basic books. – 320 p.

158. Frisk, K. Armadillo and the Viking spirit: military names and national myths in transnational military interventions / K. Frisk // Critical Military Studies. – 2019. – Vol. 5. – №1. – P. 21-39. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23337486.2017.1319644>

159. Gallese, V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis / V. Gallese // Social neuroscience. – 2008. – Vol. 3. – № 3-4. – P. 317-333.

160. Gallese, V. The brain's concepts: The role of the sensory–motor system in conceptual knowledge / V. Gallese, G. Lakoff // *Cognitive neuropsychology*. – 2005. – Vol. 22. – №. 3-4. – P. 455-479.
161. Giaufret, A. Métaphores terminologiques, circulation des savoirs et contact entre langues / A. Giaufret, M. Rossi // *Signes, Discours et Sociétés*. – №.10. – 2013. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.revue-signes.info/document.php?id=3170>
162. Goodman, N. Metaphor as moonlighting / N. Goodman // *Critical Inquiry*. – 1979. – Vol. 6. – №. 1. – P. 125-130.
163. Grady, J. A typology of motivation for conceptual metaphor: Correlation vs resemblance / J. Grady. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 79-100.
164. Grady, J. Metaphor / J. Grady // *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. – Oxford University Press, 2007. – P. 188-213.
165. Groupe μ . Rhétorique générale / Groupe μ . / Paris: Editions du Seuil, 1982. – 224 p.
166. Guillaume, G. Principes de linguistique théorique / G. Guillaume, R. Valin. – Presses Université Laval, 2000. – 276 p.
167. Hannay, M. Acts and the relationship between discourse and grammar. / M. Hannay, C. Kroon // *Functions of Language*. – № 12. – Vol. 1. – 2005. – P. 87-124.
168. Harris, Z. Discourse Analysis / Z. Harris // *Language*. – Vol. 28, № 1. – 1952. P. 1-30. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/409987>
169. Henderson, W. Metaphor in economics / W. Henderson // *Economics*. – 1982. – Vol. 18. – №. 4. – P. 147-153.
170. Horne, C. La métaphore lexicale en terminologie: Comment mettre cent mille souris sur une puce? / C. Horne // *Initial (e) s*. – 1986. – Vol. 6. – P. 35-41.

<https://ojs.library.dal.ca/initiales/article/view/5005>

171. Huth, A.G. et al. Natural speech reveals the semantic maps that tile human cerebral cortex / A.G. Huth, W.A. de Heer, T.L. Griffiths, F.E. Theunissen, J.L. Gallant // *Nature*. – 2016. – Т. 532. – №. 7600. – С. 453-458.

172. Jaynes, J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind / J. Jaynes. – Houghton Mifflin Harcourt, 2000. – 512 p.

173. Joachim, J. Of "true professionals" and "ethical hero warriors": A gender-discourse analysis of private military and security companies / J. Joachim, A. Schneiker // *Security Dialogue*. – Vol. 43. – №. 6. – 2012. – P. 495-512.

174. Johnson, M. Why cognitive linguistics requires embodied realism / M. Johnson, G. Lakoff // *Cognitive linguistics*. – 2002. – Vol. 13. – №. 3. – P. 245-263.

175. Johnson-Laird, P.N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness / P. N. Johnson-Laird. – Harvard University Press, 1983. – 513 p.

176. Joxe, A. Vocabulaire des armes, phrasé militaire, langages stratégiques / A. Joxe // *Mots*. – 1997. – Vol. 51. – №. 1. – P. 7-21.

177. Kleiber, G. Nominales (essais de sémantique référentielle) / G. Kleiber // *Linguistique*. – 1994. – 247 p.

178. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction Second Edition / Z. Kövecses. – Oxford University Press, 2010. – 365 p.

179. Kress, G. Linguistic processes in sociocultural practice / G. Kress. – Victoria, Deakin University, 1985. – 101 p.

180. Lakoff, G. Introducing cognitive grammar / G. Lakoff, H. Thompson // *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – 1975. – Vol. 1. – P. 295-313.

181. Lakoff, G.M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

182. Lakoff, G. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

183. Lakoff, G. Obama reframes Syria: Metaphor and war revisited / G.Lakoff. – 2013. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://escholarship.org/content/qt8xm8z9s6/qt8xm8z9s6.pdf>
184. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh / G. Lakoff, M. Johnson – Basic books, 1999. – P. XIV+624 pp.
185. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Ed. by A. Ortony – Metaphor and thought 2ed. Cambridge: Cambridge University Press etc., 1993. – P. 202-251.
186. Lakoff, G. The metaphorical structure of the human conceptual system / G. Lakoff, M. Johnson // Cognitive science. – 1980. – Vol. 4. – №. 2. – P. 195-208.
187. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things / G. Lakoff. – University of Chicago press, 1987. – 632 p.
188. Leszczak, O. Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu / O. Leszczak. – Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2010. – 415 p.
189. MacCormac, E.R. Metaphor and Myth in Science and Religion / E.R. MacCormac Durham: Duke University Press, 1976. – 167 p.
190. Maingueneau, D. L'analyse du discours, introduction aux lectures de l'archive / D. Maingueneau. – Paris, Hachette Université. – 1991. – 268 p.
191. Mangiante, J.M. : Le français sur objectif spécifique / J.M. Mangiante, Ch. Parpette. – Paris : Hachette, 2004. – 160 p.
192. Maniakis, H. Construction du savoir langagier en français à la Légion étrangère: la double hybridation linguistique dans l'interlangue des légionnaires russes et polonais / H. Maniakis // Voix Plurielles. – Vol. 11. – №. 2. – 2014. – P. 133-145. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://brock.scholarsportal.info/journals/voixplurielles/article/view/1108/1063>
193. Mendenhall, V. Une introduction à l'analyse du discours argumentatif: des savoirs et savoir-faire fondamentaux / V.Mendenhall. – University of Ottawa Press, 1990. – 308 p.

194. Monneret, Ph. Essais de linguistique analogique / Ph. Monneret. – Dijon: ABELL, 2004. – 169 p.
195. Mraz, C. Le discours opératif en milieu militaire: la messagerie opérationnelle / C. Mraz // Colloque international des Etudiants chercheurs en Didactique des langues et en Linguistique. – 2014. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01251991/document>
196. Musolff, A. Metaphorical parasites and “parasitic” metaphors: Semantic exchanges between political and scientific vocabularies / A. Musolff // Journal of Language and Politics. – 2014. – Vol. 13. – №. 2. – P. 218-233.
197. Neveu, F. Dictionnaire des sciences du langage / F. Neveu. – Paris: Armand Colin, Collection "Dictionnaires". 2004. – 320 p.
198. Nietzsche, F. Le livre du philosophe / F. Nietzsche. – Garnier-Flammarion, 1991. – 192 p.
199. Oger, C. Analyse du discours institutionnel et sociologie compréhensive : vers une anthropologie des discours institutionnels / C. Oger, C. Ollivier-Yaniv // Mots. Les langages de politique. – 2003. – №. 71. – P. 125–145.
200. Oliveira, I. La métaphore terminologique sous un angle cognitive / I. Oliveira // Meta: Translators' Journal. – 2005. – Vol.50. – №4. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/59278031.pdf>
201. Oliveira, I. Nature et fonctions de la métaphore en science. L'exemple de la cardiologie / I. Oliveir. – Paris : L'Harmattan, 2009. – 220 p.
202. Ortony, A. Metaphor and Thought 2nd ed. / A. Ortony. – Cambridge University Press, 1993. – 678 p.
203. Paveau, M.A. Le langage des militaires. Éléments pour une ethnolinguistique de l'armée de terre française / M.A. Paveau // L'Information Grammaticale. – 1996. – № 69. – P. 53-55.
204. Pêcheux, M. Analyse automatique du discours / M. Pêcheux. – 1969. Paris, Dunod. –142 p.

205. Pottier, B. Représentations mentales et catégorisations linguistiques / B. Pottier. – Peeters Publishers, 2000. – 315 p.
206. Prandi, M. La métaphore: de la définition à la typologie / M. Prandi // Langue française. – 2002. – № 134. – P. 6-20.
207. Rastier, F. Sémantique et recherches cognitives / F. Rastier. – Paris: PUF, 1991. – 262 p.
208. Rastier, F. Sémantique interprétative / F. Rastier. – PUF, Paris. 1987. – 277 p.
209. Rastier, F. Sens et textualité / F. Rastier. – Paris : Hachette, 1989. – 287 p.
210. Rastier, F., Arts et sciences du texte / F. Rastier. – Paris : PUF, 2001. – 303 p.
211. Recanati, F. La polysémie contre le fixisme / F. Recanati // Langue française. – 1997. – P. 107-123.
212. Reddy, M. J. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language / M. J. Reddy // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Second Edition. – Cambridge, 1998. – P. 164-201.
213. Richards, I.A. Philosophy of rhetoric / I.A. Richards. – New York, London, Oxford University Press, 1936. – 138 p.
214. Ricoeur, P. La métaphore vive / P. Ricoeur. – Paris: Seuil, 1975. – 414 p.
215. Ricoeur, P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling Critical Inquiry / P. Ricoeur // Critical Inquiry. – 1978. – Vol. 5. № 1. – 143-159.
Электронный ресурс. Режим доступа:
https://www.humanities.uci.edu/poeticshistorytheory/user_files/Ricoeur.pdf
216. Riginos, A.S. The wounding of Philip II of Macedon: fact and fabrication / A. S. Riginos //The Journal of Hellenic Studies. – 1994. – Vol. 114. – P. 103-119.

217. Ritchie, D. Argument is war: Or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol* – 2003. – Vol. 18 (2). – P.125-146.
218. Rosch, E. Cognitive representations of semantic categories / E. Rosch // *Journal of experimental psychology: General*. – 1975. – Vol. 104. – №. 3. – P. 192-233
219. Rossi, M. Des ours et des taureaux : les métaphores dans les terminologies de spécialité sont-elles traduisibles? / M. Rossi // *Dans l'amour des mots. Chorale (s) pour Mariagrazia* / eds. Paissa P., Rigat F. et Vittoz M. B. Dell'Orso, Alessandria, 2015. – P. 109-122.
220. Rossi, M. Métaphores terminologiques : fonctions et statut dans les langues de spécialité / M. Rossi // *SHS Web of Conferences*. – EDP Sciences, 2014. – Vol. 8. P. 713-724.
221. Rottman, G.L. *The hand grenade* / G.L. Rottman – Bloomsbury Publishing, 2015. – 80 p.
222. Roulet, E. *L'articulation du discours en français contemporain* / E. Roulet, A. Auchlin, J. Moeschler, C. Ruttabel, M. Schelling – Berne : P. Lang, 1991. – VII+272 p.
223. Saber, A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains / A. Saber // *Cahiers du CIEL 2000–2003*. – P. 187-197.
224. Sieminski, G. *The Art of Naming Operations* / G. Sieminski / Newport, R.I.: Naval War College, 1995. – 40 p.
225. Soskice, J.M. *Metaphor and religious language* / J.M. Soskice. – Oxford University Press, 1987. – 204 p.
226. Steen, G. Basic discourse acts: Towards a psychological theory of discourse segmentation / G. Steen // *Cognitive linguistics: Internal dynamics and interdisciplinary interaction*. – 2005. – P. 283-312.
227. Talmy, L. *Concept Structuring Systems. Vol. 1.* / L. Talmy, – L.: The MIT Press, 2000. – 565 p.

228. Van Dijk, T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. van Dijk. – L.: Sage, 1998. – 374 pp.

229. Van Dijk, T.A. Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse / T.A. Van Dijk. – London and New York: Longman, 1977. – 261 p.

230. Weiss, A. Figurative language in biblical prose narrative: metaphor in the book of Samuel / A. Weiss. – Brill: Leiden, 2006. – P.19-20.

231. Wilks, Y. Methodology in AI and natural language understanding / Y. Wilks // Theoretical issues in natural language processing. Cambridge (Mass.), 1975. – P.130-133.

Печатные и электронные источники языкового материала

232. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Наука, 1966. – 607 с. (СЛТ).

233. Гарбовский, Н.К. Русско-французский словарь военных терминов / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 960 с.

234. Манилов, В.Л. Словарь военно-политических и военных терминов "Россия-НАТО" (русский, английский, французский) / В.Л. Манилов, К. Донелли. – М. – Брюссель: НАТО. – 2001. – 283 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/glossary/eng/index.htm>

235. Эллинские поэты VII-III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Ладомир, 1999. – 528 с.

236. Ярцев, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцев – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с. (ЛЭС).

237. 2 RIMA. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.2rima.fr/>

238. 3 RPIMA & TDM. Электронный ресурс. Режим доступа: http://amicale3rpima.com/?page_id=3654

239. 8 RPIMA. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.8rpima.fr/modules/pages/>

240. Air actualité. Le magazine de l'Armée de l'Air française. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fr.calameo.com/search#search-Air-Actualités/books>
241. Armées d'aujourd'hui. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.defense.gouv.fr/portail/magazine-armees-d-aujourd-hui>
242. ARTI le magazine de l'artillerie. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.emd.terre.defense.gouv.fr/arti.html>
243. Avions de combat. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tomcat85.free.fr/lexique.php><http://contrails.free.fr/lexique.php#R>
244. Barbusse, H. Le Feu. Journal d'une escouade / H. Barbusse. – Paris: HERNEST Flammarion 1917. – 378 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/lefeujournaldune48212gut>
245. Bennett, R. The Black and Tans. – Pen and Sword, 2010. – 228 p.
246. Bras, S. POMLT: gendarmes en Afghanistan / S. Bras 2010. – Ed.: Anovi, 2015. – 184 p.
247. Cassagne, J.M. Le grand dictionnaire de l'argot militaire / J.M. Cassagne. – Paris: LBM, 2007. – 459 p.
248. Cochet, F. Dictionnaire de la grande guerre: 1914–1918 / F. Cochet, R. Porte. – Paris: Laffont, 2008. – 1120 p.
249. Colin, J.P. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines / Colin J.P., Mével J. P., Leclère C. – P.: Larousse, 2002. – 904 p. (DAFSO).
250. Cols bleus. Le magazine de la Marine nationale. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.colsbleus.fr>
251. Contes véridiques des Tranchées 1914-1915 / Paris: A. Lemerre, 1915. – 300 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/contesvridique00pariuoft/page/n8>
252. Dauzat, A. L'Argot de la Guerre. D'après une enquête auprès des Officiers et Soldats. 1918. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/largotdelaguerre00dauzuoft>

253. Déchelette, F. L'argot des poilus. Dictionnaire humoristique et philologique du langage des soldats de la Grande guerre de 1914. – 1918. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/largotdespoilusd00dcuoft/page/n8>
254. Delvau, A. Dictionnaire de la Langue verte. Argots parisiens comparés. Deuxième édition. Entièrement refondue et considérablement augmentée / A. Delvau. – Paris: E. Dentu, 1867. – 567 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6424079b.texteImage>
255. Dictionnaire des termes militaires et de l'argot poilu. – 1916. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/dictionnairedest00pariuoft/page/n4> (DTMAP).
256. Dictionnaire Larousse Maxipoche Paris : Larousse, 2009. – 1620 p. (DLMP).
257. Dictionnaire Le Robert Maxi Plus. Paris: Le Robert-Sejer, 2016. – 1582 p. (DRMP).
258. Dorgelès, R. Les Croix de bois / R. Dorgelès. – Paris: Albin Michel, – 1919. – 345 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/lescroixdeboisco00dorguoft/page/n10>
259. Douady, Y. D'une guerre à l'autre. De la Côte d'Ivoire à l'Afghanistan avec le 2e RIMA / Y. Douady Paris: Nimrod, 2012. – 385 p.
260. Erbland, B. Dans les griffes du Tigre. Récits d'un officier pilote d'hélicoptère de combat. Libye – Afghanistan 2011 / B. Erbland. – Paris: Les Belles Lettres, 2013. –104 p.
261. Escadre des Missions Spéciales. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://escadre-ms.vraiforum.com/t145-Argot-dans-l-Armee-de-l-Air-05-2010.htm>
262. Esnault, G. Le Poilu tel qu'il se parle. – 1919. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/lepoilutelquulse00esnauoft/page/n8>

263. Focus stratégique. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ifri.org/fr/publications?term_node_tid_depth_1=121
264. Galopin, A. Les Poilus de la 9e / A. Galopin. – Paris: A. Michel, 1915. – 482 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/lespoilusdela9e00galo/page/n8>
265. Glossaire interarmées de terminologie opérationnelle. – 2013. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.unor-reserves.fr/numero_en_cours%20A&D/Glossaire%20interarm%C3%A9es.pdf
266. Gourseau, H. Dictionnaire des termes militaires anglais-français / H. Gourseau. – St-Orens de Gameville. – 2006. – 636 p.
267. Institut de recherche stratégique de l'École militaire (IRSEM). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.irsem.fr/>
268. Klaus Grenz. 3 RPIMa. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.grenz-klaus.de/8.htm>
269. La Fondation de la France Libre. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.france-libre.net/>
270. Lang, P. Le bestiaire de la Coloniale. 2013. – 73 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.troupesdemarine-ancredor.org/Archives/archives-Insignes/Pages2013/Fichiers/Bestiaire-Coloniale-Version2.pdf>
271. Le Nen, N. Task Force Tiger. Journal de marche d'un chef de corps français en Afghanistan / N. Le Nen. – Economica, 2010. – 128p.
272. Les Échos.fr. Centrafrique: pourquoi l'appellation «Sangaris»? Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.lesechos.fr/06/12/2013/lesechos.fr/0203174612405_centrafrique--pourquoi-l-appellation--sangaris---.htm
273. Littré, E. Dictionnaire de la langue française. Vol.01. [DLF]. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://archive.org/details/1883dictionnaire01littuoft/page/n8>

274. Ministère des Armées de la France. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.defense.gouv.fr>
275. Montagnon, P. Dictionnaire de la Grande Guerre / P. Montagnon. – Pygmalion, 2013. – 944 p.
276. Pilote. Электронный ресурс. Режим доступа: http://pilchasse.blogspot.com/2011/09/la-provence-par-dessus-tete-ou-premiere_18.html
277. Rat, M. Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles / M. Rat. – Ed.: Paris: Larousse, 2007. – 447 p.
278. Rey, A. Le Robert Expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – Paris: Le Robert, 2003. – 1086 p.
279. Rottman, G.L. The Hand Grenade / G.L. Rottman. – Bloomsbury Publishing, 2015. – 80 p.
280. Soldats de France. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.defense.gouv.fr/terre/histoire-et-patrimoine/accueil/publications/soldats-de-france>
281. Terre information magazine. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fr.calameo.com/subscriptions/206770> (TIM).
282. TLFi. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr/>
283. TTA 150 I. Connaissances militaires générales. – 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fr.scribd.com/doc/237038117/TTA-150-Manuel-Du-Sous-Officier-Titre-1-Connaissances-Militaires-Generales-Edition-2008>
284. TTA 150 VII. Tir et instruction du tir. – 2012. – 167 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fr.scribd.com/document/369714754/TTA-150-titre-VII-Tir-Et-Instruction-Du-Tir>
285. TTA 150 XV. Connaissance et entretien de l'armement. 2008. – 186 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.fichier-pdf.fr/2014/09/11/tta150-15-2008/>

286. ТТА 980. Manuel d'emploi des forces terrestres en zone urbaine. – 2005. – 66 p. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fr.scribd.com/document/157193231/ТТА-980-Manuel-d-Emploi-Des-Forces-Terrestres-en-Zone-Urbaine-France-2005>

287. Universalium. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://universalium.academic.ru>

288. Vocabulaire de la défense. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.culture.fr/Ressources/FranceTerme/Librairie/2005-Vocabulaire-de-la-defense>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в современном институциональном французском военном дискурсе

Концепт-источник метафорической номинации	Кол-во метафор	%
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Тело человека	55	5
Одушевлённое существо (персонификация)	116	11
Ощущения	115	11
Пространственное положение, статус	39	4
Невоенные профессии и занятия	75	7
Религия, мифология, история	67	6
Реалии быта и привычного мира	318	31
Инженерно-технические объекты	27	3
Одежда, аксессуары	34	3
Итого	846	82
НЕАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Фауна	88	9
Растения	21	2
Геологические объекты	16	2
Водная среда	23	2
Природные и физические явления	38	4
Итого	186	18
ОБЩИЙ ОБЪЕМ	1032	100

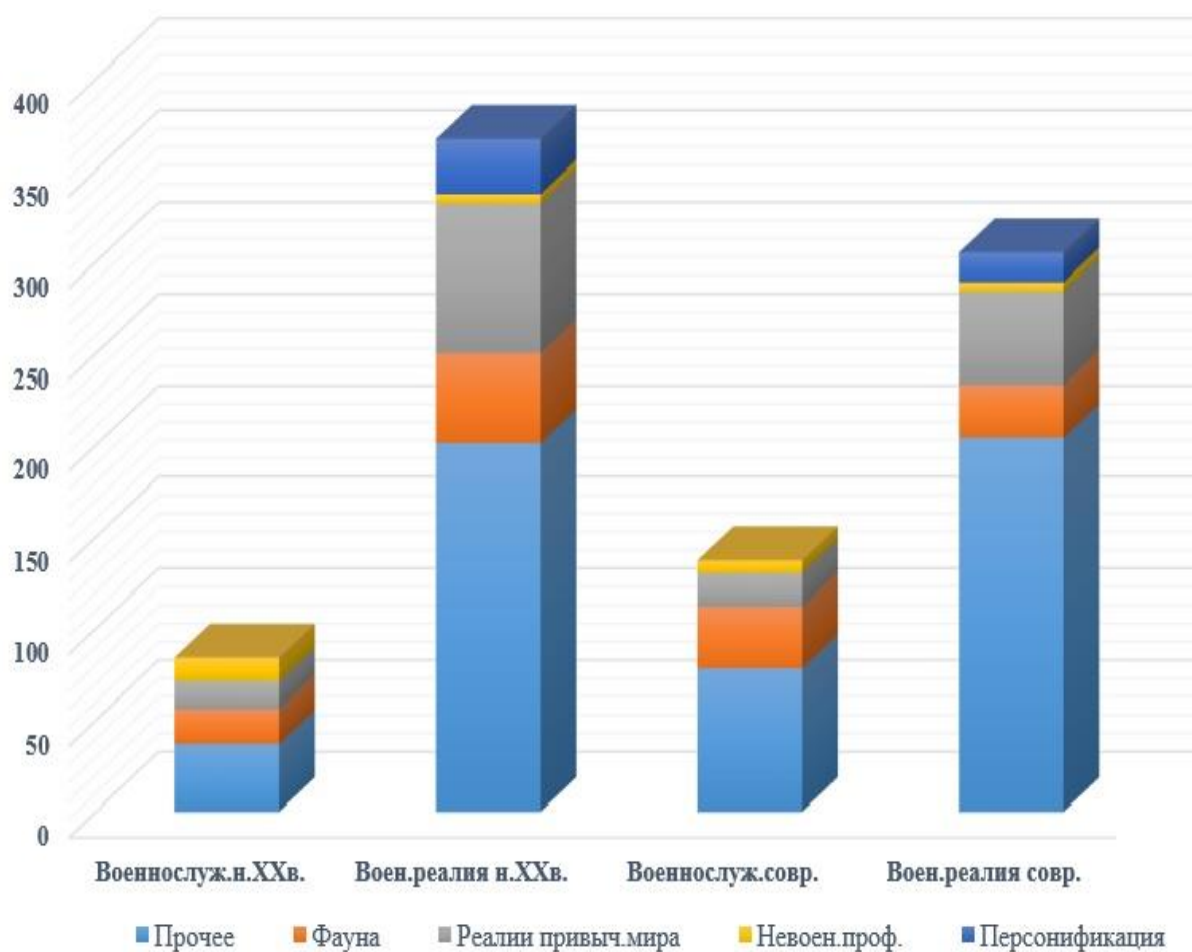
Приложение 2. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в современном неинституциональном французском военном дискурсе

Концепт-источник метафорической номинации	Кол-во метафор	%
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Тело человека	18	4
Одушевлённое существо (персонификация)	22	5
Ощущения	21	5
Пространственное положение, статус	18	4
Невоенные профессии и занятия	40	9
Религия, мифология, история	36	8
Реалии быта и привычного мира	139	31
Инженерно-технические объекты	12	3
Одежда, аксессуары	18	4
Итого	324	73
НЕАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Фауна	81	18
Растения	29	7
Геологические объекты	5	1
Водная среда	2	1
Природные и физические явления	1	0
Итого	118	27
ОБЩИЙ ОБЪЕМ	442	100

Приложение 3. Антропоцентрическая и неантропоцентрическая метафора в субстандартном военном вокабуляре начала XX века

Концепт-источник метафорической номинации	Кол-во метафор	%
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Тело человека	13	3
Одушевлённое существо (персонификация)	35	8
Ощущения	16	4
Пространственное положение, статус	8	2
Невоенные профессии и занятия	32	6
Религия, мифология, история	17	4
Реалии быта и привычного мира	175	39
Инженерно-технические объекты	30	7
Одежда, аксессуары	15	3
Итого	341	76
НЕАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		
Фауна	79	18
Растения	18	4
Геологические объекты	4	1
Водная среда	5	1
Природные и физические явления	4	1
ИТОГО	110	24
ОБЩИЙ ОБЪЕМ	451	100

Приложение 4. Диаграмма распределения концептов-источников метафорической номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте

Приложение 5. Диаграмма распределения концептов-мишеней метафорической номинации в неинституциональном французском военном дискурсе в диахроническом аспекте

